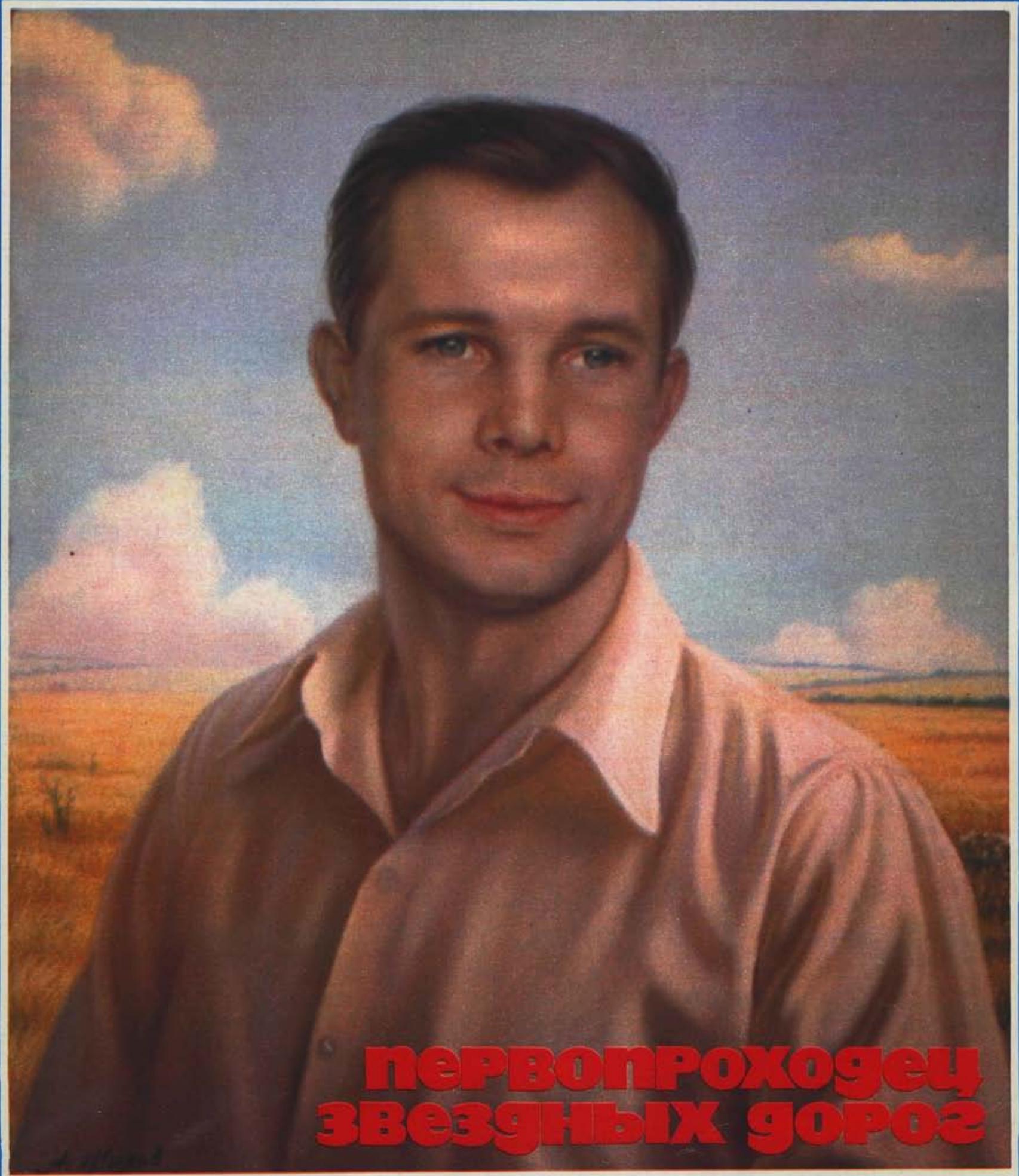

смена

№ 7 АПРЕЛЬ 1981

**пЕРВОПРОХОДЕЦ
ЗВЕЗДНЫХ ГОРОДОВ**

ПАРТИИ-СЛАВА!

Знаменательные, волнующие дни пережили советские люди, все наши друзья в зарубежных странах в конце февраля—начале марта, когда в столице нашей Родины Москве, в Кремлевском Дворце съездов, работал высший форум коммунистов—XXVI съезд родной ленинской партии.

Его ждали, к нему готовились миллионы трудящихся нашей страны. Пять лет отделяли нас от исторического XXV съезда КПСС. Для истории пять лет—совсем небольшой отрезок времени. В эти необычайно динамичные годы вместились такие грандиозные свершения советского народа, такие важные события в нашей стране и на планете, которые дают новые, неотразимые по своей убедительности доказательства великой созидающей силы социализма, мудрости и прозорливости ленинской партии, выработанного ею курса внутренней и внешней политики.

Делегаты XXVI съезда заслушали и обсудили «Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev.

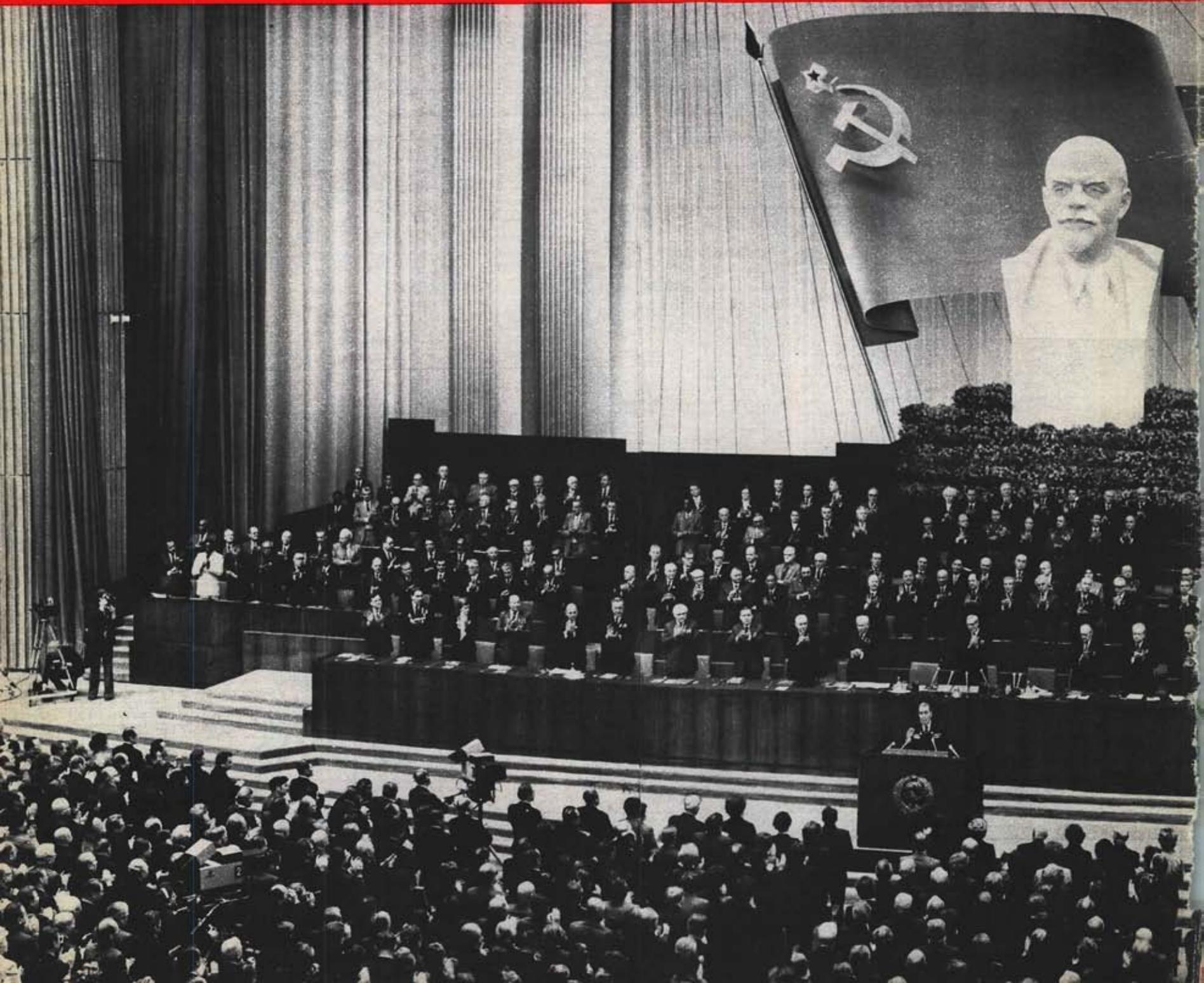
Это программный документ, несущий идеиный заряд небывалой силы. В нем содержатся важнейшие обобщения и выводы по коренным проблемам развития мирового революционного процесса. В нем—подтверждение неизменности внешнеполитического курса КПСС, направленного на укрепление мира и международной безопасности, сохранение и упрочение разрядки, против гонки вооружений, за разоружение. Он выбрал развернутую программу экономической и социальной политики партии, вопросы партийного строительства, идеально-воспитательной работы на грядущее десятилетие.

XXVI съезд КПСС целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета партии, положения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе ЦК КПСС.

Съезд обсудил также доклад Председателя Совета Министров СССР товарища Н. А. Тихонова об Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года и принял соответствующее постановление.

От имени сорокамиллионного Ленинского комсомола на съезде выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. Ленинский комсомол, вся советская молодежь, подчеркнул он, безраздельно одобряют и поддерживают политику партии, деятельность Центрального Комитета, который возглавляет выдающийся продолжатель дела Ленина, пламенный борец за мир и коммунизм, замечательный друг советской молодежи Леонид Ильич Брежнев.

В пятый день работы съезда его делегатов пришли приветствовать представители юности страны, вручившие товарищу Леониду Ильичу Брежневу Рапорт Ленинского комсомола о трудовых свершениях советской молодежи на встречу XXVI съезду. В этом Рапорте—цифры и факты, говорящие о том, что свою сыновнюю любовь и преданность партии она подтверждает конкретными делами. Более 30 миллионов юношей и девушек, тысячи комсомольско-молодежных коллективов значительно раньше сроков выполнили пятилетние задания. 500 тысяч добровольцев получили рабочие путевки на ударные комсомольские стройки Западной Сибири, БАМа, Нечерноземья, а в первые же дни после завершения работы форума к ним прибавился еще 7-тысячный

Всесоюзный ударный комсомольский отряд, которому присвоено почетное имя XXVI съезда КПСС.

Наша партия в своей практической деятельности исходит из того, что успешное продвижение по пути коммунистического созидания в значительной степени предопределяется ростом богатства духовной жизни советских людей, их сознательности, идейности, инициативы и ответственности. Чем богаче духовный мир и глубже идеальная убежденность советского человека, тем выше его политическая и трудовая активность в борьбе за торжество коммунистических идеалов.

Сама жизнь предъявляет к комсомолу сегодня все более и более высокие требования — об этом ясно и по-отечески доброжелательно сказал в Отчетном докладе товарищ Леонид Ильич Брежнев. И потому Ленинский комсомол выдвигает свою задачу в том, чтобы целенаправленно и широко вести политическую и идеально-воспитательную работу среди молодежи, помогать ей овладевать марксистско-ленинской теорией — ключом к решению всех актуальных проблем практики, воспитывать у каждого юноши и каждой девушки активную жизненную позицию. В этой работе молодежь, помимо наказа Владимира Ильина Ленина, учится коммунизму и берет пример с лучших людей страны — коммунистов.

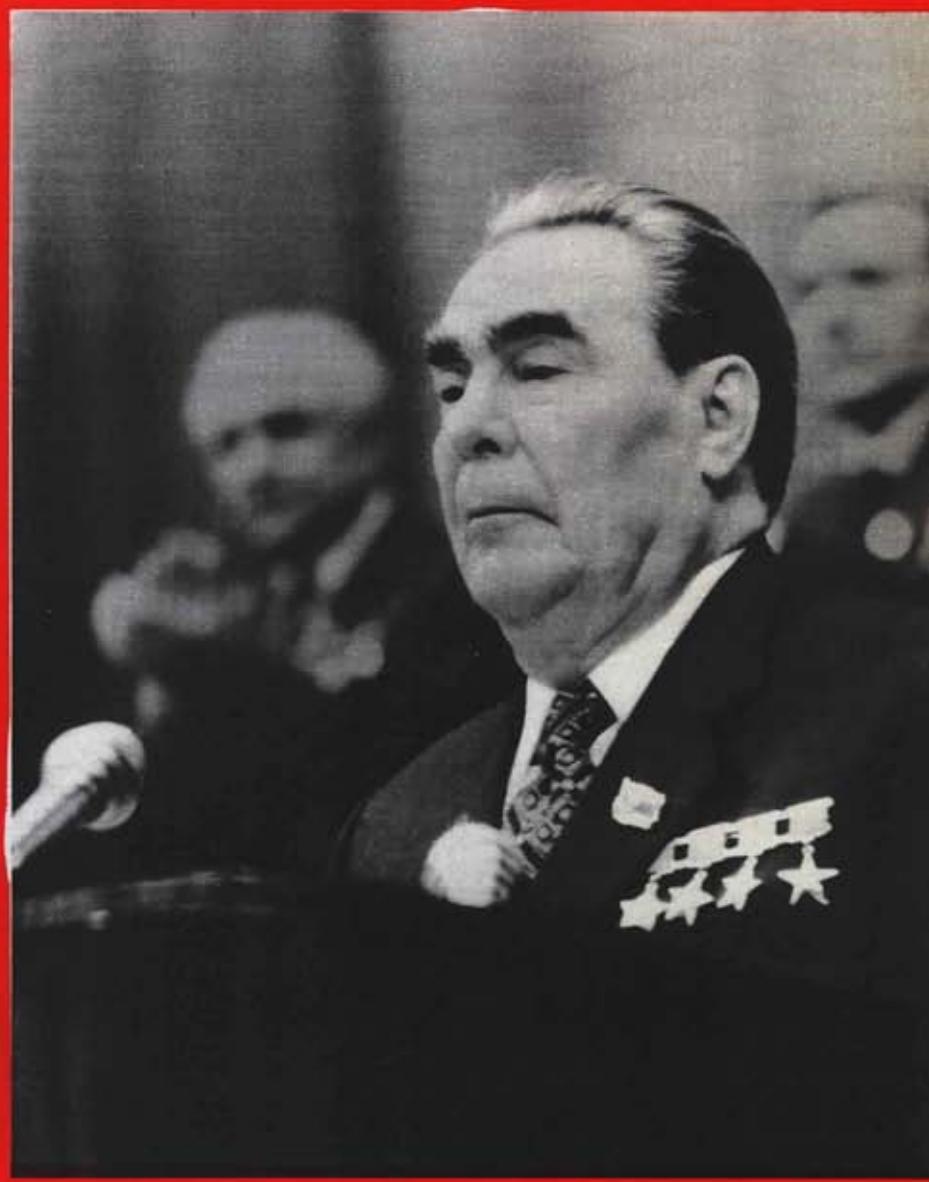
Это они идут в первых рядах строителей нашего общества.

Это они первыми высоко подняли знамя предсъездовского социалистического соревнования и стали его маяками.

Это они в каждом коллективе составляют боевой авангард, который увлекает и ведет за собой всех.

Это доверие — быть рядом с коммунистами на самом переднем фронте борьбы — охватывает советскую молодежь активно усваивать революционное мировоззрение, идеальные ценности предшествующих поколений, вырабатывать активную жизненную позицию, бороться против чуждых социалистическому образу жизни явлений, по-ударному трудиться в новой, одиннадцатой пятилетке.

Ленинский комсомол, воодушевленный идеями XXVI съезда КПСС, со всем присущим молодости энтузиазмом, энергией и инициативой будет и впредь, как заверил съезд первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, «выполнять почетную роль верного помощника и боевого резерва Коммунистической партии. Советская молодежь оправдывает надежды Родины, будет всегда высоко нести знамя коммунизма!»

Мы часто говорим: комсомол — это наша смена, это помощник партии. Правильные, очень правильные слова! Молодые люди, которым сегодня 18—25 лет, завтра образуют костяк нашего общества. Способствовать формированию поколения людей политически активных, знающих дело, любящих труд и умеющих работать, всегда готовых к защите своей Родины, — вот самое важное, самое главное в работе комсомола.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из Отчетного доклада ЦК КПСС
XXVI съезду партии.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА и Алексея ГОСТЕВА

Чувство гордости за величественные свершения советского народа, руководимого ленинской Коммунистической партией, вызвал у комсомольцев и молодежи XXVI съезд КПСС, провозглашенные им светлые идеалы мира и прогресса, великая программа «Все во имя человека, все для блага человека!». Решения съезда партии рождают у советских юношей и девушек глубокую личную ответственность за выполнение планов экономического и социального развития страны. Об одном из примеров этого рассказывается в сегодняшнем номере «Смены».

МОЛОДО

Игорь СЕРКОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ХРОНИКА

За годы десятой пятилетки молодыми рабочими Ивановского ордена Ленина камвольного комбината имени В. И. Ленина в счет встречного плана выпущено дополнительно продукции на 43,9 миллиона рублей из 67,5 миллиона в целом по предприятию.

Практически все молодые рабочие основных профессий увеличили зону обслуживания оборудования, досрочно завершили задания десятой пятилетки. 70 процентов комсомольцев носят почетное звание «Ударник коммунистического труда».

У нее по-детски припухлое лицо, светлый чубчик выбивается из-под голубой косынки — косынки начинающей камвольщицы. Иногда ее легкая улыбка кажется чуть высокомерной, как это часто бывает у подростков. Случается, она вдруг улыбнется как бы невпопад, но потом понимаешь, что обращена эта улыбка не к собеседнику, а к своим уже сложившимся, но еще таинным мыслям — обычная юношеская черта. Ей семнадцать лет.

С той поры, как Галия Тихомирова

«БЕРЕЧЬ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ!» —
ПОВЕСТКА ДНЯ
КОМСОМОЛЬСКОГО СОБРАНИЯ.
СЛОВО ГАЛИНЫ ИВАНОВОЙ.

получалось, не доверили бы, и все-таки спрашивала. Ведь хорошо помню: Валентина Голубева, лучшая ткачиха страны, уникальный рабочий талант, пришла на комбинат тоже в семнадцать, но после училища. И работать на шестнадцати станках стала только через десять лет — одна-единственная на комбинате. И всего-то тому — пять лет. Как тут не спросить!

А в ответ — та самая улыбка чему-то своему и взгляд, конечно, отведенный в окно. Только на этот раз часть улыбки и в мой адрес.

Чтобы уж окончательно и прямо выйти на интересующую нас тему, приведу одну реплику-воспоминание начальника отдела производственно-технического обучения Розы Георгиевны Хазановой. Случилось это во время ее поездки в Астрахань. На тамошнем камвольном комбинате она разговаривала с молодой придильщицей:

- Сколько лет работаешь?
- Да уже пять.
- А на скольких сторонках?
- На трех все время.

У ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ВАЛЕНТИНЫ ГОЛУБЕВОЙ НЕТ СЕКРЕТОВ МАСТЕРСТВА НИ ОТ СВОЕЙ УЧЕНИЦЫ ТАТЬЯНЫ СЛЮНЧЕНКО, НИ ОТ ВСЕХ ДРУГИХ ТКАЧИХ.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ МОЛОДОЙ КАМВОЛЬЩИЦЫ — ВСПЕРВЫЕ ОНА ВЫЙДЕТ НА СМЕНУ НЕ В ГОЛУБОЙ КОСЫНКЕ НАЧИНАЮЩЕЙ, А В АЛОЙ КОСЫНКЕ УДАРНИЦЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

стала учиться на ткачиху, пошел всего четвертый месяц. Мастерству ткачихи она до этого нигде не училась. Недавно стала работать на шестнадцати станках. А среднеотраслевая норма — шесть. Правда, на камвольном норма своя — девять.

— И получается? — невольно спрашиваю я. Понимаю, что, если бы не

ВОТ ТАК, ОТ ВСЕЙ ДУШИ, ВО ВСЕЙ ГОЛОС ЧЕСТВУЮТ ЗДЕСЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ.

— А больше можешь взять?
— Не знаю. Не пробовала... Не предлагаю...

Здесь Хазанова, рассказывая, каждый раз не выдерживает:

— Да разве у нас такое возможно! Что же возможно на Ивановском камвольном? И почему?

Факты, приведенные вначале, в некоторой степени отвечают на первый вопрос. Ответом на второй — почему это возможно, как достигнуто? — хочется заняться поподробнее.

Ивановский камвольный задумывался как образцовое предприятие. Таким его и построили. С этим же прицелом оснастили отменной по тем временам техникой. Рабочее ядро комбината состоялось из лучших, опытнейших текстильщиков разных предприятий. В 1963 году, в год рождения уже знакомой нам Гали Тихомировой, камвольный выдал первый початок пряжи. В отделе кадров томилась очередь из желающих работать на комбинате. Брали далеко не каждого.

Уверенно и споро — этакий акселератор второй половины двадцатого века — камвольный набирал силу, выходил в первые ряды. Через четыре года была достигнута проектная мощность. Сознавая и не придерживая набранную силу, комбинат первым начал работу по составлению напряженного плана, который скоро по всей стране стал известен как встречный. Досрочно были выполнены восьмая и девятая пятилетки.

Но вот к началу десятой камвольщики перекрыли — и значительно — проектные мощности комбината в целом и каждой единицы оборудования в отдельности, среднеотраслевую производительность станков и производительность труда. Не обошла их и демографическая ситуация. Очереди в отделе кадров уже не было, приходилось не выбирать, а брать всех желающих, порой и тех, кому хотелось бы дать отворот ловорот.

Комбинат лихо и умно использовал все, чем его щедро наделили. Но чтобы двигаться дальше, не отступать, нужно было искать какие-то новые, свои ходы.

Директор комбината В. И. Косульников четко формулирует: «Разработка встречного плана на десятую пятилетку объективно поставила комбинат перед необходимостью привести в действие внутренние резервы производства».

В данном случае это то «объективно», за которым явно и нескрываемо стоят субъективное желание коллектива не стоять на месте. Двигаться дальше. В темпе, к которому привыкли. На привычном месте — в голове текстильного производства страны.

Проведенные исследования только подтвердили: рasti дальше можно лишь за счет самого широкого распространения передового опыта. Он должен стать достоянием каждого — буквально и без исключения. А надежно поддерживать его должны техническое перевооружение и модернизация оборудования.

На что на что, а уж на отсутствие

передовиков, ударников на камвольном никогда не жаловались. И, когда ситуация потребовала человека, который начнет работать по-новому, своей работой покажет, что есть куда шагнуть каждому, за таким человеком дело не стало. Круто, стартующей ракетой взошла звезда ткачихи Валентины Голубевой. За один только первый год пятилетки она перешла на обслуживание сначала 16, потом 22, а потом и 28 станков. Представления о возможном стали иными.

Об этом она, делегат ивановцев, говорила на XXVI съезде КПСС.

Одновременно на комбинате шла работа по созданию четкого механизма широкого распространения передового опыта. Систематизировался, изучался весь накопленный запас.

ДОКУМЕНТ

Из положения об организации изучения, обобщения и планомерного распространения передового опыта на Ивановском камвольном комбинате

Система включает следующие основные этапы:

Первый этап — проведение общественных смотров применяемых методов и приемов труда, из которых складывается технологический цикл. На этом этапе проводятся общественные смотры и конкурсы рабочего мастерства, организуется сбор предложений по рационализации трудовых процессов.

Второй этап — проведение комплексного технико-экономического анализа применяемых трудовых методов, операций и приемов. На этом этапе дается экономическая и социальная оценка опыта и предложений по совершенствованию методов и приемов труда, производится отбор лучших из них.

Третий этап — разработка комплексных карт новаторского опыта. На этом этапе проектируются рациональные трудовые процессы, составляются описания передового опыта.

Четвертый этап — планирование совместного применения передового опыта. На этом этапе разрабатываются графики обучения всех рабочих данной профессии в соответствии с картой новаторского опыта, составляются программы работ школ передового опыта, школ коммунистического труда и профтехучилища, организуются наставничество.

Пятый этап — технико-экономическое обеспечение широкого использования передового опыта. На этом этапе осуществляются необходимые оргтехнические мероприятия, создающие условия для повсеместного применения передового опыта.

Шестой этап — разработка встречных планов с учетом эффекта передового опыта. Организуется соревнование за выполнение встречных планов, достижение наивысшей производительности труда и улучшение качества продукции.

РАБОТАЕТ КОМИТЕТ КОМСОМОЛА КОМБИНАТА. ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ЗАВТРА ТРУДИТЬСЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕГОДНЯ?

— Давай с тобой, девонька, сперва решим: сразу на трех станках будешь учиться работать или сначала на двух, как по норме?

— Не знаю я, тетя Галь...

— А знать тут нечего! — невесть откуда возникла группировка комсомольско-молодежного коллектива Тамара Идт. — У нас на двух никто не работает, нечего и пробовать — время терять.

Будущая ленточница часового производства Гали Иванова, еще несколько дней назад контролер кондитерского цеха, ссорившаяся с начальством из-за сладких пряников — считала: главное, чтобы вкусными были, а дефекты формы пережить можно, — согласно кивнула:

— На трех.

— Да ты не бойся, — улыбнулась Галина Ивановна Филимонова, — станки у нас хорошие, таких на других фабриках не найдешь. Я рядом буду. Девочки всегда помогут.

Уплотнение — увеличенная зона обслуживания станков — стало фирменной маркой камвольного. Толчковой силой, позволяющей брать новые и новые рубежи. Чудесной палочкой-выручалочкой, спасающей положение в трудных ситуациях, когда, например, гриппует чуть ли не третья работник комбината.

И тут необходимо сразу сказать: достигается это уплотнение не перенапряжением работающих, не выматывающими темпами. Нет, здесь сразу отказалось от такого способа выполнения планов, как увеличение скорости работы станков, что еще практикуется на некоторых предприятиях. Когда ткачиха буквально мечется между настолько стучящими машинами, а обрывность растет и никак за нее не уследишь. В уплотнении ивановских камвольщиц все иное — и основа, и суть, и цель.

Оборудование камвольного сейчас можно смело называть уникальным. Не потому, что исхитрились выбрать, достать. Сделали его таким сами камвольщики — на комбинате модернизируются и перестраиваются целые узлы машин и станков. Сокращается — непрерывно, методично — доля ручного труда. Работницы избавляются от многих трудоемких операций. А в результате у каждой из них появилась возможность без какого-либо физического напряжения увеличить свои зоны обслуживания на 25—30 процентов. И не новый, а «всего лишь» модернизированный ивановским умельцами станок получил на ВДНХ СССР самые лестные оценки специалистов. А Валентина Голубева, передняя с 22 станков на 28, не раз подчеркивала: «Эти шесть станков мне как бы подарили наши инженеры и изобретатели».

Скоростные приемы работы здесь сразу становятся достоянием всех. Не уследишь, что нового придумала в работе соседка, — комсомольская наглядная агитация, молодежные радиопередачи оперативно расскажут об этом. В школах передового опыта, прямо на рабочих местах или в специальных кабинетах лучшие мастерицы учат всему, что умеют сами.

К уплотнению здесь не принуждают. Его не ставят обязательным, а потому нежеланным условием. К нему... да, пожалуй, именно привлекают. То есть делают привлекательным. И потому к нему искренне стремятся. Умеют здесь и не пропустить тот загоревшийся в молодом работнике интерес к более плотной работе. По-человечески предложит попробовать себя в ней.

У Владимира Гришина, нынешнего секретаря комитета комсомола комбината, в то время когда он пришел сконд начинаяющим мастером придильного производства, случился такой эпизод. На одном из комплектов не вышли на работу по болезни сразу три работницы. Не долго думая молодой мастер лихо предложил: «Давайте встанем сегодня

на большее уплотнение! Каждая на пять сторонок!» А девчата в ответ молчат. Потом Нина Морозова за всех сказала, что сырье последнее время идет плохое и без уплотнения устают они больше обычного. Вот так. И ушел начинающий мастер ни с чем жаловаться своему наставнику Александре Григорьевне Гусевой, мастеру многоопытному и многоумному. Что делать?

— Поговорить с девчатами надо, — ответила Гусева.

— Бесполезно...

— Ну, а я все-таки попробую.

И попробовала. Никаких волшебных и заветных слов Гусева вроде бы тогда не говорила. Сказала, что с сырьем постараются выпрямить дело, помастера будут все время на месте, машины будут идти как заведенные... Пошутила над чмом, посмеялись вместе... И вышли девчата на новое уплотнение и отработали как надо. Ох, и обиделся тогда на них Володя Гришин!

Сегодняшний Гришин над собой тогдающим только посмеивается: «Зря обижался. Потом, когда узнал девчят поганые, понял, что ошибся. Так, с бухты-баракты, насоком не уплотняются. Это же не игрушка. Зато сейчас в этом комплексе все работают на пяти сторонах. А Нина Морозова ездила от комбината на отраслевой конкурс».

ДОКУМЕНТ

Широкое планомерное распространение передового опыта — важнейшая задача социалистического соревнования.

Месяца через четыре Галия Иванова впервые стала победительницей социалистического соревнования — удалось-таки обогнать Таню Гурянову. Победила она пока в своей группе — работающих на комбинате первый год. И все-таки именно тогда первый раз уверенно подумала: придет время соревноваться с опытными мастерами — и засоряется.

Честно говоря, дать именно 117 процентов я не стремилась. Цель у меня другая была — работать быстрее, чтобы от других не отстать, соседок не подвести. Вот я работаю на первом переходе, обеспечиваю лентами второй переход, где моя полная тезка Галия Иванова работает. Она у нас ударница. Как же я могу ее подвести, нужного количества клубков не дать, когда она столько со мной возилась? Нет тети Гали Филимоновой — Гали ко мне со своего перехода бежит чуть что. И намоты поможет размотать, и клубки разобрать, и ленту заправить. Представляете, как я себя чувствовала, когда она из-за меня простоявала?

Среди победительниц социалистического соревнования в честь XXVI съезда КПСС в придильном производстве впервые прозвучали имена Галины Ивченко, Нины Винокуровой, Тани Монаховой, Ани Уткиной, Эльвиры Евхалицкой... Только здесь, в придильном, их оказалось около тридцати — победительниц, чей стаж работы не насчитывает и года. Их показатели по сравнению с достижениями опытных мастеров и тех, кто работает уже два-три года, скромны. И тем не менее они победительницы. И право их называться столь высокими словами бесспорно.

На камвольном добились того, что на иных предприятиях считают практическими недостижимыми — лозунг социалистического соревнования «Дойти до каждого!» из задачи превратился в реальность. Соревнование здесь действительно стало всеохватным. У любого работника независимо от стажа, квалификации, специальности — не остались в стороне не только подсобные рабочие, но и воспитатели детских садов и яслей — есть возможность быть среди победителей. Потому что здесь стали сравнивать сравнимое. Выделять все существенное. Желание, стремление новичка могут оценить выше холодной отработанности приемов опытного работника. Общественную жилку, боль за

коллективное дело предпочесть замкнутости сосредоточенного лишь на своих успехах мастеровитого индивидуалиста. Акценты точно расставляются и строго учитываются.

— Многолетней практикой мы убеждены: соревнование — процесс управляющий, — скажет секретарь парткома комбината В. П. Смирнов. — При правильной организации это не борьба честолюбия и меркантильных интересов, а здоровый спор единомышленников. Можно на какое-то время какими-то посланиями подстегнуть, подогреть соперничество среди немногих. Но создать атмосферу всеобщей заинтересованности в высокопроизводительном труде — это совсем иное дело. Без широкого распространения передового опыта создать такую атмосферу нельзя.

Итак, соревнование пробуждает, стимулирует интерес ко всему передовому. А оно, в свою очередь, выводит человека к новым рубежам, втягивает в соперничество с лучшими. Одно неотделимо от другого. Невозможно без другого.

На камвольном это закон. Не умозрительное построение, далекое от жизни. Закон, вытекающий из сути дела. Открытый в ходе дела. Подобный закону природы. Его можно знать или не знать, принимать или не принимать, но жить все равно можно только по нему.

Система существования — от изучения до распространения — новаторского опыта, с которой мы уже познакомились, потому и оказалась необходимой и жизнеспособной, что возникла и выстроилась согласно, а не вопреки или без оглядки на этот закон.

ФАКТЫ

За год на Ивановском камвольном комбинате изучается и обобщается опыт примерно 60 лучших работников. Разрабатываются 20 комплексных карт новаторского опыта.

В конкурсах профессионального мастерства ежегодно участвуют до 750 молодых рабочих.

Только за 1980 год 130 пропагандистов сети комсомольской учебы помогли 1183 молодым слушателям рассчитать, экономически обосновать и выполнить личные встречные планы.

За каждым пунктом системы, как видим, — реальная польза. Зачастую не только записанная на бумаге. Когда комсомольская организация рекомендовала для участия в конкурсе профессионального мастерства ткачиху Надю Мотолову, только недавно сменившую голубую косынку начинающей на красную косынку ударницы, сама Надя не очень понимала, какой от нее на конкурсе будет прок. Рядом-то с самой Максячиной и своей наставницей Тамарой Федоровной Коликовской? Обогнать их она действительно не могла. Но в разработанной после конкурса карте передового опыта как будто узнала некоторые из своих приемов. Как будто — потому что то, что у нее только иной раз, будто ненароком, по счастливой случайности выходило, здесь было четко разложено на составные и точно вписано во всю диаграмму работы. А средняя скорость выполнения приемов была предусмотрена выше той, что они еще год назад осваивали в школе передового опыта. Для себя же лично Надя во время конкурса поняла: где-то она уже к уровню высоких мастеров подходит, зато в другом еще далека от них. Выравниваться надо. И уже скоро она попробовала себя не только на 18 станках, но и на 21, хотя до конкурса о таком и не думала.

И это закономерность. Чему, например, научились в школе передового опыта, который ведет Нина Кузьминична Максячина, молодые ткачи? Устранять обрывы основной нити быстрее, чем раньше? Не терять столь нужное время на съемах бобины? Грамотно ходить по маршруту среди станков? Обязательно. Но еще узнают, что интересно работать, лишь соревнуясь с самыми сильными и лучшими. А насто-

ящий лидер не тот, кто всех позади оставил, а тот, кто и другим помогает набраться мастерства. В программах школ это вроде и не предусмотрено. Но без таких дисциплин на камвольном ни одна школа не обходится.

Принятие личных встречных планов — тоже школа. Школа гражданственности. Школа ответственности за свое слово. Умения мыслить, знать. Вот почему так нетороплива и обстоятельна Александра Григорьевна Гусева, мастер придильного и пропагандист, когда думает со своими подопечными над их планами. Кому-то не даст необдуманно рвануться в недоступные пока выси. Может, правильнее сейчас сделать упор на экономию материалов и уменьшение брака! Кого-то, наоборот, подтолкнет: можешь уже на большее замахнуться, давай-ка вместе подсчитаем... А когда в дни ударной предсъездовской вахты совсем еще молодая Валентина Пугачева, спрятавшаяся с годовым заданием в июне, решила до конца пятилетки выполнить еще одно годовое задание, пропагандист ее поддержала: выполнишь. Здесь это слово было самым нужным и верным. Вера людей, которых уважаешь, дорого стоит...

Система, как видите, снова безошибочно вывела нас на соревнование. Одно не существует без другого.

ФАКТ

В десятой пятилетке число молодых рабочих, не выполняющих технически обоснованные нормы выработки, снизилось с 81 до 5 человек.

— Только не надо думать, что мы стремимся довести это число до нуля. Больше того, вполне вероятно, что в следующем месяце число невыполняющих возрастет — сразу настраивает меня на реалистический лад Гришин. В комитете комсомола мы изучаем любопытный документ — список отставших. Пять фамилий. В следующей графе — выявленные причины отставания. Неудовлетворительное отношение к работе. Слабая подготовка — после училища находилась в отпуске. Не соблюдает график чистки машин. Замедленная реакция. Не восстановлены скоростные приемы после возвращения из декретного отпуска. Согласитесь: на формализм не похоже.

Следующая графа — принятые меры. Беседа с цеховым мастером. Закреплен новый, более опытный наставник. Вынесено замечание на цеховом комсомольском собрании. Зачислить в школу передового опыта. Найти няню для детей... Эта графа тоже убеждает.

— А возрасты это число может потому, — продолжает Гришин, — что завтра придут новые работники, а у кого-то родятся дети. Важно не это, а то, что каждый отстающий сразу оказывается в поле нашего зрения. С ним сразу начинают работать. Запущенные случаи не бывает. Работаем, как видите, не только лаской. Если человек не ставит цели научиться, не находит времени и желания посещать школу передовых методов — разговор ведем строгий. У коллектива здесь свои законы и традиции — нарушать их безнаказанно долго не позволим. Мы камвольщики. У нас это звание обязывающее.

Итог нашему разговору подводит первый секретарь Ивановского обкома комсомола Ольга Анатольевна Хасбулатова:

— Система распространения новаторского опыта и организации соревнования на Ивановском камвольном комбинате — уже не эксперимент, не инициатива, не проба. Сейчас это проверенный временем опыт. Своими результатами доказавший не просто свою перспективность, а жизненно важную необходимость. Сейчас это программа работы по совершенствованию социалистического соревнования на одиннадцатую пятилетку. Программа, по которой мы будем работать со всеми трудовыми коллективами области.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1293) АПРЕЛЬ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ПОРТРЕТ
ЮРИЯ ГАГАРИНА.

Картина
Александра
ШИЛОВА

**1 XXVI СЪЕЗД КПСС.
«ПАРТИИ — СЛАВА!»**

**2 РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
«МОЛОДОЕ ДЕЛО».**

Фotoочек Игоря СЕРКОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

**6 Евгений РЯБЧИКОВ.
«ЗВЕЗДНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ».**

9 Рассказ Нодара ДУМБАДЗЕ «ХАЗАРУЛА».

11 Рассказ Олега ШЕСТИНСКОГО «НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК».

12 «НА БЕРЕГАХ ТАИНСТВЕННОЙ ПРЫ».

Фotoочек Игоря КОНСТАНТИНОВА.

**14 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Владислав БАХРЕВСКИЙ.
«ТЫ ПЛЫВИ КО МНЕ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ».**

**16 ЭНЕРГЕТИКА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
Леонид РЕПЕЦКИЙ. «ВЕТЕР».**

18 Стихи Геннадия ИВАНОВА.

**19 ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ.
«ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ — СОВЕСТЬ».**

20 «ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ».

21 Стихи БОЛГАРСКИХ ПОЭТОВ.

22 «А ЧТО У ВАС?»

Информационная страница «Смены».

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

31 Стихи Максима ГЕТТУЕВА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕР-ЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

смена 5

20 лет назад, 12 апреля 1961 года, советский человек Юрий Алексеевич Гагарин первым из жителей нашей планеты преодолел земное притяжение и открыл новую эру — эру освоения космического пространства.

108 минут первого полета приблизили к нам космос, изменили наши представления о могуществе и возможностях человека.

СССР с самого начала космической эры выступает за международное сотрудничество в освоении космического пространства. Вместе с советскими космонавтами на орбитах жили и работали граждане Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, Монголии. «Космонавты братских стран работают не только для науки и для народного хозяйства,— сказал на XXVI съезде КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.— Они выполняют и огромного значения политическую миссию».

Юрий Гагарин стал родоначальником новой профессии. И его подвиг будут вспоминать и через столетия, когда профессия космонавта станет будничной и массовой.

ЗВЕЗДНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Евгений РЯБЧИКОВ

Гагарин! Гагарин! — не переводя дыхания повторяли дикторы на всех языках планеты. — Первый человек в космосе! Начало космической цивилизации! Гагарин!

Ошеломленный, ликующий мир, захлебываясь от восторга, внимал малейшим подробностям фантастического рейса. О Гагарине говорили в бетонных небоскребах и в соломенных хижинах, в заводских цехах и на стройках. Его именем называли родившихся младенцев, улицы городов, корабли.

Гагарин стал символом всечеловеческого торжества и величия духа землян. О том, что творилось тогда во всем мире, я смог получить представление, просматривая долгими часами кинохронику, собранную со всего света для большого документального фильма «Первый рейс к звездам» — о жизни и подвиге Юрия Гагарина.

Я смотрел на запечатленные объективами сцены

всесветной радости и думал, сколь ощутима бесконечная дистанция между затеплившейся в невообразимо далеком прошлом мечты человека о полете к звездам и реальностью свершения.

Уже в пору младенчества человеческой цивилизации попыхала буйная фантазия неведомых мастеров слова. Ассирио-аввилонский эпос, воспевавший, как и древнекитайские и иранские легенды, вековую мечту предков, звал в небо. В древнеиндийской поэзии «Махабхарата» даже давались наставления... как лететь на Луну! И сейчас нас волнует миф о полете Икара. Шли годы и века, и началось время удивительных путешествий за пределы Земли, в неведомые дали Вселенной, — первыми их начали писатели. Еще не заполнили горячим и едким дымом свой воздушный шар братья Монгольфье, еще не испытывал на Военном поле Красного села под Петербургом свою

**ЮРИЙ ГАГАРИН ТЩАТЕЛЬНО
ГОТОВИЛСЯ К ПОЛЕТУ.**

«летучку» Александр Федорович Можайский, еще не было ни ракет, ни радиотелескопов, а писатели уже «летали» в черной бездне космоса. Еще во II веке Лукьян из Самосаты написал «Истинное повествование. Путешествие на Луну, Солнце и остров Светильников, лежащий между Плеядами и Гиадами».

Буйная фантазия писателей приучала людей к мыслям о возможности полетов в небо.

В 1649 году Сироне де Бержера создал свое волшебное «Путешествие на Луну». Другой писатель, Ашиль Эиро, устремил свой фантастический полет куда дальше: в 1865 году вышло его «Путешествие на Венеру». Американец Э. Э. Хэйл создал в 1869 году в своей «Кирпичной Луне»... искусственный спутник Земли. И, наконец, явился кудесник Жюль Верн! Его книги вспомнили не одно поколение мечтателей и романтиков, заворожили они и Юрия Гагарина.

Жан Бодэн, Эдгар По, Герберт Уэллс, А. Богданов, Алексей Толстой, Б. Красногорский — кто только из писателей не пытался заглянуть во Вселенную, представить себе вечный и бесконечный мир огненных небесных тел!

Древнюю мечту о покорении космоса одел в гермошлем и уверенно усадил в кабине космического корабля Константин Эдуардович Циолковский: он провел четкий рубеж между фантазией и реальностью, гениально определил выход человека в космос с помощью ракеты. Но даже после этого внеземные полеты оставались все еще буйной мечтой.

И вдруг фантастика рухнула — Гагарин в космосе!

После первого взрыва восторгов и ликований буржуазная пропаганда, «протрезвев от потрясений», принялась за свое обычное дело: помню, с каким негодованием я читал потоки лжи, рассчитанные на то, чтобы умалить значение подвига первого в мире космонавта. Злобствующие публицисты набросились на американских ученых и конструкторов за то, что они «допустили неслыханное безобразие» — русские запустили первыми спутник и первыми вывели в космос корабль с человеком на борту. Взрыв негодования буржуазной пропаганды понятен. Не жалея сил и средств, она долго доказывала: «Россия, обескровленная второй мировой войной, потеряв двадцать миллионов своих граждан, имеет настолько низкий экономический, научный и технический потенциал, что не в состоянии...» Человечеству внушали мысль: русские до того слабы, что нечего от них ждать сенсаций.

Предсказания современных авгуров лопнули по всем швам. Все, что они считали невозможным в Стране Советов, свершилось. Восстановили мы подорванную войной экономику, развили науку и технику, укротили атом, освоили земли целины, первыми подготовили атлас Антарктиды, изучив ее самые суровые, труднодоступные районы, первыми запустили спутник, и, наконец, торжество торжеств: полет Гагарина. Тогда-то и заговорили на всех языках: «Откуда русские берут свои фантастические силы?», «В чем секрет побед русских?».

История отвечает на эти вопросы: Россия выносила

и выстрадала космическую программу, она сродни программе строительства социализма и коммунизма.

Я был в Шлиссельбургской крепости, где в каменном мешке год за годом находился в заточении приговоренный к пожизненному заключению Николай Морозов. Он там продолжал трудиться над трактами, среди которых видное место заняли работы о полете человека в звездный мир.

Мечта о звездах — верный спутник революции. Я пришел к месту казни Николая Кибальчича. Заточенный в тюрьму, в ожидании смертной казни, Кибальчик занялся проектированием задуманного им реактивного летательного аппарата. Он чертил схемы и формулы на стенах тюремной камеры. О своем проекте Кибальчик сообщил в последнем слове суду: «Я верю в осуществимость моей идеи... Я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству». После казни жандармы спрятали «опасный проект».

Через два года после казни Н. И. Кибальчича, в 1883 году, зажглась яркая звезда на научном небосклоне — полуглухой калужский учитель Константин Эдуардович Циолковский своими расчетами открыл человечеству путь к звездам.

Я хожу по старому деревянному дому со светелкой, смотрю на самодельные слуховые приборы, на керосиновую лампу, при свете которой Циолковский выводил свои формулы, думаю о мучительном пути космонавтики, о ее героях и подвижниках. Мало кто знает и теперь Николай Федоровича Федорова, о котором восторженно говорил Циолковский. Знакомство их состоялось в Румянцевской библиотеке. На полусолдатского, необычайно старательного юношу обратил внимание старый смотритель библиотеки Н. Ф. Федоров. Он осторожно, боясь затронуть самолюбие бедняка, ставил перед ним стакан чая, поддавал ломоту черного хлеба и доверительно высказывал свои необычайные по тем временам идеи: люди не ограничиваются пределами Земли и неизбежно заселят космос.

У Н. Ф. Федорова был однофамилец, тоже увлекавшийся покорением космоса и тоже оказавший большое влияние на К. Э. Циолковского, — изобретатель Александр Петрович Федоров. В 1896 году появилась его брошюра «Новый принцип воздухоплавания, исключающий атмосферу как опорную среду» с описанием устройства предложенного им ракетного аппарата для передвижения вне атмосферы. Брошюра А. П. Федорова произвела на К. Э. Циолковского настолько большое впечатление, что он признал: она толкнула его к серьезным работам, «как упавшее яблоко к открытию Ньютона тяготения». В данном случае К. Э. Циолковский открыл средство против тяготения: жидкостную ракету.

Каждый раз, бывая в доме К. Э. Циолковского, я с особой остротой думаю о Юрии Васильевиче Кондратюке, гениальном самоучке. Ему было 22 года, когда он независимо от К. Э. Циолковского, не зная о его трудах, самостоятельно, оригинальным методом вывел основные уравнения движения ракеты, рассмотрел проблемы энергетически наивыгоднейших траекторий космических полетов и теорию полета многоступенчатых ракет. Ему принадлежит многообещающая идея создания межпланетных промежуточных заправочных ракетных баз, а также новаторское

предложение о посадке ракеты на планету с использованием для торможения ее атмосферы.

Кажется, нескончаем список подвижников космонавтики — все они причастны к подвигу Гагарина, все они закладывали свои кирпичи в фундамент современных космических побед.

Преодолевая пора была для космонавтики временем жесточайших испытаний, непризнания со стороны официальной науки, травли церковниками. Все изменилось после Октября: Молодая Страна Советов, перенесшая величайшие тяготы войны, победив разруху и эпидемии, приступила к строительству нового общества, и тогда оказалось, что думы о социализме совпадали с думами о звездах: то и другое прекрасно! Хлеб получали еще по карточкам, миллионы людей только осваивали азы грамоты, садились за букварь. Ленин разрабатывал план ГОЭЛРО, первые гидростроители месили ногами бетон на стройке первенца электрификации России — Волховской ГЭС, и в этой полной энтузиазма атмосфере развивалась дерзновенная идея штурма космоса. Она пришла по душе народу, разбившему твердыни самодержавия, будоражила умы, сплачивала энтузиастов. Поднималось новое, могучее племя советских ученых, для которых сам принцип реактивной силы стал символом дерзновения, прорыва в будущее.

Старт Гагарина, его победа невозможно понять и оценить в отрыве от исторической хроники, от событий, происходивших в те, теперь уже далекие годы.

«Страну охватил космический энтузиазм», — писал профессор Н. А. Рынин. В январе 1924 года по инициативе Ф. А. Цандера создается ОИМС — «Общество изучения межпланетных сообщений». В том же году слушатели Академии военно-воздушного флота имени Н. Е. Жуковского организовали «Секцию межпланетных сообщений». Спустя год академик Д. А. Граве со своими коллегами открыл в Киеве «Кружок по изучению мирового пространства (космоса)». Кружки, секции, клубы стали создаваться в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове и других городах. Живым примером «космического энтузиазма» стал сам профессор Николай Алексеевич Рынин: он приступил к изданию многотомной энциклопедии «Межпланетные сообщения», выступал с лекциями о межпланетных сообщениях перед рабочими и солдатами, школьниками и матросами. Раз в неделю двери квартиры ученого на Коломенской улице Ленинграда открывались для всех желающих познакомиться с историей попыток человека проникнуть в межзвездную среду.

Таким же энтузиастом был известный популяризатор идей К. Э. Циолковского Яков Исidorович Перельман, автор книги «Межпланетные путешествия». Популяризацией космонавтики занялся крупный советский аэродинамик Владимир Петрович Ветчинин. Большую популярность приобрели стихотворения первого поэта, воспевшего космическую тему, Владимира Брюсова. В 1922 году вышел роман Алексея Толстого «Азилит», он подлил масла в огонь: увлечение космонавтикой приобретало массовый характер.

**ГАГАРИНСКУЮ УЛЫБКУ
УЗНАЛ И ПОЛЮБИЛ ВЕСЬ МИР.**

**ТАКИМ ОН НАВСЕГДА
ОСТАНЕТСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ.**

**ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ДРУГОМ
И ПРЕДАННЫМ ТОВАРИШЕМ.**

Немалую роль в этом сыграла открывшаяся в 1927 году в Москве первая в истории Всемирная выставка межпланетных аппаратов и механизмов. На ней были представлены работы известных теоретиков и конструкторов мира — Макса Валье, Графини, Оберта, Улинского и других. Особым вниманием у посетителей пользовался отдел «Планово-изобретательский период», целиком посвященный К. Э. Циолковскому.

От теории нужно было переходить к конструктивной космонавтике, к практическому созданию ракетно-космической техники.

Первой советской ракетной научно-исследовательской и опытно-конструкторской организацией стала «Лаборатория Н. И. Тихомирова». В мае 1919 года видный инженер-химик написал в секретариат В. И. Ленина письмо, в котором сообщал об изобретенном им еще до первой мировой войны ракетном снаряде и предлагал его использовать для защиты молодой Республики Советов. Изобретение реактивных «самодвижущихся снарядов» было высоко оценено, и изобретатель получил необходимые условия для завершения своей работы. Позже «Лаборатория Н. И. Тихомирова» была преобразована в ленинградскую «Газодинамическую лабораторию ВЦИК при РВС СССР», сокращенно — ГДЛ. Она сыграла выдающуюся роль в создании ракетных двигателей и практически стала колыбелью советского жидкостного ракетного двигателестроения.

С именем В. И. Ленина связаны истоки советской космонавтики. Писательница Елизавета Драбкина в своих воспоминаниях рассказала, как Ленин в перерывах между заседаниями VIII съезда Советов говорил с делегатами о космических полетах, о гигантских открытиях, которые должны они принести.

Говоря с Горьким о Циолковском, Ленин заметил:

— Если все то, что пишет Циолковский, — реально, — то мы находимся у истоков небывальных открытий... Надо помочь ему. Обязательно надо помочь.

«Меня всегда поражает всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина», — писал Юрий Гагарин. — Удивительная была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса. Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича».

В осуществлении ленинских мечты исключительную роль сыграла ГДЛ. Во главе ее второго отдела, занимавшегося ракетными двигателями, встал вчераший студент ЛГУ Валентин Петрович Глушко, ныне академик, дважды Герой Социалистического Труда, признанный основоположник отечественного ракетного двигателестроения. Мастерские и экспериментальные стенды второго отдела ГДЛ разместились за мрачными стенами Петропавловской крепости-тюрьмы, на территории ее Иоанновского равелина. Здесь производились огневые испытания ракетных двигателей. Проходившие в ту пору мимо Петропавловской крепости ленинградцы не раз вздрагивали от внезапно раздававшегося рева и гула за каменными стенами. Там, словно вторя всем победным шумам первой пятилетки, зычно гудел ЖРД — жидкостно-реактивный двигатель. Его трубный глас оповещал о близости новой эры.

После своего полета Юрий Гагарин приехал в Ленинград. Я видел, как он застыл около высокой крепостной стены и принял внимание осматривать оставшиеся на ней белые следы от ожогов.

— Прошло уже столько лет с тех пор, как мы проводили здесь испытания ракетных двигателей, — пояснил академик В. П. Глушко, — а все еще остаются ожоги — следы былых огневых испытаний.

Я смотрел на академика В. П. Глушко, не раз с риском для жизни проводившего в Иоанновском равелине взрывоопасные эксперименты, на Юрия Гагарина, завершившего подвижнический труд поколений ракетчиков, на кирпичную кладку стены — свидетельницу держаний ученых, инженеров, рабочих, и думал о великой истории...

В другой раз мы спустились с Юрием Гагариным в глухой каменный подвал старого московского дома № 19 на Садово-Спасской, где располагалась ГИРД — группа изучения реактивного движения. Она была создана в 1931 году в системе Осоавиахима. Руководил ГИРД молодой инженер-конструктор, разившийся идеями К. Э. Циолковского. Сергей Павлович Королев. Годы спустя он стал академиком, дважды Героем Социалистического Труда, основоположником практической космонавтики.

В ГИРД соединились энтузиасты ракетной техники: Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев, Л. С. Душкин, А. И. Полярный, Н. И. Ефремов и другие рыцари звездной мечты. Они быстро доказали актуальность и перспективность своих работ, и уже год спустя здесь разрабатывалось восемь сложных проектов ракетных двигателей и летательных аппаратов.

Юрий Гагарин прошел по подвалу, молча посмотрел на потолки, на стены. Ему, наверное, представилось, как здесь создавали ракетные двигатели, строили

первые ракеты. — время было трудное, жили впроголодь, конструкторам не хватало материалов, инструмента... Юрий Гагарин вздохнул: «Вот она какая, колыбель наша...» И поклонился.

Отсюда, из подвала, вывезли на лесную поляну под Нахабино первую ракету «09», и 17 августа 1933 года она устремилась в небо. Я видел, как с лесной нахабинской площадки рвалась в небо пылающая струя. Тогда стартовали ракеты-малютки, но они были предтечами тех гигантов, что ныне, сотрясая землю и небо, выносят из гавани Вселенной — Байконура космические корабли, спутники и обитаемые орбитальные станции.

В летописи космонавтики обозначен еще один рубеж: на основе ГИРД и ГДЛ после их разумного объединения был создан первый в мире Ракетный институт — РНИИ. Во главе его стал Иван Терентьевич Клейменов, выдающийся ракетостроитель, до этого работавший начальником ленинградской ГДЛ. Его заместителем по науке был назначен С. П. Королев. Под руководством С. П. Королева создавались баллистические и крылатые ракеты и был построен первый в мире ракетоплан РП-318 — предтеча реактивной авиации. Его испытал в 1939 году летчик Владимир Павлович Федоров.

Все дальнейшее развитие ракетостроения подтвердило своевременность и целесообразность объединения в РНИИ всех сил и технических средств ракетчиков страны. Здесь готовились кадры, разрабатывались программы, создавались системы и комплексы, столь необходимые для стремительного развития космонавтики. На полях Великой Отечественной войны действовали разработанные в РНИИ легендарные «катюши».

Сразу после великой Победы начались экспериментальные запуски геофизических и метеорологических ракет. Каждый шаг в незнаемое, туда, где не бывал никто из людей, был уже рассчитан, научно обоснован на последовательность, с которой впервые решались наимсложнейшие задачи: создавалась многократно проверенная на стенах и в полете ракета-носитель; впервые строился в пустынной и жаркой степи невиданный стартовый комплекс; по всей стране и за ее пределами устанавливались пункты связи и наблюдения за спутниками и кораблями; на космической верфи вырисовывались очертания первого спутника, а затем и первого космического корабля. Инженеры-модельеры и портные изготавливали скафандр — защитный костюм для космонавта, сложное инженерное сооружение. Потребовалось создать системы ориентации и управления космических кораблей, системы торможения на орбите, при спуске в атмосфере и мягкой посадке на землю.

27 августа 1957 года на весь мир прозвучало ошеломившее врагов социализма сообщение ТАСС о запуске в СССР межконтинентальной баллистической ракеты. Это была двухступенчатая пятидвигательная ракета, способная доставить на орбиту первое искусственное небесное тело.

Помню, с какой простотой и скромностью доложили С. П. Королев и В. П. Глушко о приближившемся запуске первого спутника на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов, посвященном 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского.

— «Первый великий шаг человечества состоит в том, чтобы вылететь за атмосферу и сделаться сияющим Земли», — процитировал К. Э. Циолковского В. П. Глушко и, сделав паузу, заявил: — Мы находимся накануне этого шага.

В своем докладе «О практическом значении научных и технических предложений Циолковского в области ракетной техники» С. П. Королев объявил планы предстоящих работ по запуску первого спутника.

Сразу после празднования этого юбилея С. П. Королев улетел на Байконур. Там, в бескрайней степи, уже высилась громада монтажного корпуса, поднимались к небу фермы обслуживания стартового устройства. И пробил час, когда, размещенная на специальной платформе, поблескивая соплами двигателей, ракета словно выплыла через бесшумно раскрывшиеся огромные ворота во тьму, степной ночи.

Когда все было готово, на старте появился горнист. Резкие звуки его горна, прорываясь сквозь шум стартовых механизмов, возвестили о старте в будущее.

«Спутник! Наш спутник в небе!» — услышал на учебном аэродроме в Оренбурге Юрий Гагарин.

«Возвратившись с аэродрома, — писал он позже, — мы бросились в ленинскую комнату к радиопринимнику, жадно вслушиваясь в новые и новые сообщения и репортажи о движении первенца мировой космонавтики. Разговоров о спутнике было много, его движение вокруг Земли взволновало все училища. И мы, курсанты, и наши командиры, и преподаватели задавали один вопрос: «Что же будет дальше?»

— Лет через пятнадцать, ребята, — возбужденно говорил мой друг Валентин Злобин, — и человек полетит в космос».

Вспоминая то время, Юрий Гагарин рассказывал

мне: «Спорили тогда о том, кто же первым отправится в космос. Ученый? Инженер? Врач? Биолог? Подводник? А я хотел, чтобы это был летчик-испытатель».

Молодой лейтенант Гагарин прозорливо увидел в кабине первого пилотируемого космического корабля летчика. Но и во сне не мог он представить себе, что этим летчиком будет он, Гагарин. Между тем по всей стране начался отбор среди тысяч летчиков кандидатов в космонавты. Из этих тысяч было отобрано двадцать: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Леонов... Первым из них был назван Гагарин, вторым — Титов.

И вот они оба едут в автобусе на космодром. Оба в скафандрах. Оба готовы к старту: Титов — дублер Гагарина.

Откинувшись на спинку кресла, Гагарин весело смотрел на товарищей, сопровождавших его, и, стараясь подбодрить их, шутил.

В ту пору космос представлялся загадкой. Он страшил своими тайнами, коварством невесомости, опасностью смертельных излучений, перегрузками на активном участке полета ракеты, грозными бомбардировками метеоритов... Гагарин все это знал и понимал, что на его пути могут встать любые неожиданности, но он был спокоен. «Как вы себя, ребята, чувствуете? — спрашивал он тех, кто был рядом с ним, и предлагал: — Давайте споем!» Казалось, Гагарин излучал добрый свет. Не хотел ли он пронести в вечный и бесконечный мир вне Земли только самое хорошее и доброе, что есть в Человеке?

Попрощавшись со всеми на старте, Гагарин, чуть ковыляя от непривычки ходить в скафандре, направился к ракете. Следом за ним шел в своем длинном темном пальто, в черной шляпе с обвисшими краями Сергей Павлович Королев.

Перед тем как подняться на лифте к вершине ракеты, Юрий Гагарин сделал заявление для печати и радио. Вспомнил он всю свою жизнь в ту минуту. Увидел себя босоногим мальчишкой, помогающим пастухам пасти колхозное стадо... школьником, впервые написавшим слово «Ленин»... ремесленником, сделавшим свою первую опоку... студентом, работающим над дипломом... летчиком, охраняющим воздушные рубежи Родины... Гагарин задался вопросом: «Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? — И сам же ответил: — Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим чеством участвовать в новых открытиях».

Во имя человечества, его мирной и счастливой жизни был совершен первый полет к звездам. Продолжался он 108 минут, за эти минуты было сделано столько открытий, что они ошеломили мир.

С момента полета космонавта-1 минуту 20 лет. Для истории — всего лишь миг. Но как поразительно много сделано за это время! Земля обзавелась спутниковым ожерельем. Ежегодно с космодромов нашей страны запускается около ста космических аппаратов различного назначения. Одни из них помогают геологам в поисках месторождений ископаемых, другие указывают рыбакам, где идут косяки рыбы в морях и океанах, третьи занимаются сельским хозяйством — определяют состояние полей, посевов и урожая... Почти пятнадцать лет в СССР действует космическая метеорологическая система, обеспечивающая передачу с борта «Метеора» дважды в сутки снимков окутывающих планету облаков.

Прогрессивное человечество высоко ценит мирную направленность советской космической программы, ее гуманизм. По программе «Интеркосмос» в исследовании космического пространства вместе с советскими учеными и космонавтами принимают активное участие ученые и космонавты ряда стран. Советский Союз с самого начала космической эры выступает за международное сотрудничество в области науки и техники и считает свои достижения в освоении космоса достоянием всех народов. Вместе с советскими космонавтами жили и работали на орбитах граждане Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, и каждый полет международных экипажей стал живым свидетельством: социализм — это мир, братство народов. В новой, однинадцатой пятилетке наряду с представителями социалистических государств с советскими космонавтами совершают полеты представители Франции и Индии. СССР охотно предоставляет свою ракетно-космическую технику для запуска космических аппаратов других стран.

Огромны, труднообозримы успехи советской космонавтики за минувшие 20 лет. Но как бы далеко ни уходила наука в звездные дали, люди всегда будут помнить подвиг нашего народа, выраженный в подвиге Гагарина.

В Звездном городке, в кабинете Гагарина, все остается так, как было при нем. На столе — листок с записями на следующий день, здесь же — часы: их стрелки были поставлены по навсегда остановившимся часам в разбившемся самолете. Часы остановились, а время Гагарина идет. Множатся, крепнут, растут традиции, слава и подвиг первопроходца Вселенной.

ХАЗАРУЛА

Иомню, в четырнадцать лет впервые заговорил я с деревом. Самому-то дереву давно уж перевалило за шестьдесят, точь-в-точь как моей бабушке. Это была яблоня, и звали ее Хазарула.

Бабушка каждую зиму привозила яблоки Хазарулы в Тбилиси. С первым утренним поездом приезжала она в город и мчалась с вокзала к нам — румяная, цветущая, благоухающая прямыми запахами деревни. Обнимала меня, крепко прижимая к груди, потом бросала мне прямо в постель холодное, величиною с кулак яблоко, приговаривая:

— Держи-ка, нена¹, гостинец от Хазарулы с нашего двора. Она хоть и сморщилась вся — сущая Датино, алмасхановская кривляка, — зато с утра на тощак лучше ее яблочка нет ничего. Ешь, золотце, и пусть все твои беды уйдут со мною в могилу...

Яблоки были и впрямь очень вкусные.

Когда началась война, я переехал в деревню, к бабушке, и здесь уже лично познакомился с Хазарулой. Яблоня высилась прямо над магары² — душистая, кое-где изъеденная червями и тронутая сухоткой, но все еще гордая, красивая и сильная, широко разметавшая свои тенистые руки. На ней красовались черпаки, горшки и кувишины — побольше и поменьше; но, увы, я узнал, наша Хазарула не цвела, как когда-то, и не приносила плодов.

Однажды, ранней весной сорок второго года, бабушка разбудила меня чуть свет. В руке она держала блестящий, острый, как бритва, топор.

— Ты что это, бабушка, — нарочно запричитал я, — хочешь меня погубить? И спрятался под одеяло.

— А ну, не валай дурака! — в сердцах вскричала бабушка. — Вставай, покуда я за ухо не стащила тебя с тахты... Встань и займись делом...

— Какие-такие дела у тебя на рассвете?! — возмутился я. — Что ты задумала, женщина?

— Пусть-ка почувствует мужскую руку, а то уж меня и в грош не ставит, — нахмуриясь, пробормотала она.

— Бабушка, ты это о ком — о Гитлере или о нашем бригадире?

— Иши ты, мутруки³ упрямый! Ты мне свои шуточки брось, слышишь?!

— Встаю, бабуля, встаю. Объясни только, о ком речь? — отвечал я и стал одеваться.

— О ком, о ком — о Хазаруле! Уродина, ни стыда, ни совести. Слыхано ли — этакое предательство, да еще в голодуху?!

— Так ты... о дереве?.. — От изумления у меня еле ворочался язык.

— О дереве, о дереве!

— О яблоне? — Я все еще не верил своим ушам.

— Разве яблоня без яблок это яблоня? — вопросом на вопрос отвечала бабушка и тотчас сама решила: — Нет, она больше не дерево, а дрова.

— Ладно, чего от меня-то надо? Срубить ее, что ли?

— Ну, зачем уж так сразу — рубить. Сперва припугнем ее, дуру, а не испугается — срубим. Чего с ней цапкаться?

Бабушка объяснила мне, как я должен запугать Хазарулу, прислонила топор к моему изголовью и направилась к двери.

— Думаешь, она меня послушает? — усмехнулся я.

— Если осталась у нее хоть капля ума, — сказала бабушка, — послушает.

— А ты сама куда? — спросил я.

— Нет, вы должны говорить наедине. Ты и Хазарула, — пояснила бабушка уже в дверях и удалилась.

Я встал. С топором на плече поднялся на магары и остановился лицом к лицу с Хазарулой. Набухшие влагой почки ее готовы были лопнуть. «Интересно, — подумал я, — дерево и в самом деле слышит человека?» И улыбнулся.

Потом схватил топор и с силой занес его над стволом. Раз! В последний миг я удержал топор на весу и лишь слегка коснулся им корня яблони.

— Рубить или не рубить? — спросил я вслух. — Срубить, не срубить?! Срубить или не срубить?..

И задумался.

Наконец после долгих раздумий я махнул рукой и заговорил, да так громогласно, что меня услыхала не только Хазарула, но и камень, накрывший зарытый в землю куветри — огромный кувшин с вином.

— Черт с тобой, — сказал я, — обожду еще год. Но если и тогда не дашь плодов, пенья на себя. Срублю под корень!

Короче, я выполнил в точности бабушкин наказ. А Хазарула? Она стояла невозмутимая, даже веткой не повела и только тянулась всем телом вверх, стараясь согреться в лучах восходящего солнца.

Я снова готов был смеяться — теперь уже не над бабушкой, а над собой. С маху всадив топор в чурбан, валявшийся под яблоней, я вернулся назад, в оду⁴.

— Ну, как? — спросила бабушка.

— «Как»... Напугал ее до смерти. Разве не видишь, вся трясется бедняга! — отвечал я с важностью и заставил бабушку взглянуть на Хазарулу.

Тут уж я засмеялся в голос — Хазарула и впрямь дрожала всем телом!

Подул восточный ветер.

В горы скорым шагом поднималась весна. Она выглянула из-за губазузской рощи и вошла к нам во двор — босая, как распутная девка; подняла подол своего платья, прошлась по свежей зеленой траве и свела с ума всех и вся: скот, птицу, растения. Жизнь вокруг забила ключом.

Распустился миндаль; расцвели алыча, слива, яблони «нацара»; запел

¹ Нена — (здесь) ласковое обращение к ребенку в западной Грузии.

² Магары — погреб.

³ Мутруки — ослик.

⁴ Ода — дом на высоких саях.

⁵ Бичо — парень.

— Подождем еще годик, бабуля, тогда и срубим,—взмолился я.—А ну как я снова ее напугаю...

— Да пойми ты, нена, это конец. Ее, как и меня, старуху, ничем не испугаешь.

— Нет,—заявил я,—не могу, не могу я срубить ее!

— Как так не можешь?!—вспыхла бабушка.—Тебе, видно, что мои слова, что собачий лай—все едино!

Я уперся было:

— Да нет же, бабушка! Нет... Просто я не могу срубить ее.

— Почему?—удивилась бабушка.

— О женщина, не ты ли уговорила меня: дерево, мол, все слышит?

— Полнота, нена, на старости лет чего не сболтнешь. А ты и уши развесил. Человек человека, бывает, не слышит, куда там дереву... Я тогда пошутила, вину, и в мыслях не держала, что ты мне поверишь.

— Нет,—насташивал я,—не могу! По-моему, дерево не только слышит, но и видит. Погляди, как оно отворачивается от нас.

— Диду, диду! Что слышат мои уши, лучше бы им оглохнуть!—запричитала бабушка и в сердцах шлепнула себя ладонью по щеке.—Э-э, да какой с тебя спрос. Я тебе, дурню, мозги запорошила, мне на тебя и управу искать. Эй, соседи! Люди добрые, сюда, сюда! Сажайте всем миром на цепь взбесившегося мальчишку! О горе, долго ему не жить!—она взвыла теперь ко всей деревне.

— Эй, вдова Каландадзе! Чего ты хочешь от этого мальчика? За что собираешься господу-богу подкинуть его душу?—откликнулся на ее вопли шагавший куда-то по проселку между плетнями Анания Салуквадзе и завернулся к нам во двор.

— Как это чего хочу, батоно¹ Анания?! Сам посуди, заставила я в позапрошлом году родного внука напугать эту бесплодную Хазарулу. А теперь вот прошу, сруби ее, умоляю по-всякому. Так он, видишь ли, не желает. И знаешь, почему? Дерево, мол, все видит и слышит... Черт знает что!—в сердцах объявила бабушка и протянула гостю стакан, наполненный чистым, прозрачным вином «адеса»².

— Доброе утро и бог тебе в помощь, калбатоно³ Дареджан,—благословил бабушку Анания Салуквадзе и с таким смаком выпил вино, что у меня слюнки потекли, словно сам я вовсе не стоял перед открытым чури⁴, полным вина.

— Видит... и слышит?—переспросил Анания и погладил свои отливающие рыхлою усы.

— Не только видит и слышит, дорогой Анания! До того обалдел сопляк—уврел: дерево еще и говорит!—пожаловалась бабушка.—Но нет, не его здесь вина. Это я, я сама задурила ему мозги, мне теперь и в петлю лезть!

— А вина твоего он случаем не пробовал с утра?—спросил Анания Салуквадзе.

— Да вроде пробовал...—отвечала бабушка. Перед нею вдруг снова блеснула надежда.

— Тогда налей мне еще стакан, калбатоно Дареджан,—улыбнулся Анания,—и я точно скажу, кто его срел с ума—ты или вино.

Бабушка наполнила стакан, Анания одним махом опрокинул его в свою глотку.

— Сдается мне, калбатоно Дареджан,—начал он, выдергивая долгую пазузу,—вы оба свели его с ума—и ты и вино. Но, чтобы я вынес окончательный приговор, налей-ка еще стаканчик.

Бабушка налила ему вина, но при этом глянула на него такими глазами, что я на его месте поостерегся бы даже пригубить напиток. Однако Анания как ни в чем не бывало осушил и третий стакан. На сей раз он тотчас изрек свое суждение:

— Нет уж, сейчас мне ясно, отчего он рехнулся,—и указал пальцем на вино.—Так ты утверждаешь,—обратился он прямо ко мне,—что дерево все видит, не так ли?

— Да!—подтвердил я.

— А камень?

— И камень тоже.

— А река?

— И река...

Он призвал на мою голову благословение божье и повернулся к бабушке:

— А что, калбатоно Дареджан, выходит все хоть куда! Скажем, ты—дерево... ну, хоть эта яблоня, Хазарула... Если ты, как болтает твой парень, и видишь и слышишь... неужто ты сразу не заметишь мутрука... мужика, вроде меня, с топором на плече. Подходит и хочет тебя срубить. Понимаешь—срубить?! Все видишь и знаешь, а бежать не можешь! Долго ли тут сойти с ума?—вопросил Анания и вновь протянул пустой стакан, но бабушка почему-то замешкалась.—Налей, женщина!—вскричал Анания Салуквадзе.—Главное, что я должен тебе поведать, еще впереди.

Бабушка наполнила его стакан.

— Ты, бично, хоть и городской,—возвзвал он ко мне,—пора уже, пора тебе освоить нашу крестьянскую премудрость. Трех вещей не станет держать у себя крестьянин: скотину, не дающую потомства, бесплодное дерево и бездетную...—тут Анания заколебался, уставясь на бабушку.

— Нечего на меня таращиться, Анания,—рассмеялась бабушка.—Говори, договаривай, не стесняйся. Не будь у меня сына, откуда бы взяться внуку.

— Твоя правда... И бездетную бабу... У твоей бабушки Дареджан было семеро душ детей. Вот так-то.

— Чего ты хочешь от меня, дядя Анания?—спросил я.

— Почему не рубишь дерево?—спросил он в ответ.

— Жалко мне его.

— Значит, бично, дерево пожалел? Твои, почитай, сверстники на фронте под танки с гранатами ложатся, а ты...

— Он ведь при нужде ни курицу тебе, ни ягненка не зарежет.—сказала бабушка.—Вон дерева никак не срубит—ему, видишь ли, жалко. Больше тебе скажу: стал он было на позапрошлый Новый год свинью резать—еле поймали ее в этом году в Интабути, нож в горле так и торчит! Да разве дело это?!—сотовала бабушка.

— Правду она говорит, бично?—спросил Анания.

— Правду, дядя Анания. Только ты мне зря наставления не читай, все равно не срублю Хазарулу,—заявил я.

— Жалко стало, бично?

— А разве не жалко?

— Ну и черт с тобой, с жалостливым! Налей мне еще стакан, калбатоно

Дареджан, и завтра твоя Хазарула ни свет ни заря будет валяться на земле. Сам со всем и управлюсь завтра—нынче мне недосуг.

Бабушка налила ему вина. Он выпил.

— Калбатоно Дареджан, у тебя случайно закусить не найдется?—как бы между прочим спросил он.

— А кол на закуску не хочешь, батоно Анания?—ехидно спросила бабушка.

Анания молча вышел со двора и медленно двинулся вверх по проселку.

— Эй, батоно Анания, куда тебя понесло?!—крикнула бабушка.—Ты вроде вниз сорвался?

— Да, были внизу у меня кое-какие дела, калбатоно Дареджан,—признался Анания.—Но чтоб так зацвела лоза у нашего председателя, как я гожусь теперь в дело...

Он махнул рукой.

— Ну, тогда, батоно Анания, уважь меня, старуху, обопрись лучше на плетень Шакрона,—попросила бабушка.—Мой и так еле дышит.

Анания переметнулся через проселок и повис на изгороди Шакрона Микабридзе. Он шагнул было дальше, но вдруг оглянулся.

— Эй, бично!— позвал он меня.—Значит, говоришь, видит твоя Хазарула? Ах, чтоб тебе... До Хазарулы ли тут,—хихикнул Анания,—я и сам ни черта не вижу...

И, шатаясь, побрел вдоль изгороди.

А прав-то был я. Все видело и все слышало безмолвно стоявшее нагое дерево. До полуночи думала Хазарула. А в полночь стиснула свое сердце и подобрала корни... Оплетенный корнями ее кувети содрогнулся. Почуяла это Хазарула, крепче прежнего скжала корни—прогнула вмятины глиняные бока, но кувшин остался цел. Снова сжала Хазарула корни, и первая трещина рассекла кувшин. Красная жидкость лениво засочилась из него, орошая долгие корни Хазарулы. Страшная дрожь пробежала по всему ее телу... Но со временем дрожь эта обернулась неведомым сладким трепетом. Обреченная и жаждущая, приникла она к кувшину, и красная жидкость потоком хлынула по ее корневищам. А она все впивала в себя это красное чудо, вот уж без малого семьдесят лет таившееся меж ее корнями; и все эти годы она, ничего не зная о том, любовно окутывала его сетью животворных подземных побегов.

О, как она укрывала и берегла его!

Красная жидкость нескончаемым потоком струилась из лопнувшего кувети, и Хазарула все сильнее скжимала кувшин, жадно упиваясь неиссякающей диковинной влагой. Тело ее, сотрясаемое дивной радостной дрожью, наполнилось теплом и радостью. А она пила и пила, позабыв обо всем на свете... Наконец захмелела, и мир стал светлей и счастливее!

Прежде, в юности, Хазарула дивилась: как могут жить люди, не пуская в землю глубоких корней? Как они движутся вокруг нее, Хазарулы? Да и вообще, почему они движутся? Но потом привыкла ко всему этому, не задаваясь более мыслью о непонятных, необъяснимых вещах—все одно ведь некому было отвечать на ее вопросы. А сегодня свершилось чудо! До дна опустел кувшин, последнюю каплю выпила Хазарула, и вдруг ей открылась, стала ясна тайна этой странной жидкости... Нет, она теперь не дивилась ни тому, что люди, бывало, обнимались, целовались, плакали; ни тому, что они гнались друг за другом и ссорились, смеялись, пели песни, держась за руки, и плясали вокруг нее, Хазарулы; ни тому, что с таким усердием мыли кувети и потом благоговейно наполняли его этой удивительной влагой. Все, все поняла Хазарула, и тут ей самой захотелось до смерти петь, обниматься, целоваться и плакать, бегать, плясать... Но как было ей совершить все это—бедная Хазарула, ведь она оставалась деревом, не человеком... И она сделала, что могла—до утра качалась и гудела Хазарула. А утром... Утром вдруг почувствовала глухой удар, обрушившийся на ее бок. Но боли не испытала; нет, ей не было больно, и потому она оставила этот удар без внимания. Потом ощутила в другом боку такой же точно удар, но и на него никак не отозвалась. А удары все падали и падали на нее—час или более. Наконец почувствовала она, некий напор слева направо стал клонить ее долу. Напор становился все сильнее, посыпался скрип, протяжный и резкий... Сперва она наклонилась лениво, потом вдруг бессильно улеглась наземь. Теперь лишь услышала она треск и хруст своих собственных рук и плеч, лопнули суставы и кости... Но все равно ни малейшей боли она не испытывала, просто закрыла глаза и сладко—ах, как сладко и глубоко!—уснула.

— Вставай, вставай, нена!—разбудила меня бабушка.—Знаешь, Анания свалил спозаранку Хазарулу. Вот, бери топор, хоть ствол от ветвей очисть!—Сказала и вышла на кухню.

Ночью выпал снег, деревня стояла такая красавая, точь-в-точь невеста под фатой, готовая к венцу. Только наш двор, казалось, был в трауре: на марани поклонище лежала недавно срубленная Хазарула, огромная, изуродованная, с поломанными ветвями. Понурясь, поднялся я на марани и, прежде чем обрубить ветки, присел на сруб. Присел, пригляделся и окаменел: из рассеченных жил поворженной яблони сочилась кроваво-красная влага.

— Бабушка!—закричал я.

— Чего тебе?—выглянув из дома, спросила она.

— Поднимись сюда на минутку.

— В чем дело?

— Поднимись, сама увидишь.

— Что это?—спросила она в изумлении.

— Наверно, кровь дерева,—отвечал я дрогнувшим голосом.

— Быть не может. Сейчас ляivarь, все растения спят; соки забродят лишь в феврале,—сказала бабушка.

Она обмакнула палец в красную жидкость, понюхала его и вдруг испуганно взглянула на меня.

— Открой чури!—велела она.

Я тотчас снял камень и крышки с зарытого в землю кувшина, и мы с бабушкой глянули в широкое его горло. Кувети был пуст!

— О чудо свыше благословенное!.. Мать-прадородительница, зерцало истини... Святая Мария, смилийся над нами, бедными, не своди нас с ума!—взмолилась бабушка, голос ее дрожал.

Воздев руки к небу, она медленно опустилась на колени.

Хазарула, содрогнувшись от холода, открыла глаза. Ей, в непривычном ее положении, мир показался опрокинутым вверх дном. Она удивилась. Сперва она обвинила во всем диковинную красную влагу. Но тут увидела сидевшего на срубе понурого парня, облокотившегося на топорище, а чуть поодаль, у раскрытого кувшина, на невообразимо белом снегу коленопреклоненную старуху в черном с вяздами в небу руками. Увидела и поняла: она, Хазарула, мертва. И закрыла глаза.

Уже навеки.

Перевели с грузинского
Н. МИКАВА и М. ТКАЧЕВ

¹ Диду—междометие, означающее крайнюю степень изумления.

² Батоно—вежливое обращение к мужчине, старшему; буквально—господин, сударь.

³ «Адеса»—сорт винограда.

⁴ Калбатоно—вежливое обращение к женщине; буквально—госпожа, сударыня.

⁵ Чури—то же, что и кувети: обычно зарываемый в землю кувшин для хранения вина.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

РАССКАЗ

В

сорок втором году наш класс называли «сводный шестой класс», потому что моих сверстников в районе оставалось мало и нас — всех из разных школ — объединили в одном классе. Учились мы в старинном доме на Большом проспекте. Ах, как не везло нашей школе! Начнется сильный обстрел Петроградской стороны — и непременно достанется школе: то стекла выбьет, то двери выдавит... И каждый раз после налета мы забивали окна фанерой, убирали мусор, битое стекло...

И в тот памятный день, когда мы явились на занятия, нам пришлось прежде всего разбирать кирпичный завал: рухнула от воздушной волны стена. Противное дело — таскать колотый кирпич: руки от острых краев в ссадинах, едкой, сухой пылью надышались... Одним словом, настроение у нас к третьему уроку сложилось препоганое. Завал разобрали, а третьим уроком должен был быть урок немецкого языка. Тут Семенов и сказал:

— Да на кой ляд мы силы свои на этот язык проклятый гробим! Что нам, делать больше нечего?!

Все загадали:

— Точно! — и отправились в класс возбужденно-протестующими.

Мария Ивановна, учительница немецкого, обычно опаздывала минут на пять и еще две-три минуты приходила в себя. Поэтому мы к началу урока не только успели сесть за парты, но и настроить себя на сосредоточенно-суровый лад.

Мария Ивановна влетела раскрасневшаяся, на ходу сдернула шарфик, пригладила волосы, раскрыла журнал и произнесла:

— Guten Tag!

— Здравствуйте, — мрачно ответили мы.

Она слегка вскинула брови, так как требовала, чтобы мы отвечали по-немецки.

— Сегодня мы познакомимся с Plusquamperfekt. Откройте ваши тетради.

К тетрадям никто не прикоснулся.

— Что такое? — удивилась Мария Ивановна.

Семенов, самый прямолинейный из нас, ответил за всех:

— Мы решили прекратить обучение немецкого языка, на котором отдаются фашистские команды.

Мария Ивановна растерянно обвела глазами класс.

Володька Обольянинов, задававшийся оттого, что его предок был в фаворе у Павла I, сказал высокопарно:

— Я как русский патриот поддерживаю Семенова.

— А ты, Мокроусов? — взглянула Мария Ивановна на нашего комсорга.

— Есть нынче в изучении немецкого не те политические акценты, — туманно, но с намеком ответствовал Мокроусов.

— Но его изучение утверждено наркоматом, — вконец растерявшиеся, восхликала Мария Ивановна. Она была молоденькая выпускница университета и втайне гордилась своим берлинским произношением.

— Утверждалось до войны, — парировал Миша Кац, наш отличник.

Теряя терпение, Мария Ивановна обратилась к Шивочкиной, послушной и застенчивой девочке:

— Почему у тебя не открыта тетрадь?

— Я со всеми, — прошептала Шивочкина и, потупясь, покраснела.

— Значит, вы всерьез... — протянула Мария Ивановна, и все отметили, что она не знает, как ей поступить. Ведь лично с нею мы жили дружно.

— Но это языки Гете и Шиллера! — не сдалась Мария Ивановна.

— Но это и языки наводчика дальnobойной пушки! — закричал Семенов, и Мария Ивановна не одернула его: она знала, что в прошлом месяце его младший братишко погиб во время обстрела.

Она взяла себя в руки.

— Сообразите: немецкий язык — это и оружие борьбы с фашизмом.

Здесь даже Шивочкина улыбнулась: больно нелепы показались слова Марии Ивановны.

Мария Ивановна, не замечая улыбок, продолжала:

— А вы знаете, что такое контрпропаганда? Почему я к вам на уроки опаздываю? Да потому, что я бегу к вам из Радиокомитета, где веду беседы на немецком языке для населения Германии. Разъясняю им сущность фашизма. А еще есть радиостанция прямо у передовой...

— Что-то в Кельне и Мюнхене после таких бесед не вспыхивают восстания, — строго рассудил Миша Кац.

— Не вспыхивают, — согласилась Мария Ивановна, — но ведь у тех, кто нас услышит, может, и забрезжит в уме что-то...

— «Забрежит»! — даже присвистнул Семенов. — Их бить надо! С меня и «хенде хох!» хватит.

— А по этой контрпропаганде и песни наши передают? — неожиданно спросила Шивочкина.

Мария Ивановна стала объяснять, что слушать такие передачи в Германии — это уже подвиг, фашисты без пощады расстреливают тех, кто ловит наши передачи.

Но мы угрюмо молчали, и Мария Ивановна поняла, что урок продолжать бесполезно.

— На сегодня достаточно и вам и мне. Займитесь спокойно своими делами. Завтра у нас сдвоенные уроки.

— Ну, что? — спросил Семенов после ухода Марии Ивановны.

Рисунок Владимира РОДИНА

— Неубедительно, — констатировал Обольянинов, — у нас есть свое мнение и свой довод. Мы не дети. C'est la vie, — добавил он по-французски, который изучал самостоятельно.

На следующий день Мария Ивановна вошла в класс, но пальто не сняла.

— Сегодня у нас особые занятия. Я договорилась с Радиокомитетом, и вы будете присутствовать при контрпропагандистской передаче...

Мы обрадованно зашумели. Никто из нас не думал в этот миг о немецком языке, но попасть в таинственное обиталище радио — вот здорово!

Мария Ивановна предъявила пропуск, дежурный милиционер отдал ей честь, и мы гуськом проследовали за нею по каменной лестнице. Потом мы все вошли в большую комнату, и Мария Ивановна, улыбаясь, обратилась к седому сутулому человеку:

— Вот привела моих нисправителей, Карл Иваныч.

Карл Иваныч зорко прошелся по нашим лицам, дружелюбно махнул рукой и повел нас в другое помещение, тесное и темное.

— Встаньте у стен и не шевелитесь!

А Мария Ивановна опустилась в кресло перед микрофоном, напряженная и недоступная. Лишь на секунду она оторвалась от пульта и попросила Карла Ивановича:

— Дайте им хоть пару экземпляров перевода моего выступления.

Загорелся красный свет, и раздался звучный, высокий голос Марии Ивановны:

— Граждане Германии!

Мы, вытянув головы, следили по тексту. Мария Ивановна говорила о положении на фронте, о зверствах, чинимых фашистами, о гибели культуры под фашистским сапогом. И вдруг, даже не заглядывая в текст перевода, мы поняли, что речь идет о нас.

...Фашизм уничтожает простые человеческие отношения. А недавно группа ленинградских школьников, переживших блокадную зиму 41-го года, отказалась изучать немецкий язык, потому что на нем говорят фашисты. Тень от свастики падает даже на великий немецкий язык. Мы верим, что они одумаются, эти школьники, эти гуманисты, вступающие в непобежденный мир...

У нас даже дыхание перехватило: мы «гуманисты». Переговариваться было запрещено, но я приметил, как Обольянинов приосанился.

Мария Ивановна закончила выступление. Мы не успели обступить ее, как раскрылась дверь и на пороге возник военный с двумя шашками в петлицах.

— Машенька, — нежно склонился он к Марии Ивановне, — Ирму осоколком задело у радиостанции... Да нет, нет, не пугайся — легко задело. Но тебе завтра в 6.00 придется ее заменить на участке обороны Ижорского батальона под Колпино.

...Так же гуськом мы проследовали мимо милиционера и на улице окружили Марию Ивановну, прощаюсь с нею. Семенов нахмурил лоб и спросил баском:

— Какой параграф подготовить к завтрашнему?

Мария Ивановна посмотрела на Семенова, на нас и обратилась к нему тихо по имени:

— К «завтрашнему», Валя, ничего не готовьте. Я приду, а там подумаем...

Наутро мы собрались в классе за полчаса до урока. Мы толпились у распахнутых окон, а Вальку Семенова послали на угол — следить за появлением Марии Ивановны. Он влетел взъерошенный:

— Идет!

Мария Ивановна вошла, как обычно стремительно, скинула пальто, села, открыла журнал и сказала:

— Guten Tag!

И мы ей ответили:

— Guten Tag!

— А теперь откройте тетради, и мы будем знакомиться с Plusquamperfekt. И мы открыли тетради.

А когда Мария Ивановна выходила из класса после урока, мы заметили, что каблуки у нее сзади облеплены глиной с въевшимися сухими травинками и к поле пальто прицепились три серых комочка рапейника.

Не торопясь, частенько петляя, раздвигая берега у песчаных кос, подмывая корни склонившихся над водой деревьев, течет по Мещере река Пра. Путь ее до свидания со старшей сестрой Окой зажат лабиринтом лесов и болот, лугов и стариц. А чтоб в дороге не было скучно, поют ей на всем пути птицы, навещающие звери.

Вечером, когда властя накупавшееся солнце спешит исчезнуть в золотистом сосняке, с реки несутся всплески и фырканье. Это бобры вышли из лор. Для них Пра — родной дом. В ее обрывистых берегах строят они себе квартиры.

«Вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра», — писал Константин Паустовский. Не многое переменилось на ее берегах с той поры. Пожалуй, птицы и зверей стало больше. Это и неудивительно. Примерно треть реки — южная граница Окского заповедника: правый берег уводит в охранную зону, левый — в нетронутую глухомань, куда человек приходит взглянуть на деревья, цветы, птиц, зверей. Все это объекты изучений и наблюдений сотрудников заповедника.

Почти пятнадцать лет работает в заповеднике Владимир Кудряшов. Он кандидат биологических наук, возглавляет сектор млекопитающих.

Четвероногих на берегах Пры немало. Есть и диковинные, внесенные в специальный охранный документ природы — «Красную книгу». Первое место среди них занимает выхухоль. Звери эти обитали еще миллионов тридцати лет назад, во времена мамонтов, динозавров, ящеров. Тогда их было много, и населяли они почти всю Европу.

Нынче же хохуля, как еще называют зверька, сохранилась лишь в бассейнах нескольких рек центральной России. Лет сто назад ее ареал был куда обширней. Случалось, лошади не могли пить из озер, стариц, затонов, где она жила, — вода сильно пахла выхухолем.

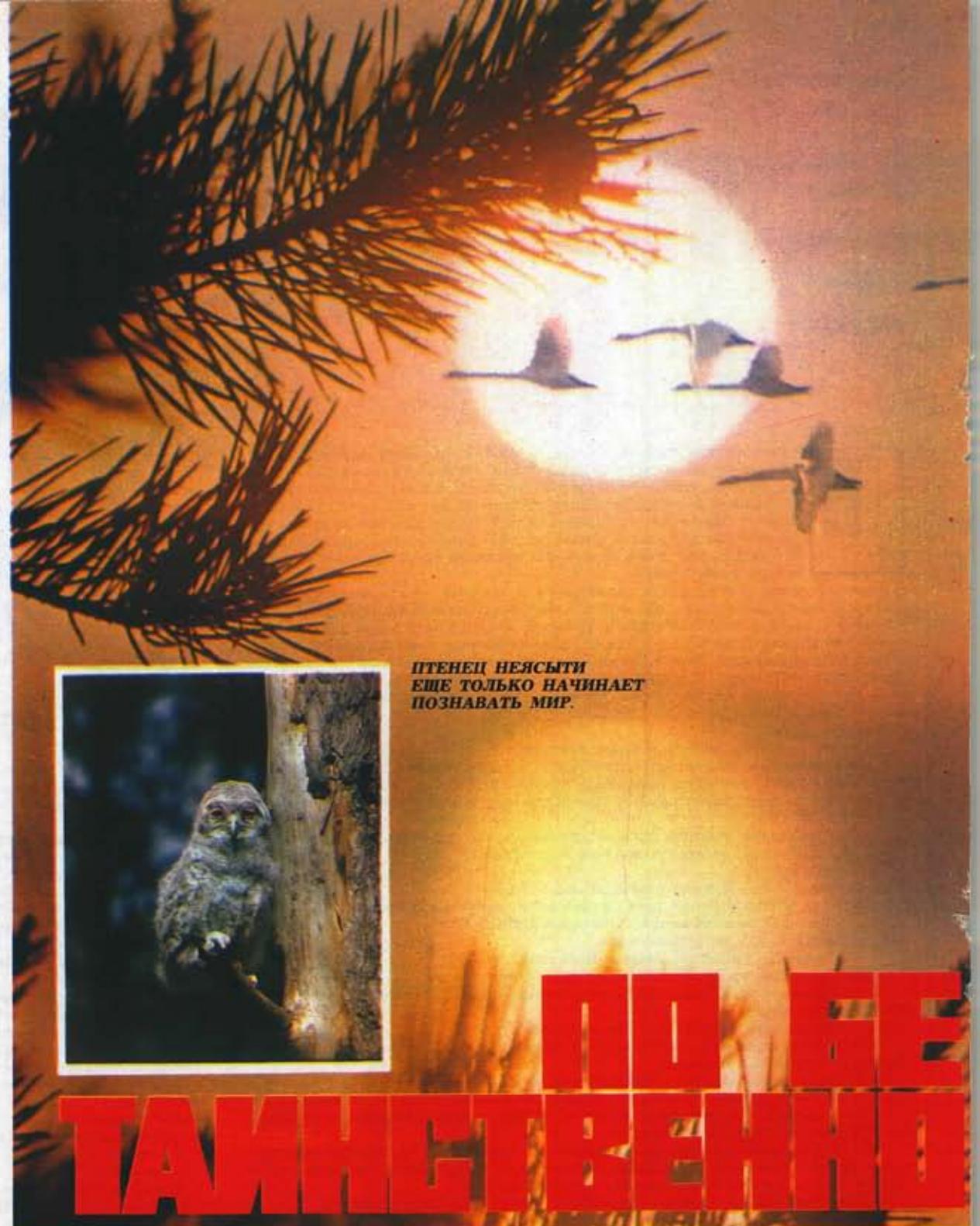
Промысел ценного пушного зверя был доходным и простым. Крестьяне ловили его вентилями, рыболовными сетями. Возы со сверкающими серебром шкурками отправляли в города — ежегодно продавали десятками тысяч штук. В результате хищнического промысла хохуля почти всюду исчезла.

В 1935 году, когда был создан Окский заповедник, здесь чудом уцелело несколько выхухоловых семейств. За это время ученым удалось сохранить хохулю, но главное — создать такие условия, в которых зверек не только увеличил свое поголовье, но и расселился по водоемам Мещеры.

Такая же примерно судьба была и у бобров. В Окском заповеднике проще всего увидеть этих животных весной — во время разлива. Пора эта необыкновенная...

Река Пра исчезает. Она теряется в море талой воды, которая сходится по лесу и лугам, забирает в себя озера, болота, старицы.

Владимир Кудряшов первым из сотрудников за-

поведника отправляется на разлив. Подцепив лодку к мотоциклу, везет ее в соседнюю деревню и там по снегу спускает к самому краю огородов, куда пошла вода. Взревел, зафыркал мотор, и полетел «Прогресс» по весеннему морю. Кудряшов отправился на поиски бобров.

Во время разлива немало бобров перебирается на затопленные луга. Это вынужденный переезд. Их норы — хаты — в воде. Приходится пережидать паводок на крошечных островках, на макушках конек, на высоких пнях, на могучих корягах. Они забыли о своем распорядке дня. Плышишь на лодке днем и видишь, как животные кормятся, отдыхают, прихорашиваются. В другое время года такого не подсмотришь. Бобры ведут скрытый образ жизни — звери ониочные.

Целые дни проводят на разливе Кудряшов, выясняя, куда переселились бобры. Наблюдает за ними, пересчитывает. Частенько ему и другим сотрудникам заповедника приходится заниматься спасательными операциями.

Разлив подбирается очень быстро. И многие животные, не успевшие уйти в высокие, не затопляемые участки леса, остаются отрезанными водой на клочках земли. Что станет с зайцами, лисами, енотовидными собаками, барсуками? До большой земли им не добраться, хоть и плавать они умеют неплохо, но в ледяной воде такое путешествие может окончиться печально.

И люди отправляются на помощь четвероногим.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СТАРЕЙШИХ ЖИТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ — МОГУЧИЙ ЗУБР.

Никто из зверей не дается в руки добровольно. Их приходится ловить. За одними бросаются в погоню и накрывают сачком. За другими плывут на лодках и за уши или за воротник поднимают на борт. Для третьих ставят сети и загоняют в них. Иногда так набегают за отчаянным, юрким зверем, что из сил выбиваются. А он никак не хочет идти в западню. Буквально между ног проскаивает.

Когда поймают беглецов, всех отправляют туда, где сухо. И перед тем как выпустить, непременно кольцают — в ухо вставляют металлическую сережку с номером.

Зверей помечают не только во время половодья. Валерий Лавровский — он занимается хищниками — окольцевал не одну лисицу, енотовидную собачку. Несколько недель лазает он по самым глухим местам заповедника, ищет логова и норы четвероногих. Когда у него спрашивают, стоит ли тратить силы, время, ночевать в лесу только ради того, чтобы повесить на ухо зверя сергу с номером, Лавровский в ответ смеется: звериный паспорт — одно из средств, при помощи которого биологи узнают жизнь животных. Но, к сожалению, среди четвероногих им владеют немногие. Ловить зверей нелегко, да и в лесу их не встретишь на каждом шагу.

Другое дело птицы.

В Окском заповеднике ежегодно отлавливают и метят тысячи пернатых. Делают это орнитологи круглый год. Весной и в начале лета у них самое напряженное время.

Над проснувшимся от зимнего сна лесом, над разошедшейся по лесам и лугам талой водой летят самые всевозможные птицы — большие и малень-

**ОСТОРОЖНО,
ЧТОБЫ НЕ НАРУШИТЬ
ПОКОЙ ПТИЦ,
СНИМАЮТ ОРНИТОЛОГИ
СКВОРЧЕНИК
И ОКОЛЬЗОВЫВАЮТ
ЕГО ЖИТЕЛЕЙ.**

НЕТАМ И ПРЫ

кие, яркие и блеклые, стаями и в одиночку, в заоблачной высоте и чуть ли не касаясь крыльями первой травы.

Появляются над разливом и караваны гусей. Не торопясь, вероятно, устав за долгий путь, проходят они над залитыми водой лугами и выбирают для себя островок, где можно отдохнуть.

Уже несколько лет в эту пору при помощи специальных пушечных сетей их отлавливают и колышут кандидат биологических наук Владимир Паниченко. Вместе с коллегами-орнитологами выбирает он на разлив небольшой островок, устанавливает там свою «артиллерию» и ждет.

Островков немало. Какой приглянется гусиной стае больше, где ей покажется безопаснее провести ночь, никто из биологов точно сказать не может.

Люди ломают головы над тем, как расположить пушки, куда направить их заряды. Тут порой подводят и интуиция, и давние наблюдения, и знание поведения птиц. В этом деле никто от промахов не застрахован.

Зато когда сеть накрывает стаю, восторгам нет конца. Гусей колышут и выпускают на свободу.

Ученые, проводя такую паспортизацию, узнали, что гуси, пролетающие осенью над мещерскими лесами, не те, которые бывают здесь весной. Их трасса на зимовки другая. Почему? Это пока загадка.

Кольцевание дает много интересной информации. Недавно выяснилось, что самец-зимородок помогает нескольким своим соседкам на реке заботиться о потомстве. Ласточка, которая частенько присаживается на проводах у кордона лесника, зиму провела на юге Африки.

Один и тот же скворец несколько лет не изменял своему дому, подвешенному за сучок на сосне.

Помогло кольцевание узнать и места скопления птиц, и их миграционные дороги, высоту полета и скорости, продолжительность жизни и время гнездовий. В кольцевании существует определенная зависимость: чем больше пометишь, тем больше узнаешь — увеличивается возврат металлических документов.

Естественно, как и во всяком деле, в кольцевании птиц есть свои сложности. Конечно, взять птенца из гнезда, скворечника, дуплянок просто. А как отловить ястреба, беркута, филина, подорлика? И силу, и сноровку, и смелость, и сообразительность ча-стенько приходится проявлять орнитологам.

Алексей Пастельных однажды пострадал во время кольцевания совят. Старая птица налетела на него и ударила. С тех пор во избежание подобных встреч орнитолог надевает толстую шапку и внимательно поглядывает вокруг — в любой момент могут показаться родители.

Частенько орнитологи забираются на головокружительную высоту по стволу дерева, на котором на много метров от земли нет ни единого сучка. И там лазают по его «этажам», вынимают из гнезд птенцов, крепят на лапках металлические паспорта, записывают, что увидели у них в домах.

**ПЛОХО ПРИШЛОСЬ БЫ ЕНОТОВИДНОЙ
СОБАКЕ, НЕ ПРИДИ ЕЙ НА ПОМОШЬ
ВО ВРЕМЯ ПАВОДКА
СОТРУДНИКИ ЗАПОВЕДНИКА.**

Случается, в поисках жилищ пернатых биологи проходят в день десятки километров, пробираются сквозь чащу, топкие болота, комарные облака.

Но есть в заповеднике несколько птиц, которых не надо разыскивать. Только с них нельзя спускать глаз ни днем, ни ночью. Это жители экспериментального питомника «По разведению редких видов журавлей» — стерхи. Совсем недавно начали в нем инкубировать яйца этих птиц. Их привезли в Мещеру с якутских болот, где обитает одна из редчайших птиц планеты — стерх, или, как его еще называют, белый журавль. Он гнездится только у нас, на севере Сибири. Зиму проводит на юге Азии. Когда-то, как полагают ученые, ареал его был значительно шире. Сейчас стерхов насчитывают немногим более трехсот штук.

Из всех пернатых, внесенных в «Красную книгу», пожалуй, одна из наиболее тревожных судьбы — у белых журавлей. Решили биологи научиться выращивать стерхов. Мечтают получить от них потомство, подкладывая их яйца в гнезда серых журавлей Мещеры.

Может быть, через несколько лет осенью в стаях этих птиц появятся очень похожие на них по размеру, по внешнему виду, но абсолютно разные по окраске — бело-желтые стерхи. А весной вместе со своими приемными родителями вернутся они в Окский заповедник. Но это пока планы.

Искусственное разведение спасло не только четвероногих, этот метод приостановил исчезновение и увеличил поголовье гавайской казарки, белых американских журавлей, птиц, которых оставались буквально считанные единицы.

А что касается казарки, то в 1911 году, когда на нее запретили охоту, в природе породы этой уже и не оказалось. Сохранилось лишь несколько птиц в неволе. С ними и работали ученые.

Великаны европейских лесов — зубры — тоже начали свою вторую жизнь в вольерах примерно с серединой нашего века под пристальным вниманием людей. Последние вольные звери были убиты в Беловежской пуще в 1919 году, на Кавказе — в 1927 году. Осталось на земле около пятидесяти зубров только в зоопарках и питомниках. Они-то и стали своеобразным исходным материалом в восстановлении этих гигантских быков.

Немало зубрят родилось в Мещерском краю. Отсюда они совершили путешествие на Кавказ, в Карпаты и прописались там на постоянное жительство. Ученые считают, что угроза исчезновения лесных исполинов миновала, хотя они по-прежнему значатся на тревожных страницах «Красной книги».

Окские биологи наблюдают за здоровьем зубров, подкармливают их, устраивают им солонцы, поддерживают чистоту в загонах, подливают свежую воду в поилки, следят за их поведением.

В заповеднике внимание никто не обижен. Взять хотя бы белку. Зоолог Мария Онуфрена узнала очень интересные подробности жизни зверька. Оказалось, что белка только раз в день покидает свое дупло или гайку. И делают это зверьки в разное время — одни рано утром, другие в полдень. Рыжехвостая наделена неплохой памятью. Она легко находит под снегом свои кладовые, куда осенью спрятала желуди, орехи.

Познакомилась Онуфрена и с белками-сластенами. В апреле они предпочитают всем вешним напиткам бересковый сок. Все это удалось узнать зоологу благодаря радиопередатчикам, которые закреплены на спинах зверьков. Включив приемник, Мария Онуфрена легко отыскивала «радиофицированных» зверьков, подолгу ходила за ними и наблюдала за их повадками.

Другую сторону белчьей жизни — закономерность увеличения или снижения их численности — удалось определить по-иному.

Уже много лет, как в заповеднике ведется «Летопись природы». Людмила Михайловна Кудряшова записывает в нее все, что происходит в лесу: когда появляются первые цветы, в какое время вернулся в Мещеру соловей, как много нынче комаров; урожай трав, деревьев, грибов тоже фиксируются на ее страницах.

Составляя эти сведения, ученые пришли к выводу, что количество белок в лесу больше в те годы, когда бывает много желудей, а не шишек, как считалось раньше.

Главный летописец Людмила Михайловна Кудряшова собирает лесные новости не одна. Ей помогают все сотрудники заповедника. Дело это требует максимальной и точной информации. Ведь из нее складываются страницы «лесной истории». А позже делаются выводы о жизни леса и его обитателях.

...С обрыва, что возле Брыкина Бора — центральной усадьбы заповедника, — Берендеево царство как на ладони. До самого горизонта в единый рисунок слились макушки деревьев. Каждое время года красит их своей краской, меняет наряды. Спокойно, безмятежно живет лес на берегах Пры.

ТЫ ГЛЫВИ КО МНЕ

Владислав БАХРЕВСКИЙ

1

Я вошел в подлесок, который начинался за дворами, и не поверил глазам: под каждым деревцем, а деревья здесь были в два-три пальца толщиной, стояли подберезовики.

Кинулся собирать, но призадумался: почему местные люди не берут здесь грибы? Может, в них какая-нибудь отрава?

И я пошел мимо дружески глядевших на меня, крепеньких, конопатеньких, черноголовых, пошел в настоящий лес. Что же в нем-то тогда делается?

Шел между больших сосен, по пояс утопая в папоротнике. Шел, стараясь не ломать стеблей. Во мне все еще жила надежда: придет мгновение, и я буду держаться в ладонях испускающие синие искры перышко—цветок папоротника. Верил, что мне-то уж он достается в руки: не богатства хочу от цветка, не околоводного почета. Я хочу видеть его. Хочу сказать людям, что он есть на самом деле. Что он истинное чудо, и тот, кто ищет его, пусть ищет.

Набитая тропа рассекала лес надвое. За тропой—березы. Одни березы. Краем пройти—белых можно нарезать, а в самой роще, наверное, и черноголовые и красноголовые, но я бы презирал себя, если бы в таком лесу тотчас кинулся набивать корзину.

Мне казалось, я плыву. Березы, как хоровод, надвигались на меня и обтекали. Я улыбался, кивал деревьям, словно это были мои старые знакомые. И в конце концов у меня закружилась голова. Я остановился, и березы тотчас замерли.

— Да нет, вы танцуйте! — сказал я им, прислонился головой к молоденькому, розовому, как новорожденный, стволу и, сам не зная почему, выпалил:

— Наверное, я скоро влюблюсь.

И замотал головой, словно голову ударили хмель, и засмеялся, хмельно, беспричинно. И пошел, понес свою радость, готовый вырядить в нее каждое дерево, словно елку, не побаиваясь, что себе не останется.

В лицо ударило светом поляны, я бросил в траву корзину и повалился в земляничник.

— Господи! Сколько же тут ягод!

Мне хотелось уехать от дома за тысячу километров. Не потому, что я не любил наш дом, а потому, что каждый Новый год страшил меня: столько уже прожито, а все на одном месте. И не было для меня тогда ничего более притягательного, чем синий краешек горизонта.

— Мне уже восемнадцать! — сказал я отцу. — Я должен видеть белый свет.

— Наглядишься, успеешь, — пообещала мама.

— Мне хватит на билеты летней стипендии. Я поеду, отец, хотя бы к твоей сестре.

— К Симе?

Они писали друг другу письма, всю жизнь писали письма и не могли собраться съездить друг к другу.

— Сколько же я не видел Симу? — задумался отец. — А ведь двадцать пять лет!..

Поежал.

Я набил книгами чемодан и поехал, правда, не за тысячу километров, всего за пятьсот, но это было настоящее путешествие.

Сестра отца жила в поселке лесорубов: не деревня, но и не город. Однако с тротуарами. Правда, все тротуары были из досок.

Муж тети Симы, Михаил Агафонович, работал на лесоповале механиком, а мои двоюродные братья, которых я знал по фотографиям, уже выпорхнули из гнезда: один работал на целине, другой служил в армии.

В доме пахло сидящими в печи черными сухариками, когда их только-только прихватило жаром. Все десять окон, ничем не завешанные, не загроможденные, пускали в комнаты свет, и он, обживвшись, вызолотил здесь каждую деревяшечку, но не тронул шелковых, мытых щелоком белых полов.

Ноги так и застонали, нестерпеж стало тотчас походить по этому полу босиком, сбросить вечную обузу подметок и каубуков.

Мне отвели комнату за дощатой перегородкой. На кровать постелили перину, на перину стеганое одеяло, а из подушек соорудили Вавилонскую башню. Я вывалил на стол два пуда книг, которые должны были навести лоск в моей дремучей голове. Сел на крепкий самодельный стул, подсчитал, по скольку страниц нужно читать, чтобы за месяц одолеть оба пуда, выпил молока и ринулся в лес.

И вот я тянулся к ягоде губами. Загребущие руки увили: ягод было столько — не обварить. Взял ягоду в рот, но не спешил надкусить. По небу стремительно катилась фиолетовая туча.

— Он раздавил ягоду, и гортань его наполнилась соком, сладким и крепким, как вино..

Вот так будет начинаться моя эпопея о временах и народах.

Он ягоду раскусил, а я все еще не собрался.

— Нет, пора! Пора садиться за эпопею! — сказал я твердо и посмотрел на небо со вниманием.

За лесом с бочки слетели обручи.

— Быть грязе! Прекрасно!

Спохватился, что ягоду съел, не изведав вкуса.

Пора было удирать домой, но я, превозмогая страх перед стихией, сделал два десятка шагов в глубь леса и только тогда повернул назад. И увидел мохнатый цветок.

— Я увидел неведомый цветок, — пропело во мне, и тотчас небо треснуло, зазвенело и рассыпалось, как витрина универмага.

— Ого! — сказал я, бодрясь и глядя на деревья, которые были поблизости. Хорошо, что сосны растут поодаль, они выше берез, им должно от грозы достаться.

— Молния ударила в прекрасную великан-сосну, — сказал я фразу из будущей эпопеи и наклонился над мохнатым чудищем.

Оно было темно-свекольного цвета, но что-то оранжевое зревло в его сердцевине.

— У-гу-гу-ух! — прокатилось по небу от края до края, и стена дождя выросла над полянкой и в следующее мгновение шелестами и шорохами опрокинулась на лес.

Я пошел к дому, поглядывая, как все ближе и ближе сверкают молнии, плечами отстранивая холодок, который лыньку спине после каждого удара не знающего меры грома.

— Стрела молнии ударила в землю у его ног. Он замер в удивлении и не услышал грома, потрясшего небо и землю.

А внутри, в моей собственной бездне, сиял ледяной, светящийся белым огнем кристалл: не посмеет в меня! Ведь то предназначение, которого ради я появился на свет, «я», а не кто-нибудь другой, то дело, к которому готовлю себя вся жизнь, не то чтобы не сделано, но даже и не начато. Ни одного настоящего и начала-то нет!

Подгоняемый рывком уходящей грозы, я вошел в дом.

Тетя Сима, скрючившись, лежала под кроватью.

— Что с вами?! — крикнул я.

Она отвела рукой подзоры и выглянула:

— Гроза!

— Гроза, — согласился я.

— Боюсь, — призналась моя родная тетка.

2

Возле серьеенного дома тети Симы, просторного, ухоженного русами Михаила Агафоныча, ютилась игрушечная избушка, чуть больше баньки. Для тепла обмазанная глиной, для красоты побеленная. На двух окошечках занавески, гераньки. Тут жила вдова сестра Михаила Агафоныча. С дочкой жила. С Маней. Мания уже закончила восьмой класс и все восемь лет шла на отличную.

Я уж наладился было сбегать на танцы, но Мания привела поглядеть на студента подружку, соседку и одноклассницу Любку.

Мане было пятнадцать, исполнилось месяцы назад, а Любке было шестнадцать.

Конечно, между мной, студентом третьего курса, и восьмиклассницами лежала пропасть. Никаких общих интересов! Но, поглядывая на Любку, я вдруг дал отбой танцулькам и пошел с девочками сидеть на бревнах.

Бревна лежали посреди улицы, между домом Любки и домом Мани. Толстые, сухие — так и захотелось постучать по ним, чтоб зазвенели. И я постучал, и бревна зазвенели-таки.

— Венцы менять будем, — сказала Любка.

Она была румяная, с веснушками у носа и под глазами. Беснушки ее не портили, а, наверное, даже помогали глазам. Бывают же такие незабудки! Голова у Любки была курчавая, гордая. В таких девочонок влюбляются с первого взгляда, и мне тоже следовало быть, но я себе сказал: «Несерьезно».

Мы сели на бревна. Девочки молчали, и, поискав доступную для их понимания тему, я предложил воспоминания о своих уроках в школе на педагогической практике.

— Представляете, — рассказывала я, — даю первый в жизни урок. Пожаловали студенты, директор школы, завкафедрой, методист... Открыл я журнал и ничего в нем не увидел. Справившись дежурного: кто отсутствует? Назвали две или три фамилии. Надо бы отметить. А тема была: биография Маяковского. Вызвал девочонку, фамилия, помню, Гришина. Возле ее фамилии тройка стояла. У всех по две-три оценки, а у нее одна «тройка», но на отличниках выезжают гордость не позволяла. Она рассказывала, я делаю вид, что весь внимание, и вдруг до меня доносится ее милый голосок: «Маяковский бежал из женской тюрьмы».

— Да как же это? — говорю. И будто сам чушь сморозил: покраснел как рак. — Ребята, помогите товарищу.

— Ну и какую тебе отметку поставили? — спросила Мания.

— Представляете, пятерку!

Тут я ни капельки не красился, методисты в один голос твердили, что уроки я буду давать на «ура».

— А кто вам из художников по сердцу? — спросил я девочек.

— Из художников? — задумалась Любка.

— Так мы ж ни одного художника не видели! — изумилась моему вопросу Мания.

— Но ведь есть репродукции! В «Огоньке» в каждом номере печатают.

— Репина любим, — сказала Любка. — А вы кого?

— Мой кумир — Сурков. Вы представляете! В этом году я был в Пушкинском музее. Там выставили неких импрессионистов: Дега, Моне и Мане, Ренуара, Сезанна, Матисса. Одно дело Ван Гог, Поль Гоген, ну, Дега с его голубыми танцовщицами, но Матисс! Какие-то раскоряки на огромных полотнах. Ребенок лучше нарисует. Я так и записал в дневнике.

Девочки помалкивали, сраженные каскадом красивых имен. Видимо, пора было переходить к поэзии, но в конце улицы показалось стадо. Любка пошла загонять свою Милку в хлев, а я тем временем перебирал в памяти стихи и соображал, с чего выгоднее начать: со своих или с классики.

Скромность украшает человека.

Едва Любка устроилась возле Мани, Мания по-родственному села рядом со мной, я, поглядывая на остыивающее, засиневшее небо, прочитал, борясь со спазмами в горле:

Похолодели листочки
Раскрытых губ, по-детски влажных.—
И зал пыльцы, пыльцы в протяжных
Напевах счастья и тоски.
Сияние звезд и звезды зеркал
Слились в один мираж грустальный—
И веет, веет ветер бальзам
Теплом душистых опахал.

— Прекрасно! — воскликнула я.

— Прекрасно! — согласилась Мания, а Любка загадочно молчала.

— Слушайте еще!

И вот он, август, роется во тьме
Дубовыми фремучими когтями.
И зазывает к птичьей кутерьме
Любимую
С тяжелыми ноздрями,
С широкой бровью, крашенной в сурьме.
Он прячет в листва голову свою —
Оленью, бычью. И в просветах алых,
Над чашей изобилий небывалых:
В ослепших звездах я его пою.

— А теперь вот такое:

Улеглась на россыпи Млечной
Бессердечной Бесконечность.
Доверяют ей темное,
Доверяют ей светлое,
А она сквозь века без ответа.
Ниоткуда — куда?
И не знает, не ведает,
Для чего существует, бедная.
Вытесняются мысли в упругое черное небо,
Человек в этом небе пока еще не был.
Суждено человеку на Миры опереться.
Это значит, что вечности
Высадят сердце.
Это значит, что будет
С Млечным спокойствием
Не сегодня, не завтра,
Но все же покончено.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Тогда еще не знали ни поэт, ни его слушательницы, что с млечным покоем будет покончено через два года всего. Да и не космос интересовал в тот вечер автора, а девичий суд.

— Какое вам больше всего понравилось из трех? — спросил я и затянулся.
— Про опахала, — ответила Маня.

— А мне про Млечный Путь, — подумав, сказала Люба. — Уж больно горячо прочитали.

— «Меня предложили! Боже мой, и каким поэтам!» — Я спрыгнул с бревен.

— Давайте во что-нибудь поиграем!

— В ремень, — предложила Маня. — Как раз мальчишки идут, девочки.

Игра в ремень — испытание на крепость. За право сидеть возле той или того, кто по сердцу, приходится терпеть. Плач отшивает ремнем по ладони назначенное число ударов.

Как же застучало мое сердце, когда Люба из-за меня терпела наказание, назначенное Маней.

Ложась спать, я сказал себе: «Она прекрасна, но моя любовь впереди».

И я вперился в темный потолок, ожидая видения будущей неведомой любви.

Всегда немножко надеюсь на потолок. Ведь писало же чудище из «Аленьского цветочка»

огненные слова для Аленушки на стенах.

Я высиживал первую свою повесть. В нашем литецкружке считалось: быстро ничего не сочинишь, нужно работать, то есть переписывать. Каждую страницу по семь раз. Толстой «Войну и мир» семь раз переписывал. И я тоже, и не устану. О своем учителе, о Георгии Матвеевиче, о его жизни, о его уроках.

Он был единственным человеком, который верил, что из меня выйдет писатель. Я сочинял свою «Шехеразаду» и видел: ничего-то у меня не получается. Зелен я, чтоб о Георгии Матвеевиче написать.

Как же, наверное, я надеялся его жене, не понимая этого.

...Я познакомился с Георгием Матвеевичем шестиклассником, он проводил Пушкинский конкурс, на котором за стихи меня поощрили томиком Пушкина. Во второй раз я пришел к Георгию Матвеевичу двадцатиклассником, принес тетрадочку рассказов.

— Ты должен учиться в Литературном институте! — восхликал Георгий Матвеевич.

И пригласил меня бывать у него дома.

Раз в неделю, а то и все три раза, я шел к нему через весь город, на окраину. У него была одна комната с высоким потолком, просторная; целую стену занимали книги, и мне казалось, что Георгий Матвеевич богач. А он был школьный учитель. Жизнь его начиналась блестительно. Поступил в лучший институт военного времени, в ИФЛИ, а потом война, фронт...

Семейным человеком садился мой учитель на студенческую скамью. Он и учился и учил нас, писал книгу о Твардовском и сам сочинял поэму о своем деде-крестьянине, который пришел в Орехово-Зуево и стал ткачом.

Война напомнила о себе вдруг. Началась гангрена. Отрезали палец на ноге, потом ногу.

Через год Георгий Матвеевич умер.

Хоронил его весь город. Ему было тридцать четыре года. Он работал учителем литературы в одной из двух дюжин школ, но для тех, кто хотел знать много, Георгий Матвеевич был самым важным человеком в городе.

Я отложил все свои рассказики и решил написать о жизни моего учителя. О нем и о наших ореховских ребятах, об этой дикой орде сорванников, которые, пронувшиесь у Георгия Матвеевича иной раз и меньше года, записывались в библиотеку и брали читать стихи! Это были прямо-таки сказочные преобразования — вот и я решил назвать свою повесть «Шехеразадой».

— А мы завтра на сенокос, — как бы между прочим сказала тетя Сима: ей было неловко втянуть гостей в эту летнюю крестьянскую заботу.

— Возьмите и меня!

Я попросился не из вежливости, а чтобы сбежать от неудавшейся «Шехеразады».

3

Грузовик, как паровоз по рельсам, едет по бревнышкам и слегам, кинутым в утонувшие колеи. Дорога петляет, но мы в грязь не заваливаемся.

Как можно так править? Не водители, а циркачи.

Михаил Агафонович вместе с лесорубами отправляется на делянку, а мы с тетей Симой — на вырубки, собирая по кустам уже накошенное сено.

Складываю веревку вдвое, выгребаю сухую траву из-под кустов, наваливаю охапку за охапкой на веревку, стягиваю концы и с пушистой, но тяжеленной ношей, колющей шею и спину, ломлюсь через дебри к дороге.

Как же скверно работают на лесоповале: снесли делянку, но и половины леса не вывезли, оставили преть.

Лезу через утонувшие в алом кипре, звенящие от сухости, а может, и от обиды деревья.

Ногу сломать здесь дело не хитрое.

С куста, за который я ухватился рукой, чтобы удержать равновесие, взрывая полуденный дремотный воздух, взлетела черная огромная птица.

Замерев, смотрю ей вслед и успеваю сообразить: «Глухарь».

Отираю ладонями пот с лица.

— Отдохни! — говорит тетя Сима. — Перекусить пора.

— Еще одну копешку принесу, а то потерпется.

В теле дрожащая невесомость. Умориться не стыдно, с шести утра, как лось, лазил по чашибинам.

Иду медленно, набираюсь сил для новой схватки с кустами и колдобинами.

Медянка! Сияет себе на беду — на виду.

Мальчишками мы боялись медянок пуще гадюк. Рассказывали друг другу: утром укусит, до захода солнца поживешь — и с копыт.

Убивали ни в чем не повинных.

Медянка, почувствовав опасность, свертывает тело в пружину.

— Ну, чего переполошилась? Грязь. Не буду тебе мешать.

Копешка, которую я приметил, оказывается, за рекой!

Река черная-черная, а шириной в три моих ступни.

Попира ногами оба берега, смотрю и на эту жизнь, жизнь реки. Это не ручей. Я узнаю воду. Такая же вот непроглядная катит мимо поселка лесорубов. Зовут речку белая. Воздле поселка ее не перешагнуть, но плавать тоже негде — на два взмаха.

— Ну и белянка!

Я опускаю ладони в воду — кристалл!

Речка маленькая, но характер у нее большой, не шустрит. От истоков взрослая: берегов не меет, вглубь забирает.

«Надо об этой реке написать! — осеняет меня. — Каков образ: река, которая не была ребенком. Что-то в этом есть».

И я радостно оглядываю землю и небо.

Обо всем надо написать. О кипре — врачевателе поруганного леса. О несчастной

медянке. О тете Симе. И, конечно, о Михаиле Агафоновиче. Прошел человек всю войну без единой царапины, а был в пехоте. О девчонках — о Мане и о Любке. Об игре в ремень. О глухаре.

Но все это должно быть только учебой, одной только подготовкой — к эпопее.

Что это за эпопея, я не знаю. Видимо, о нашем времени. Закатываю глаза, чтобы глянуть в подкорку. Как в Белой — ни два, ни полтора, и хоть бы рыбешка сверкнула серебряным боком — ничего!

«Ничего! — говорю я себе. — Додумаем!»

И вижу осиновый листок. Ветер наморщил воду, и листок плывет на меня, течению наперекор.

Листок, плывущий против течения... Что бы это значило?

Меня пошатывает ноша: забрал всю копну, чтобы не лезть сюда второй раз, а сам думаю об осиновом листике.

4

— Мать, а нам полагается! — говорит тетя Сима Михаил Агафонович. — Такую машину привезли!

Ох, как ерзается, когда в тебе сидит мыслишка, вкуса не чувствуешь, разговорам не радуешься, ждешь удобный момент, чтобы выехать в беседу со своим, а мыслишка жалка.

Написал я письмо сокурснице. Она на Волге отдыхала, у родственников. Получил ответ и приглашение, а ехать-то не на что.

Михаил Агафонович и тетя Сима вспоминают отца, молодость, а я про свое думаю, храбрости набираюсь.

— А сколько отсюда до Хвалынска везды? — Голос у меня позвенивает.

— Хвалынск? Это на Волге, у Саратова, что ли? — спрашивает Михаил Агафонович.

— Так это будет порядочно. На пароходе дня три-четыре... А чего тебе?

— Съездить бы! Там художник один великий родился.

— Репин?

— Пётр-Водкин.

— Скажи ты, какая фамилия! Не слыхал.

Разговор опять перекидывается на прежние времена, и я сижу как в воду опущенный. Ну, как опять заговоришь о Хвалынске? Да и чего бы про него говорить, если бы в моих карманах на билетах наскрести можно было.

— Дядя Миша, расскажите о войне, — прошу я.

— А что про нее рассказывать? Скверная штука... А что цел вернулся — так, может, потому, что взрослым человеком попал я на фронт, вот в чем дело. Будапешт брали, помню. Пришло к нам пополнение. Ребята молодые, ладные. Так что бы ты думал? В первом же бою половина выкосило, а старички все целы... Кто уцелел после первых заварух, тот долго живет... Уласи вас от напастей таких! А в мире, я гляжу, неспокойно: то в одном месте стреляют, то в другом...

Я тоже читаю газеты. Сколько раз уже меня охватывала тоска. На эпопею годы нужны. Годы и годы. Писать ведь надо научиться, вырасти, а мир все время сотрясают всякие напасти.

— Ну, чего притих? — спрашивает Михаил Агафонович. — Деньги-то мы тебе поможем, и до Хвалынска хватит и до дома.

— Спасибо, — говорю я.

На улице розовый вечер. Беру корзинку, иду в подлесок. Подберезовики здесь не берут, потому что за грибы не считают. Признают один сорт — белоголовые, не белые, а белоголовые: подгрудки и груди.

Возле бревен стоит, теребит платочек Люба. Одна. Я поднимаю руку в приветствии. Она расцветает и тотчас хмурит брови. Нет, я один пойду по грибы. Мне нужно подумать. Мне еще много нужно думать.

Какую же силу нужно нам иметь, начинаяющим, чтобы все-таки начать. Какие нервы!

И я чуть не вскрикиваю от радости: вот он к чему явился мне, осиновый листок, в черной воде Белой реки: «Умейте плавать и против течения!»

Умейте, значит, побороть лень, душу вгоняющую в дрему.

5

Я заканчивал-таки «Шехеразаду». Это, конечно, не то, что задумано, но я должен довести повесть до конца. А потом положить в сундук, на самое дно. Для того только и довести до конца, чтоб в сундук положить. Что-то все-таки во мне приведется. А главное — я буду свободен для другой задумки, которую тоже ожидает донышко.

Последняя точка, дата, красивая роспись.

Я тотчас раскрыл чемодан, свалил в него недочитанных классиков и сказал им то, что думал:

— Вы, конечно, хорошие, но о вас уже все известно! Так-то.

Бросил сверху листики моей «Шехеразады», закрыл чемодан и объявил:

— Тетя Сима, я завтра уезжаю!

6

Тишина на земле, на воде и на небе. Серебряный слиток сумерек.

Вниз по Волге.

Мы встретились наконец. Сколько раз я произносил это имя — Волга, а она вот справа и слева, под килем, на берегах и в самом небе. Здесь весь мир — Волга.

В четвертом классе дрожащего от старости двухпалубного парохода не то что лечь, сесть негде. Торчу на палубе. А когда ноги уже не держат, пристраняюсь на бочках, поставленных вдоль борта.

Конечно, не перина, но можно и соснуть.

Сквозь дрему и мрак вижу, как проплывают зеленые огоньки встречных кораблей.

Потом мы утопаем в белом тумане. И кто-то неосторожный бросает в туман непогашенную папиросу. Ослепительная вспышка, розовые столбы пламени, я вскакиваю...

Утро. Солнце поднялось.

«Он проснулся на борту уютного парохода, совершающего рейс Казань — Саратов».

Что ж, эпопею можно начать и этой фразой.

Идем по какому-то волжскому морю, берегов не видно. А быть ли мне хоть на одном океане из четырех? Ведь для кого-то океан все равно, что для меня Дубенка, все равно, что для хвалынских — Волга. Каждый день у них есть Волга. Каждый час, каждую минуту. И уже всегда будет с ними, куда бы ни уехали.

А мне нужен зеленый листок, плывущий на само течение. Вот что мне нужно.

А может быть, и не нужен. Беды наживешь, и никаку от него уже не денешься.

— Нехай! — сказал я колдовское слово. Стеньки, сказал одними губами, как говорят заклинание, чтоб сбылось.

детских лет мы хорошо помним упругую пушкинскую строку: «Ветер, ветер, ты могуч...» Да, он могуч, этот удивительный дар природы! И человек из древних времен стремится поставить себе на службу его могущество. Ветряные мельницы и парусные суда — классический пример использования ветра. Но это были только первые, робкие попытки обуздить стихию. Сегодняшние достижения науки и техники позволяют перевести могущество ветра непосредственно в электрическую энергию. И возможности здесь впечатляющи. Например, в Казахстане, по подсчетам ученых, с каждого квадратного километра ежедневно человек может получать около тысячи рублей из... воздуха. Помогут же ему в этом обычные ветровые установки.

Ветер — неисчерпаемый источник энергии. Это «топливо» будет служить людям вечно, даже тогда, когда из недр земли добудут последнюю тонну угля, когда иссякнут запасы нефти и урана. Заполучить же это «топливо» совсем просто: не найти в году дня, чтобы не было ветра.

Ветровые установки наряду с водяными колесами были первыми двигателями, с помощью которых человек заставлял работать на себя силы природы. Во второй половине восемнадцатого века в промышленность пришел паровой двигатель, а позднее — двигатель внутреннего горения. Люди научились получать и использовать всеобщую форму энергии — электричество. Индустриальная техника позволяла создавать мощные и сверхмощные энергоустановки, используя традиционные источники энергии — уголь, нефть, природные горючие газы, сланцы, торф и т. д. Значение же ветряков, этих простейших двигателей, перерабатывающих даровую энергию «воздушного угля», никем по-настоящему не было оценено. И так продолжалось столетиями.

Примечательно, что в нашей стране развитие научно-исследовательских и практических работ в области ветроэнергетики началось буквально с первых дней Советской власти. В 1918 году в «Набросок плана научно-технических работ» В. И. Ленин включил пункт: «Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию».

История развития отечественной ветроэнергетики самым тесным образом связана с именем на редкость одаренного изобретателя Анатолия Георгиевича Уфимцева, чье столетие со дня рождения отмечалось 26 ноября 1980 года. И поныне в Курске можно увидеть ажурную 42-метровую вышку, на вершине которой установлен ветродвигатель с лопастями диаметром в 10 метров. Подобно флюгеру установка поворачивалась на встречу ветру, а когда его скорость увеличивалась до опасных пределов, автоматически выключалась. Ветродвигатель обеспечивал необходимое количество энергии для освещения и отопления квартиры, приготовления пищи, работы станков в мастерской талантливого умельца. Кстати, дом Уфимцева был первым автономным энергетическим объектом в средней полосе нашей страны, характеризующейся сравнительно суровыми климатическими условиями.

Продолжение. Начало в №№ 5, 6.

ВЕТЕР В УПРЯЖКЕ: УЧЕНЫЕ И КОНСТРУКТОРЫ СОЗДАЮТ ДВИГАТЕЛИ, ПРЕОБРАЗУЮЩИЕ ЭНЕРГИЮ ВЕТРА В ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

«Шахтой, устремленной в небо» называл Уфимцев другую установку, представляющую собой стоящий вертикально гигантский ромб высотой 350 метров. «Начинкой» этого ромба должны были стать 255 ветроагрегатов, подобных тому, о котором рассказывалось выше. Добыча такой «шахты» составляла бы ни много ни мало — 100 тысяч киловатт! Вес же фантастической установки представлялся не менее внушительным — 10 тысяч тонн!

На первом этапе развития отечественной ветроэнергетики (до середины 30-х годов) были проведены фундаментальные теоретические исследования, а в 1931 году в Крыму сооружена первая в мире ветровая электрическая станция мощностью 100 киловатт. Станция с ветроколесом диаметром 30 метров работала до 1942 года — во время Великой Отечественной войны она была разрушена фашистами.

В те же тридцатые годы по заданию С. М. Кирова для Кольского полуострова была спроектирована ветроустановка мощностью 1 тысяча киловатт. Еще более мощную — на 10 тысяч киловатт — предполагалось установить в Крыму на Ай-Петри. Два ее ветровых колеса были бы по 80 метров каждое.

Сегодня ветроэнергетика переживает как бы свою вторую молодость, необходимость использования энергии ветра как для механизации трудоемких процессов, так и для подачи электроэнергии в энергосистемы очевидна. Причины тому разные. Это и расширение энергетической базы; и перспектива дефицита используемых энергоресурсов при быстром росте потребности электроэнергии; и повышение стоимости угля, нефти, газа; и дороговизна электроэнергии при существующих способах ее производства; и развитие энергосетей, обеспечивающих широкую возможность присоединения к ним ветроэнергетических установок и систем в наиболее выгодных точках, имеющих высокие среднегодовые скорости ветра; и, конечно, охрана окружающей среды.

В сентябре 1980 года в Мюнхене проходила Международная энергетическая конференция, в работе которой приняли участие почти пять тысяч экспертов из 75 стран. В числе источников энергии будущего эксперты назвали ветровую и другие виды возобновляемых энергетических ресурсов.

— Ветроэнергетика просто становится модной темой. Ветряки в наш атомный век?.. — могут сказать скептики. Что ж, действительно, скептиков среди нас еще хватает. А зря. Приведу лишь один факт: кПД атомных электростанций составляет всего около одного процента. И твердой уверенности, что в ближайшие годы он резко увеличится, пока еще нет. У ветроэнергетики в смысле кПД возможности более перспективные. А по данным ученых, 70 процентов энергии, получаемой от Солнца нашей планетой, уходит на движение воздушных масс! Представляете, каковы еще не использованные резервы природы?

Научиться эффективно использовать бесплатное «топливо» — эту задачу решают ученые всего мира. Большое внимание развитию ветроэнергетики уделяется, например, в США. Здесь принята долголетняя программа по использованию возобновляющихся источников энергии, за счет которых в 2020 году ожидается получить около 25 процентов ее общего потребления. Одно из основных направлений разработок — создание сверхмощных ветроэнергетических

установок. Так, в ближайшее время в США намерены пустить в опытную эксплуатацию три ветроэнергетические установки мощностью 2,5 МВт каждая. Диаметр ветрового колеса такой ВЭУ — 90 метров, а ее строительство обойдется более чем в 2 миллиона долларов! Американские специалисты решили пойти еще дальше — запланировали создание ветроэнергетических установок мощностью в 4 МВт с диаметром колеса также 90 метров. По мнению ученых, первый образец такой установки будет неэффективен.

Не забыты и маломощные по сравнению с вышеупомянутыми установки. Ветродвигатели с вертикальным расположением ротора были предложены финскими и французскими изобретателями еще более полувека назад. Между тем к ним проявили интерес лишь в последние годы. Одна из таких установок дает более двух киловатт при скорости ветра 30 километров в час и испытывается сейчас в штате Нью-Мексико. Преимущество этой конструкции в том, что она использует энергию ветра с любой стороны и начинает работать при малых его скоростях.

В Англии планируется начать выпуск ветроустановки малой мощности с диаметром ветрового колеса три метра и высотой агрегата 10 метров. Предназначаться она будет для теплоснабжения жилых домов.

Работы по ветроэнергетике развернуты во Франции, ФРГ, Швеции, Бразилии, Аргентине и других капиталистических странах. В частности, в Дании планируется к 1995 году установить 2000 ветродвигателей большой мощности — по 630 кВт каждый. По подсчетам специалистов, это удовлетворит 10 процентов годового потребления электроэнергии, сэкономит стране 0,8 миллиона тонн жидкого топлива.

Как вы убедились, ветроэнергетика — это не просто модное направление, а очень важная и серьезная проблема нашего двадцатого века.

Советский Союз, как ни одна другая страна земного шара, располагает выгодными экономическими и географическими условиями для широкого использования ветра в энергетических целях. Вот лишь некоторые из них: большая территория районов страны, располагающих довольно высоким потенциалом ветровой энергетики, плановое ведение народного хозяйства и возможность концентрации материальных и экономических ресурсов на решающих направлениях развития экономики; значительный, опережающий многие капиталистические страны научно-теоретический и экспериментальный задел по использованию энергии ветра.

В соответствии с решением Постоянно действующей Комиссии Госплана СССР, Государственного Комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР по разработке Долгосрочной программы развития топливно-энергетического комплекса Советского Союза в разработке раздела «Использование глубинного тепла земли, энергии Солнца, ветра и приливов в народном хозяйстве на 1981—1990 гг. и прогнозы их использования до 2000 года» участвует созданное в системе Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР научно-производственное объединение «Ветровая энергетика» — «Ветроэн». Основная его «резиденция» находится в самом ветреном месте Подмосковья — городе Истра. В состав объединения входит испытательная станция на Мархотском перевале под Новороссийском и астраханский завод «Ветроэнергомаш».

Главная задача объединения — решить вечную проблему использования энергии ветра. А решают ее советские специалисты несколько отлично от своих зарубежных коллег. В этой связи мне вспоминается беседа с заместителем генерального директора НПО «Ветроэн» Александром Семеновичем Островским.

...Александр Семенович развернул раскрашенную в несколько цветов карту Советского Союза. Как выяснилось, на ней были выделены зоны с различными среднегодовыми скоростями ветра на высоте 10 метров от земли — почти вся карта была закрашена цветами, обозначавшими скорости ветра от нескольких метров до 10 метров в секунду.

— На данном этапе мы категорически против строительства гигантских ветроустановок! — увлеченно говорил мой собеседник. — И главная причина — в их нерентабельности на сегодняшний день. Даже такая «крошка», рассчитанная всего на 100 квт, будет весить более 50 тонн, а ее строительство обойдется в сотни тысяч рублей. В данном случае должны срабатывать законы экономики наподобие законов естественного отбора, действующих в животном мире. Поэтому наша генеральная линия — освоение и внедрение малых машин для энергообеспечения автономных объектов, удаленных от основных источников энергии, и в первую очередь это касается сельского хозяйства.

Взять и использовать — вот две главнейшие проблемы большой энергетики. Первая задача очень сложная потому, что плотность воздуха очень невелика — в тысячу раз, например, меньше плотности воды. Чтобы повысить мощность аэромашин, нужно увеличивать размеры лопастей ветрового колеса. Чем они будут больших размеров, тем соответственно будет увеличиваться вес агрегата. А машина весом в десятки тысяч тонн, сами понимаете, вещь довольно дорогая. Создание такой ветроустановки целесообразно при снижении ее стоимостных показателей за счет применения особых материалов и технологий, достижений науки в области аэродинамики и прочности конструкции.

— Ну, допустим, мы взяли большую энергию, — продолжал Александр Семенович. — Единственное место в нашей стране для строительства таких супермашин — северное побережье. Но куда девать полученную энергию? Как пополнить ее энергетическую сеть страны? Ветер ведь далеко не постоянен... Аккумулировать? Сейчас только прорабатываются различные технико-экономические варианты. Например, за счет энергии ветроустановки с помощью электролиза воды можно накапливать водород, а затем его использовать в нужных целях. Еще один вариант — гидроаккумулирование. Но ведь это тоже сложнейшая проблема, которую еще только нужно решать...

Да, действительно гигантомания в ветроэнергетике на сегодняшний день ни к чему. По данным специалистов Госкомитета по науке и технике СССР, в различных отдаленных районах страны насчитывается более 150 тысяч потенциальных потребителей ветровой энергии небольшой мощности — в единицы или десятки киловатт. Расчеты советских ученых доказывают, что в первоочередном порядке ветроэнергетика должна развиваться по следующим основным направлениям: водоснабжение; опреснение минерализованных вод; рассоление почв; оазисное орошение; энергообеспечение бытовых нужд чабанов, оленево-

дов, геологов, охотников и т. д.; электропитание автоматических метеорологических станций, средств навигационного оборудования и других потребителей в удаленных и труднодоступных районах; электроснабжение объектов радиорелейных линий, катодной защиты нефте-, газо- и водопроводов от почвенной коррозии и другое.

В 11-й пятилетке намечено обводнить 25 миллионов гектаров пастбищ. Это южные районы страны, где развито, в частности, овцеводство. Для отары из 1—2 тысяч овец нужен хотя бы один водопойный пункт. Установив же ветроагрегаты, качающие воду, через каждые 20—30 километров, можно обеспечить хорошие условия для скота на наших южных пастбищах. Сегодня в научно-производственном объединении «Ветроэн» такая машина создана, уже освоен ее промышленный выпуск. В 1980 году в народное хозяйство отправлено 110 ветроагрегатов АВЭУ-6 (диаметр ветрового колеса — 6 метров, мощность — 4 квт). Вот как отозвался о новой машине директор совхоза имени XXI партсъезда Карагандинской области: «Применять водопойные пункты этого типа на пастбищах, отдаленных от водоисточников, считаю целесообразно и перспективно».

Чтобы довести агрегат, как говорится, до кондиции, требуется немало времени. Даже в таком ветреном районе, как Истра, на испытания нового образца потребовались бы годы. В объединении «Ветроэн» проблему ускоренных испытаний решили с помощью специальной аэродинамической трубы. Ее двигатель может всасывать воздух с такой силой, что в камере подымается чуть ли не ураган, где скорость ветра достигает 30 метров в секунду. Между тем завихрений здесь нет. Струи воздуха идут параллельно, так как в камеру они всасываются через решето сопла, похожего на пчелиные соты — шестиугольники, которые и придают ветру «стройность». В аэродинамической трубе можно снять различные характеристики с ветрового колеса: лобовое давление, крутящий момент, мощность колеса. Эти характеристики «безразмерные», то есть они могут быть использованы конструкторами при расчете колеса данной модели любого диаметра.

Сравнительно недавно установками использовалось всего 20—25 процентов энергии ветра. Подбирая профиль, угол заклинений, число лопастей и их диаметр, современные конструкторы довели эту цифру до 50—52 процентов.

В ближайшем будущем объединение «Ветроэн» намерено приступить к заводскому изготовлению аэромашин производительностью в 1 и 16 квт. Эти агрегаты сейчас проходят испытания на экспериментальной базе на Мархотовском перевале вблизи Геленджика.

Страны — участницы СЭВ решили объединить свои усилия в освоении энергии ветра. Согласно разработанной ими программе, в числе других агрегатов в одиннадцатой пятилетке будет создан опытный образец аэромашины мощностью 30 квт и макетный образец ветроустановки мощностью до 100 квт.

Ветроэнергетика сегодня — это портативные электростанции, опреснители, насосы для подъема воды с различными глубинами, источники питания для маяков и бакенов, кормодробильные и сушильные аппараты... В послужном списке ветра сейчас уже десятки профессий, и список этот будет постоянно увеличиваться.

Освоение самого дешевого в природе «топлива» продолжается.

Настоящую поэзию отличает особое, многомерное видение мира. И отличие одного поэта от другого определяется характером и масштабами этого видения.

Стихи Геннадия Иванова на протяжении многих лет упорно набирали это качество необычности, смелой образной уплотненности, когда стоят «избы в стеканках бревенчатых», когда птицы «каждую песню, как гнездышко, вьют». Есть в его стихах чувство чуда, но какого-то удивительно земного. Молодой поэт умеет возвращаться в пережитое, не забывает ни радости в нем, ни озаренности, ни горестей.

Это взгляд «сквозь вещи» в себя, в сердце свое, что и определяет отзывность его настроения и его слова.

У Геннадия Иванова было доброе деревенское детство, давшее ему корневое ощущение жизни, память на детали, «природность» слова.

Став ныне городским жителем, он берет от города охватность видения, культуру многомерного мышления о мире. Я верю в талант молодого поэта, в его упорство и прочную простоту, верю, что недостатки уйдут, а характер останется.

Владимир ЦЫБИН

НОВОЕ ИМЯ

Геннадий ИВАНОВ

На маяке

Уютно спать на маяке,
Но мне не спится,
Представляю,
Как с парохода вдалеке
Сюдаглядят душа живая.
Она устала в шуме вод,
И с берегом нужна ей встреча,
Как мне тот дальний пароход —
И чтобы плыл он бесконечно.

Молодые листья на березах —
Шаловливы, ласковы, легки —
Ничего не знают о морозах,
О мертвящем посвисте пурги.
Удивленно слушают ворону,
Шелестят и пляшут на ветру,
Разбегаются и собираются в крону,
Устремляются в новую игру...
Не страшны им грозовые тучи,
Им на радость молнии и гром!
Ловят каждый мимолетный лучик,
Шумно умываются дождем.

Остров на Севере

Наш зимний остров так качается,
Как в ленинском море поплавок,
Погода — главная начальница
И всех забот и всех тревог.

Березы малые, как венички,
Совсем заносятся пургой,
Лишь избы в стеканках бревенчатых
Дадут тепло вам и покой.

Здравствуй, край поморский,
океанский дар —
Неструганые доски, звонкий тротуар!
Тихо на причале, на волнах — закат.
И дома, как чаны гулкие, стоят.
Хорошо и прочно от вечерних дум,
Солнце рыхлой бочкой
закатилось в трюм.
Слава богу, дома. Кончился отъезд.
Здравствуй, мама! Здравствуй, отец!

Сиреневый клевер,
сиреневый клевер!

И туча под солнцем —
в синих лучах!
Я полю родному всю душу доверил
И слушаю в клевере птах.
Прошедшую тучу они провожают,
Взвиваются выше и звонче поют!..
И звуки заботливо так подбирают,
Что каждую песню,
как гнездышко, вьют!

Пять лет прошло...

Пять лет прошло,
как будто снег согнал,
И вновь весна. И я люблю опять
Тебя не по-семейному — устало,
А с первым страхом —
как поцеловать?

Спит сын, а мы,
столкнувшись в коридоре,
Так и стоим, обнявшись в темноте,
Как в первый год
у свежести, у моря —
На приливной волнующей черте.

Горят костер на темном побережье,
Горят вдали от дома моего.
Я стал другим — ну разве мог я прежде
На расстояни греться от него!

Плыли звезды, кружила дорога

Плыли звезды, кружила дорога,
Было лето у всех на виду.
И ромашки из солнного лога
Излучали свой свет в темноту.
Из кино возвращались ватагой,
И смеялись, и пели легко.
А в домах покрывалось сметаной
Днем надоечное молоко.
Было лето. Да было ли это?
Я гулял по траве луговой,
В ярко-красных промоченных кедах
Возвращался под утро домой.
И уже на холодной подушке
Я ли слышал тогда в полуслоне,
Как веселая ранняя муха
Все о счастье трезвонила мне!

У самого Белого моря
Мой дом деревянный стоит,
Где, с волнами черными споря,
Дрожит ледниковый гранит.
И часто в осенние ночи,
Когда уж родители спят,
Я слушал, как дом наш бормочет
В ответ на прибойный раскат.
Я видел холодную пристань
И звезды в кромешной дали,
Какой-то таинственный призрак
Туда уводил корабли.
И в синем предутреннем свете
Я тоже кружил вдалеке...
Густой налетающий ветер
Гудел на сыром чердаке!

В пятом номере мы опубликовали письмо нашей читательницы из Подмосковья А. С. Квасовой, тема которого показалась нам заслуживающей того, чтобы начать дискуссию «Далекие близкие». Предложение обсудить проблему сохранения, сбережения родственных, кровных уз, влияющих на человеческие взаимоотношения, встретило горячий отклик читателей. Сегодня мы публикуем первые отклики на письмо А. С. Квасовой.

Главный судья — совесть

РОДСТВО КРОВНОЕ И ДУХОВНОЕ

С интересом прочла письмо читательницы из Подмосковья А. С. Квасовой. Проблем, по-моему, много, но их можно разрешить.

«Черствость... Откуда в людях это качество?» — спрашивает немолодая женщина. Если это душевная черствость, то это наш просчет, тех, кто не смог быть примером младшим. Любить детей надо, но любить умело и умно. Если отдавать все только ребенку, он и вырастет эгоистом. Поэтому если у вас есть одно яблоко, то поделите его на столько равных частей, сколько членов семьи.

Нас, детей, у родителей было четверо, и с отчим домом (сейчас нас осталось трое) у нас связь и кровная и духовная. Роднимся мы со всеми родственниками, даже четырехородными и более дальними. Люби сам своих близких, делай им добро — и они ответят тебе тем же. Будь интересным собеседником, другом и советчиком — тогда ты будешь всем нужен: и тебе не могут не тянуться люди, так как в своем доме всем хорошо!

Не каждый родственник может быть близок, да это и понятно: разные взгляды, вкусы, интересы, но чуткость, доброта — черты, которые должны стать неотъемлемой частью каждого порядочного человека.

Если наши дети плохо к нам относятся — виноваты мы, взрослые. Не права была женщина, отказавшая ради спокойствия сына хорошему человеку в любви и дружбе. Если он на самом деле хороший человек, то только помог бы ее сыну стать таким же. Детей ведь убеждают примером: каков ты как родитель и воспитатель, таким будет и плод твоего воспитания — твой сын или дочь.

«Русский человек без родни не живет», — говорил отец А. С. Квасовой, а я бы сказала так: «Русский человек не может жить без родного по духу человека». Замечательные пословицы есть у всех народов нашей многонациональной Родины, а эти просто чудо: «Вся семья вместе — и душа на месте», «Скора в своей родне до первого взгляда». Такое и в нашей семье. Братья мои в отпуск всегда едут в отчий дом, а я отпуск делю пополам (две недели провожу у родных, две другие уходят на путешествия).

Не согласна я с тем местом в письме А. С. Квасовой, где она утверждает, что мы черствеем, так как живем лучше. Не знаю, как у кого, но мои связи с близкими и друзьями всегда были прочны. У меня их много, но если долго не пишут, я понимаю: заняты. Говорят: дружба — дар богов. Со мной рядом будто бы и нет никого, но переписка соединяет нас. Когда мне тяжело, я перечитываю их письма.

Не знаю, какие друзья у других, а у меня — редкие, особенные!.. Живет на Урале Т. Попова, растит маленькую дочь и пишет мне чудные письма. «Прости за долгое молчание. Вот я и появилась на горизонте: просто спустилась на землю. А была я на планете Бурь, плывала в море Исканий. Села не на свой плот и была наказана за это: на первом пороге плот «Ильзия» разлетелся и меня выбросило на

каменистый берег «Осмысление». Там стояла ракета «В действительность», которая и доставила меня на Землю, на свежевспаханное поле. Оно огромное, черное, плодовитое (кажется, брось в этот теплый покров зернышко — и тут же, на глазах, поднимется высокий, стройный, сверкающий радугой цветок жизни). Я пошла вперед и оставляла на поле след, который тут же задувал ветер...» Письмо о смысле жизни, о том, что оставил после себя на земле.

Эта женщина — мечтатель, вкус у нее тонкий, в людях разборчив. «Любое образование, только не застой, только не однообразие в мыслях; честный — к себе и к людям; музикальный — пусть без слуха, только бы не отрицал симфоническую музыку, не называл музыку шумом; трудолюбивый (ненавижу людей-приспособленцев, паразитов в прямом смысле) — только такой человек может быть моим другом», — читаю я в одном из ее писем.

Переписываюсь я и с однокурсниками. Часто они бывают в наших краях, навещают меня, и тогда мы проводим бесконечные ночи, вспоминая учебу, делясь впечатлениями о прожитых годах. У нас была дружная группа, девизом нашим было и есть: «Всегда дружить, в труде гореть, сердцем не старатся!» Одна из однокурсниц пишет: «Вас же там много! Приезжайте ко мне в Пицциду. Хоть на пару дней, на любые каникулы, праздники. Так хочется поговорить... О пустяках. О важном. О жизни. О детях. О нас...»

И снова перечитываю письмо А. С. Квасовой... И думаю: может, буду свою А. С. преувеличил (просто ей было одиноко, больно и показалось все в мрачном свете?) и ее племянник Сережа не такой уж никудышный человек? Его слова: «Вы уж не обижайтесь, что не навестил вас. Просто столько дел, что времени не хватает» — то же, что фраза моей однокурсницы: «Не обижайся, если я не отвечаю. Знай: у меня к тебе все взаимно, чистосердечно».

Я уверена, что он ни к дяде своему, ни к тете не питает неприязни. Может, действительно в тот момент так сложились обстоятельства, что все закружилось, завертелось. И думал навестить, да не успел: тетя выписалась. И все же надо помнить: старики ранимее нас, потому надо быть человечнее по отношению к ним. «Всегда помни о других, потом уж — о себе» — это должно стать нашей главной заповедью.

В. С. КАТНИКОВА,
Ставрополь

ДАВАЙТЕ ЗАДУМАЕМСЯ!

Прочитав в № 5 материалы дискуссии на тему «Далекие близкие», я поддерживаю мнение редакции о злободневности этой проблемы. В самом деле, в какой-то мере происходит нарушение непосредственных человеческих отношений — я имею в виду сферу духовного общения людей. Сейчас один человек «опосредованно» связан со многими людьми — нас в основном связывают любимая (а иногда и нелюбимая) работа, бурлящие улицы и магазины,

кино, телевизор, стадион. А людям свойственна тяга друг к другу!

Далекие близкие... Близкие по крови, далекие по духу. А ведь все-таки какое емкое понятие вкладывается еще недавно в слова «брать мой!..»

Первична близость «по крови». Раньше, «в глуби веков», родная кровь «заставляла» людей быть родными и «по духу»: одни цели, одинаковое воспитание, общие кровь, очаг, пища, единий образ жизни. Иногда братья по духу скрепляли свой союз кровью: наверно, это и есть идеал — слияние «крови и души». А у А. Квасовой на первом плане родственность «по крови», то есть некая запрограммированная обязательность в отношениях: если родственники, значит, должны и относиться друг к другу «со вниманием». К сожалению (а может, и к счастью), в жизни не всегда так бывает.

Любое чувство необходимо воспитывать, в том числе и чувство родственности, привязанности сына к матери, брата к сестре. Родственники должны быть еще и друзьями. Хотя родственников не выбирают — они, так сказать, свыше нам даны. — А. Квасова, имея двух сестер (то есть людей по крови более близких, чем племянник), предпочла его. Она, правда, указывает причины: рядом живет, растила, ухаживала, и... не смогла воспитать в нем чувство, которое так необходимо ей сейчас. Может быть, Сергей и рад бы ей отплатить за добро, но только на материальном, что ли, уровне (как и получил), в чем как раз тетя его не нуждается. Он по-другому и не может: не знает таких слов, нет у него «душевного тепла, родственных чувств», потому что в свое время их у него не разбудили, не воспитали.

Другой пример из письма: одна семья поругалась с родней из-за того, что та ее постоянно утомляла, используя квартиру в качестве гостиного двора. Считаю, что слово «постояльцы» тут надо бы писать без кавычек. И у меня есть в Москве знакомая семья, которая пока еще терпит таких родственников, приезжающих за покупками и nocturning у «столичной» родни. В пору бы и им поссориться, ведь очень утомительны такие гости, да не могут: люди совестливые, деликатные, к тому же, как ни говори, а родственники. Вот и мучаются...

Сомневаюсь в правомерности обиды пожилой женщины, которую не навещают в больнице близкие. Сын, может быть, и пришел бы, да не знает, что мать в больнице, и здесь, по-моему, больше материнской вины. Понимаю, как и отчего возникла обида на единственного сына: я, мол, вырастила тебя одна, человеку хорошо отказал, чтоб тебе лучше было, а ты? Женился и мать родную забыл... Да вряд ли забыл он мать! Сама же она скорее всего (встречались мне такие) создала неприязненные, ненормальные отношения со снохой, видя в ней не любимую и любящую сына женщины, а свою соперницу, разлучницу... И, может, сыну приходилось разрываться между ними, а в гости одному, без жены, приходить неудобно... И тут снова надо говорить о воспитании. Мать, любя сына, вкладывая в него деньги и душу, все-таки не сумела (не знала как) добиться такого же ответного чувства. А само оно ведь не приходит. Его надо «строить». Появясь в доме отчим, может быть, и с сыном вышло бы иначе.

Все эти примеры из письма А. Квасовой только подтверждают мою мысль: чувство родственности, духовной близости к людям необходимо сознательно будить и воспитывать в человеке с самого дня его рождения. Я убежден, что со временем духовная общность людей будет значить в обществе все больше и больше.

А вообще-то говоря, мы сами разрушаем «родственные отношения, губим родовые корни», уменьшая количество родных по крови. Злободневна — как никакая другая — проблема одного ребенка в семье. Вполне возможно, что наступит такое время, когда не будет племянников и племянниц, потому что все меньше становятся братьев и сестер. Вот о чём нам всем надо серьезно задуматься.

Владимир ВОГДАНОВ,
Липецк

В этих — самых первых — отзывах на письмо А. С. Квасовой тоже ставятся, как нам кажется, очень важные проблемы, которые требуют серьезного и главное, коллективного обсуждения. Ждем ваших писем, друзья. Дискуссия «Далекие близкие» продолжается.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ В МОСКВЕ—ДОМ А. П. ТОЛСТОГО НА СУВОРОВСКОМ БУЛЬВАРЕ. ЭТИ ПРИЕМНАЯ И КАБИНЕТ, В КОТОРЫХ КОГДА-ТО ЖИЛ И РАБОТАЛ ПИСАТЕЛЬ. НЫНЕ ПРЕВРАЩЕНЫ В ГОГОЛЕВСКИЙ МЕМОРИАЛ. А ВЕЩИ, ВСЕ ДО МЕЛОЧЕЙ,—САМЫЕ ПОДЛИННЫЕ СОВРЕМЕННИКИ АВТОРА «МЕРТВЫХ ДУШ».

Людмила КОХАНОВА,
кандидат филологических наук.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

— Николай Васильевич сегодня принимает? — Приоткрылась дверь, и в приемную Гоголя, как и прежде, затянутую зеленым ковром, вошла новая гостья. В старину в гости ходили не по телефонным звонкам, а в так называемые приемные дни. И теперь в четко обозначенное время открывает свои двери Гоголевский мемориал—последняя его квартира в Москве, в доме А. П. Толстого на Суворовском бульваре. Иллария Алексеевна Трухина, старейшая читательница библиотеки, расположенной в этом же старинном особняке, приходя менять книги, непременно заглядывает к Гоголю.

Посидеть, подумать, помолчать.

Здесь любят Гоголя. Здесь можно побывать с ним наедине. Атмосфера камерности, а значит, доверительности—это, пожалуй, главная отличительная черта мемориала. Но далеко не единственная. Он существует не сам по себе, а в «контексте» городской библиотеки № 2, носящей его имя. Именно в контексте, потому что сегодня уже невозможно представить работу библиотеки без гоголевской темы, а этот небольшой музейчик без благодарной аудитории—двадцать тысяч читателей.

Мне доводилось видеть разные библиотеки, но в таком сочетании, пожалуй, впервые. Эта библиотека имеет свою богатую родословную. Начало ей положил библиотечный фонд, созданный по инициативе Н. К. Крупской в 1923 году при обществе «Долой неграмотность». Потом библиотека перешла в Московское отделение Общества Красного Креста. Библиотечные работники еще помнят времена, когда в их фондах было много буквей, книг, напечатанных крупным шрифтом для тех, кто только учился читать.

В особняке, где размещена библиотека, прожил свою последние годы Николай Васильевич Гоголь. Две небольшие комнаты на первом этаже (приемная и кабинет с отдельным входом из парадных сеней), смотрящие окнами на бульвар и в сад.

Работники библиотеки организовали новый гоголевский музей своими силами, собирая экспонаты прямо-таки по крупицам. Хотя, казалось бы, чего проще: Гоголь жил не так уж давно, всего-то в прошлом веке. Но, оказывается, сегодня отнюдь не просто найти вещи, воссоздающие образ той эпохи, не говоря уж о вещах, лично принадлежавших писателю. Практически ничего не осталось. До 1907 года ценой немалых усилий одна из сестер Гоголя берегла Васильевку—такой, какой видел ее Гоголь в детстве и в последние свои наезды к родным. Собиралась она здесь сделать, как он завещал, и общедоступную библиотеку и странноприимный дом, в котором могли бы найти люди доброе слово и успокоение.

Не успела... Сгорела Васильевка дотла. (Сейчас принято решение восстановить ее в прежнем виде.) Многие же из тех экспонатов, которые сумели сохранить полтавские работники музея, разметала по свету война. «Подлинного Гоголя», увы, почти не осталось. (Кое-что, правда, хранится в единственном в нашей стране музее писателя в Сорочинцах.) Рассказывают об этом, чтобы стало понятно, сколь сложной и на первый взгляд неразрешимой была задача библиотечных работников, не специалистов, а просто почитателей таланта писателя, когда они начали создавать первую экспозицию, разрабатывать темы «Гоголь и Москва», «Гоголь и театр». Сложным был последний период жизни писателя. Большой Гоголь продолжал стомически работать, завершая второй том «Мертвых душ». И по-прежнему отдавал он все свои силы просвещению. Всю жизнь зарабатывая нелегким писательским трудом, постоянно нуждаясь, Николай Васильевич регулярно до последних дней передавал деньги в фонд неимущих студентов Петербургского университета, в котором когда-то сам читал лекции по курсу древней истории. И до последних дней следил за развитием культурной жизни страны, был в курсе всех литературных дел. В этой квартире читал ему И. С. Тургенев свои «Записки охотника». Здесь он познакомился с сочинениями Островского, Гончарова, Григоровича. И здесь же сам Гоголь, непрerezванный чтец своих произведений, в последний раз читал артистам Малого театра, среди которых был М. С. Щепкин, пьесу «Ревизор».

Вот с этим периодом жизни писателя и знакомит нас музей. Знакомит языком фактов, документов... Экспозиции как бы призывают: думайте, размышляй-

те, не довольствуйтесь готовыми рецептами. Представьте, как ночью сидел у этого камина больной писатель и смотрел на горящую рукопись последнего тома «Мертвых душ»...

А под рукой «гоголевские полки», только поднимись в читальный зал по той самой лестнице, по которой ходил в гостиную Гоголь, чтобы послушать музенирование хозяйств. Здесь собраны различные издания произведений писателя, иллюстративный материал к ним, работы мемуаристов и литераторов-дов. Вот уже несколько лет в мемориале проводятся литературные чтения—среды. Серебряный, обстоятельный разговор ведется здесь о Гоголе, о литературе. Все так же, как и в старые времена, когда собирались в этих уютных комнатах гости писателя.

В начале 1974 года мемориал принял первых посетителей. Сегодня гоголевский музей стал своеобразной школой, в которой сотни и сотни людей вновь открывают для себя Гоголя. Сужу об этом по записям в книге отзывов. Для школьников Саши Цветкова, Ярослава Леонтьева, Саши Сидорова это—начало пути в литературу. Для иностранных студентов, находящихся на стажировке в Москве, которые пишут дипломные и курсовые работы по Гоголю, это—знакомство с великим народом, с его историей, культурой...

Адрес Гоголевского мемориала вам дадут в любой «горсправке». Он был включен в маршруты культурной программы Московской Олимпиады. Самых добрых слов заслуживают сотрудники этой библиотеки. Но им очень нужна помощь. Необходимы помещения для экспозиций, дотации, потому что обычная городская библиотека не имеет статей расходов на содержание музея. И, конечно же, требуется пристальное внимание к музейным делам со стороны различных инстанций, комсомольских организаций близлежащих вузов, студенты которых—активные читатели «гоголевской» библиотеки.

...Прохожу по музейным комнатам. Ощущение такое, будто писатель вот только что вышел на бульвар после долгой работы и идет сейчас по своему привычному маршруту—до Никитских ворот и обратно. Скоро вернется, попросит горячего чаю. Сидят за стол. Синий вечер сквозь заснеженные ветви заглядывает в окна. Пора зажигать огни.

— Николай Васильевич сегодня принимает?
В музей пришли новые гости.

В Москве проходил семинар молодых болгарских литераторов, организованный по инициативе Димитровского комсомола и журнала «Дружба». Участники семинара вместе с советской молодежью в составе интеротрядов работали на стройках Сибири и в Нечерноземье, многие учатся в Литературном институте имени А. М. Горького.

Мы представляем стихи молодых поэтов братской Болгарии.

Червенко КРУМОВ

Живая вода

Живи на дне любого дня, в котором таится, как в колодце, чистая вода. Пусть отразится в ней, сверкая, птица над простором, твой дом, твоя дорога и звезда.

И ты услышишь: тыму взрыхляют корни, и стебель жилистый струится в синеве, и ждет зерно своей судьбы упорно, и муравьи торжественно ползут в траве.

И ты увидишь, удивляясь, как открыто: проходит по стерне один юнец — ты сам... И песня, песня светло-синей нитью летит, привязанная к облакам.

И в этом поле ты узнаешь скоро, что здесь берет начало песня и мечта. Живи на дне любого дня, в котором таится, как в колодце, чистая вода.

Донка ХАДЖИЦАНЧЕВА

Памятник рабочей дружбе

Сверкает изумрудным блеском руда.

И превращается в огонь. Переплетаются ладони, превращаясь в клятву.

Сердца встречаются, сливаясь в пульс один. И верностью становится любовь.

Случайный пешеход, остановившись перед огромным памятником этим — рабочей дружбе, верности, любви.

Иван КОПРИВШТЕНОВ

Свадебное хорό*

Плавно-плавно, тихо-тихо, как приходит осень в сад. незаметно эти звуки снова кровь мою пьянят. Но уже выходят гости в круг с весельем озорным, и стремительная песня губы обжигает им. По двору, как лента, выется наше буйное хоро. Пусть узнают молодые в жизни счастье и добро! Блещут очи и мониста в танце древнем, незабытом, и осенний воздух дышит юностью и спелым житом...

* Болгарский народный танец.

Кяшиф МОЛЛОВ

Родина

I
Могу остаться деревом без веток.
Могу упасть подстреленною птицей.
Могу лишиться крыши,
звезд небесных и замолчать в обветренной ночи.
Могу, наверно...
А есть ли где-то сердце и рука,
способные согреть меня в дороге и укрепить мой дух?
О Родина!
Покуда ты со мною, я силу чувствую и все осилю!

II
Болгария!
Стань ледяной водою — и в самый знойный день дари мне свою нежность.
Болгария!
Стань для меня комком земли, в котором каждою весной смогу я прорастать.
Болгария!
Стань самым синим небом для солнца моего.
Болгария!
Я знаю: целиком ты уместиться можешь в сердце человека.
Болгария!

Любчо ИВАНОВ

Проспект Мира

Улица эта — прямая и чистая, как мысль комиссара.
Улица эта — как вена великого города, по курантам которого время сверяет свой пульс.
Улица эта — как будто рука материнская...
Весело здесь детям, цветам, голубям...
Улица эта... Только представьте на миг, как было бы страшно, если бы улицу эту назвали проспектом войны...

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Дарья ХАРЛАНОВА

Прежде чем уйти...

Белеет небо. И орехи зреют, темнеют их упрямые обивки и сами отпадают от скорупок. Еще немного... И плоды айвы начнут светиться на шкафу. А дедушка, чьи трудовые руки приветствуют меня с приездом, скажет, что надо вымыть нашу центрифугу... Потом уложим ровно в нее лепешки, начнут крутить двойородные братья — покуда тяжкий мед не потечет... Я с ними вместе буду сад обыскивать; а в погребе, заросшем паутиной, заманчивые обнаружу лакомства. Так будет. Это было каждой осенью. Но понимаю: мне совсем не радостно... Ведь погреб для меня уже не таинство. Пустеет понемногу сад.

В амбаре — там играли мы в театр — сегодня просто холодно и пыльно. Я не хочу здесь оставаться. Нет. Лишь детские пробитые сандалии, забытые под крышей на бревне, останавливаются заставляют вдруг. А дедушка, мои слова как будто не слышав, настойчиво и тихо повторяет, что надо вымыть нашу центрифугу.

Георгий МИЛАНОВ

Девятое Мая

Мы подойдем сегодня рано с букетами к высокой арке — гранитной, — выстроенной в парке в честь павших за Победу воинов.

Средь перекличек неспокойных передавших ветеранов пойду бескрайнею аллеей, лучами майскими залитой. И вдруг увижу инвалида с табличкой: «Третья батарея». С лицом взволнованным и бледным спешит он... Чтобы не последним прибыть... в коляске — грустной лодке...

И воздух утренний опять пьянил меня.
Но опьянять так может только «сотка» водки, что выпита фронтовиком, не дрогнувшим перед врагом.

Милена ЛИЛОВА

Р. КОНДАХСАЗОВУ

Добрый вечер, художник! Сегодня ты грустен. Твой балкон деревянный, со шторой, наполненной ветром, похож на корабль, готовый к отплыту. Присядем, художник, в городе старом, на старом балконе, в этой старой-престарой Вселенной. Присядем, художник, в городе этом, в мире большом и в твоей беспокойной бессоннице. Молчаливо послушаем, как Тбилиси отходит ко сну. Так о чём же грустишь ты, художник? О старом Тифлисе? О толпах туристов?

О том ли, что нету шарманок, поющих чуть грустно от зари до зари? В комнате рядом дочь твоя спит и вздыхает во сне. Что же, возьми кипарис возле дома и нарисуй, словно кистью, на небе ночном город. Неважно, будет ли это старый Тифлис, старый Пловдив или старое Тырново.

Только прибавить нужно один деревянный балкон со шторой, наполненной ветром, и на балконе — художника. Чтоб спасены были старый Тифлис, старый Пловдив и старое Тырново. Доброй ночи!

Румен ДЕНЕВ

Ты — короткий эпизод моего глухого прошлого. Снег идет,

ходит год... Память занесло порошками.

Сонная заря в окне. Век — бессонный и космический. Нужно разобраться мне в потрясениях исторических.

Только, если вспоминать все, что было нами сказано, может боль прийти опять, — будто мы с тобой наказаны...

Ты — короткий эпизод моего глухого прошлого. Снег идет, уходит год... Память занесло порошками.

Перевел с болгарского Александра РУДЕНКО.

А ЧТО У ВАС?

ПАМЯТЬ...

ИДУ НА ТАРАН!

На борту МИГ-3 не оставалось боезапаса. И тогда, крепче скжав ручку управления, слившись со своим «ястребком» в одно целое, лейтенант 28-го истребительного авиационного полка Григорий Монастырский прибавил обороты двигателя.

Уверенно ведомый Григорием, «ястребок» резанул ребром правой плоскости по хвосту фашистского бомбардировщика. «Юнкерс», получив смертельный удар, опрокинулся и вошел в пике, закончившееся где-то там, внизу, взрывом.

Сильно встремнуло и самолет Монастырского. Может быть, в других условиях Григорий и покинул бы его на парашюте. Но тогда была война, шел ее одиннадцатый день, и каждый самолет следовало беречь особенно. Умело действуя, лейтенант Монастырский вернулся на родной аэродром...

Его лишь один из сотен воздушных таранов, совершенных советскими летчиками при защите Родины. Но не только о нем можно узнать из обширной коллекции копий документов и записей, кропотливо собираемых и изучаемых москвичем С. С. Верховским, художником-оформителем.

Участник Великой Отечественной войны, член комиссии по увековечению памяти погибших воинов Советского комитета ветеранов войны более 12 лет неутомимо работает в архивах, музеях, переписывается и встречается с участниками боев, воздушных ударов по противнику, собирает сведения о воздушных таранах, совершенных советскими летчиками.

Сейчас дома у художника Верховского на полках размещено и систематизировано уникальное собрание сведений о 564 воздушных и более чем о 400 так называемых огневых таранах, при которых героический экипаж устремляет свой самолет вниз, к земле, туда, где поражающий противника удар завершается подвигом и бессмертием.

Кажется, уже нет таранов, не учтенных художником-патриотом. Но поиск продолжается. И возможно, Верховского (а значит, и нас) ждут новые открытия.

Виктор ТУРЬЯН

ПЛАСТМАССА— ПРОВОДНИК ТОКА

Еще совсем недавно во всех учебниках писали, что пластмасса (как и многие неметаллы) электрического тока не проводит. Оказывается, и учебники могут ошибаться.

Вот на стенде лежит серебристая пленка, по внешнему виду ее не отличишь от металлической. Возьмите ее в руки, и вы увидите, что она, как всякая полимерная пленка, обладает хорошей гибкостью, и эластичностью, и сравнительной липкостью. Что же это за материал? Оказывается, поликарбонат. Легированный с помощью какого-либо вещества, он становится хорошим проводником. В недалеком будущем на наших заводах начнут выпускать такие дешевые проводники. Они будут верно служить и в солнечных батареях в космосе и в громоотводах на Земле.

Физики пытаются создать пластмассы с различными электрическими свойствами. Уже получены пластмассы, которые и в чистом виде способны проводить ток. Они состоят из множества молекул, образующих гигантские цепи,—имеют, как говорят ученые, линейную структуру. Потому у многих из них содержится, как у металлов, некоторое количество свободных электронов. В этом и кроется причина приобретения ими электропроводности. Чтобы еще увеличить количество свободных электронов, в обычные пластики вводят немного йода.

Хотя пластмассовые проводники еще уступают по своим электрическим показателям металлическим, они стоят гораздо дешевле. Потому они могут соперничать с кремнием и другими веществами в солнечных батареях. На космических кораблях экраны из такой пластмассы будут надежно защищать электрооборудование от вредных излучений. Немало работы найдется им в земных отраслях техники—для очистки воздуха от пыли, в электрообогревателях и др.

Ученые пытаются уже создавать пластики с заданными электрическими свойствами, близкими к полупроводниковым.

Борис РОЗЕН,
кандидат химических наук

ПРОЕКТЫ МОЛОДЫХ

ЖИВОЙ... ДОМ

Каким станет дом будущего? Одни специалисты полагают, что он будет иметь бесконечное количество этажей; другие хотят спрятать жилье под землю, чтобы не отнимать полезную площадь у полей, садов и огородов; третьи предполагают строить летающие дома-города наподобие гигантских дирижаблей или переселиться на искусственные острова, плавающие по поверхности морей...

А вот ребята, учащиеся школ и ПТУ, занимающиеся в секции архитектуры при Горьковском народном университете искусств, считают, что дом будущего вполне может быть и живым. Такой дом не надо строить, его можно просто вырастить.

Строительным материалом могут послужить водоросли, грибы или губка,—рассказывает один из авторов проекта, Диана Широкова. Короче, какая-то биомасса. Такой дом не нужно обогревать — ведь все живое выделяет тепло. Если взять за основу растительную массу, дом станет сам вырабатывать кислород или поглощать углекислый газ...

Словом, это должен быть некий растительный организм, имеющий значительные размеры, с внутренними полостями. В случае необходимости он способен срастаться с другими,

«Творческая молодежь — воспитанникам детских домов» — девиз Всеобщей недели, прошедшей по инициативе Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ с 24 по 31 марта этого года. Молодые мастера искусств подарили радость общения с музыкой, кино, литературой и живописью детям, оставшимся без, пожалуй, главной радости в жизни — быть с родителями, в семье.

Это общение было абсолютно искренним и взыскательным; ведь известно, что самый «трудный», в смысле не терпящий фальши, зритель и читатель — ребенок. Неделя поэтому была довольно строгой проверкой не столь для произведений творческой молодежи, сколько для их нравственности. Общение было и необыкновенно плодотворным: прошли открытые уроки пения, рисования, лепки — открытые уроки творчества.

Велика тяга ребятишек из детдомов к искусству. Но порой какой-то книги

И НА ДОБРУЮ ДРУЖБУ — ПОДАРИЛИ ИСКУССТВО

не хватает в библиотеке, а прочесть ее так хочется; какой-то фильм — из нашумевших — не сумели привезти; а уж известного певца или певицу увидеть — так только по телевизору... И каким же праздником для ребят, можно с уверенностью сказать, стали концерты, встречи с киногруппами, творческие отчеты молодых художников и деятелей музыки. Да и сами ребята не спасовали: участвовали в конкурсах на лучший рисунок, лучшее исполнение песни или танца, чтение стихотворений.

Книги и пластики с автографами, картины, музыкальные инструменты, произведения прикладного искусства — они остались у воспитанников детских домов не как память о встрече, а именно в залог доброй дружбы.

В залог традиционности шефства, которому положено прекрасное начало.

Константин АНДРЕЕВ

РАЗГОВОРЧИВЫЙ КЕШКА

СПОРТИВНОЙ БАЗЕ —
КОМСОМОЛЬСКУЮ ЗАБОТУ!

ОКБ «Спортпроект» представляет...

В 1975 году при Харьковском обкоме комсомола было создано общественно-конструкторское бюро «Спортпроект».

По заданию отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ общественно-конструкторским бюро под руководством П. В. Воловика за последние годы созданы проекты комплексов спортивплощадок «ГТО — городок здоровья» — спортивный комплекс для молодежных общежитий всесоюзных ударных комсомольских строек Красноярского края, Бурятской АССР, Иркутской и Тюменской областей, мини-стадионов для Харьковской и Калужской областей, Алтайского края, физкультурно-спортивных комплексов во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» и «Жемчужина России» в городе Анапе.

Активное участие в разработке проектов, их практическом внедрении приняли работники отдела спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ Галаев В. И., Душанин А. П., секретарь Харьковского обкома ЛКСМ Украины Касиотин С. Н.

Предлагаемые проектные решения не претендуют на роль строгого нормативного пособия. Это всего лишь первая попытка научиться, как даже с самых маленьких спортивных площадок, обустроенных по проектам харьковчан, собирать большой «урожай» бодрости и здоровья.

Сегодня, когда после Московской Олимпиады еще больше возрос интерес к спорту, физической культуре, эти проекты не должны остаться только на бумаге.

Геннадий ФЕКЛИЧЕВ,
заведующий отделом спортивной
и оборонно-массовой работы
ЦК ВЛКСМ

На рисунке:
примерный вид жилого дома.

подобными себе, образуя целые города-биообразования. Связь такого дома с окружающей средой осуществляется с помощью корневой системы. Для своей жизнедеятельности дом, как и обычные растения, использует воду, растворенные в ней соли, энергию Солнца...

Изменение формы дома можно будет осуществлять с помощью направленного облучения участков дома ультрафиолетовыми или какими-то другими лучами. С помощью такого воздействия можно будет выращивать и необходимую... мебель.

Необычный проект молодых горьковчан недавно был удостоен Диплома первой степени на международном конкурсе «Архитектура и природа», проводившемся в западногерманском городе Штутгарте.

Станислав НИКОЛАЕВ.
Рисунок Василия БАНДАКОВА
и Александра ДЕХТЯРА

ОБЛАКО С МОТОРОМ

Дирижабль — летающая поливальная установка? А почему бы и нет? Разве по полю обязательно должна ползать неуклюжая, громоздкая машина, разбрызгивающая воду из оросительных каналов? Гораздо лучше использовать для этих целей летательный аппарат. Дирижабль подойдет в самый раз: он может взять на борт тысячи тонн воды, плывет над полем медленно, без особых затрат горючего, способен даже висеть на месте.

И вот ребята из Перми, юные техники Оля Акентьева, Слава Зеленин, Саша Кузнецов, Андрей Сидельников и Игорь Палкин, под руководством И. И. Левина решили построить действующую модель такого дирижабля.

— Поначалу мы хотели сделать просто летающее крыло, — рассказывает Оля. — Летело бы такое крыло над полем, из отверстий в его нижней части лился бы дождь...

Но потом ребята спохватились. Такая конструкция хороша для дождевания лишь в безветренную погоду. А вдруг налетит шквал? Сумеют ли пилоты справиться с громоздкой машиной? Кроме того, летающее крыло удобно лишь для летного

дождевания. А что делать с таким дирижаблем во все остальные времена года? Иметь в хозяйстве машину, которая годится только для одной работы, очень невыгодно. Тогда юные техники изменили конструкцию дирижабля таким образом, чтобы дождевальная система стала съемной. В итоге получилось вот что.

Два баллона, наполненные гелием, несут раму, на которой крепятся кабина управления, двигатели и другие элементы. Надо провести дождевание — на раму навешиваются цистерны с водой и разбрызгивающая система. Нужен летающий кран — закрепим лебедку с трюсом и крюком. Решили провести прополку или подкорку растений — рама несет баки с необходимыми веществами...

Олег СЛАВИН.

Фото Юрия ЕГОРОВА

На снимке: Оля Акентьева рассказывает о конструкции дирижабля преподавателю МАИ, доктору технических наук И. В. Стражевой.

Дом, построенный на песке

Вопреки сложившемуся мнению такой дом может простоять века. Об этом позаботились ученые Ташкента и Душанбе, предложившие новый метод строительства высотных зданий на засыпанных посадочных грунтах, проще — на песке.

Используя мощные горелки (топливо — смесь природного газа и сжатого воздуха), строители прожигают скважины под будущий фундамент. И песок при тысячеградусной температуре сплавляется в монолит. Теперь он способен выдержать нагрузки самых мощных сооружений.

Именно таким способом построен новый корпус медицинского института в столице Таджикистана.

Михаил ДЫМОВ.

СОПЕРНИЧАЯ С ПРИРОДОЙ

Однажды на выставке Люберецкого общества охраны природы случилось забавное недоразумение. Принимая выставку, комиссия подошла к одной из витрин. За ее стеклом застыли яркой мозаикой бабочки. «Безобразие!» — таково было единодушное мнение комиссии. У Екатерины Тизенгаузен от огорчения сжалось сердце: первый «выход в люди» — и такой суровый приговор. А комиссия продолжала возмущаться: «Кому могло прийти в голову выставлять у нас убитых насекомых, да еще таких редких!»

От этих слов сразу наступило облегчение: многоопытная комиссия, как и все, кто впервые знакомился с оригинальными работами, поддалась удивительной иллюзии. На вид будто живые, бабочки на самом деле — кусочки шелка, нити, тонкая проволока и многие части кропотливого труда. Каждый штрих, каждая извилина на воздушных крыльях требуют от вышивальщицы изобретательства. Много своего внесла мастерица в традиционные приемы вышивки.

Но самое трудное — соперничать с природой. Настольная книга в ее доме — определитель бабочек. Художнику часто видят в Зоологическом музее. Долгие годы увлечения сделали инженера-экономиста по профессии отличным энтомологом. Тонкое чувство цвета, научную точность признали не только специалисты. Бывает, что и настоящие бабочки принимают шелковых двойников за «своих».

Иногда спрашивают: зачем нужны эти, хотя и искусные, но все-таки копии? Ответить на такой вопрос можно отрывками посетителей выставок, где экспонировалась необычная коллекция. Отдавая дань мастерству автора, люди пишут о своем восхищении перед красотой живого мира.

Именно поэтому на XIV генеральной конференции Международной ассоциации защиты природы и естественных ресурсов работы Екатерины Тизенгаузен получили диплом первой степени.

Елена ГОЛОВАНЬ

ОБЫЧАИ...

Маланка

В монгольском селе Клопуша готовились к «Маланке» — веселому празднику с плясками, песнями, ряженными, с забавным традиционным представлением-спектаклем. Этот народный праздник сродни русским святым или украинским колядкам.

Уже сшиты костюмы. Разучены роли. Но актеры, молодые парни, волчатся. В спектакль всегда могут «врезаться» неожиданные реплики зрителей, и тогда — отступай от заданного текста и придумывай ответ, да побистрей, да побистрей!.. Кто-то из селян назвал «Маланку» древним телевизором. Поэтому что сама «Маланка» приходит прямо в дом.

Рано утром на улице появилась процесия. Солнце пробилось сквозь облака, и в глазах зарябило от блеска и пестроты.

В главе процессии вышагивает импозантная барышня в длинном черном пальто, в серебряной шляпе. Сопровождают прекрасную даму двенадцать воинов. Голову каждого воина украшает громадная шапка из картона, обтянутая серебряной фольгой; развевается пломаж из малиновых и зеленых, первьев красшеного ковыля, пестрят цветы из стружки и поролона. По плечам воинов льется поток ярчайших лент и струек яичного «дождя»... Они идут, сверкая доспехами, в окружении мальчишек и страшных моши, болтливые моши, отпускающие шуточки и прибаутки. В этом — их работа на празднике. Где только достали они такое тряпье? Вывороченные кожухи, латаные кафтаны. Не видно лица моша — оно скрыто маской из бараньей шкуры мехом наружу.

Но вот «Маланка» останавливается возле дома, где ее ждут хозяева. Веселые моши с сумочками для подарков на боку, с плоскими бубенцами потешают зрителей у крыльца.

Воины становятся в круг, в центре круга — царь. Грубостью и силой пытаются он добиться у красавицы взаимности, но гордая царевна мужественным баском выговаривает царю за дерзость. Тогда деспот приказывает убить красавицу. Царевна умирает. Трагедия оканчивается общей песней — несчастную деву воскрешают, а один из мошей начинает поносить царя за нетактическое обращение с дамой. Пристыженный деспот от этих слов «прозревает». Царевна проникается к нему любовью. А проницающая прозрочно намекает хозяевам дома, что за такой его подага, за «перевоспитание» царя нужно бы и отблагодарить моша. В холщовую суму складывают он щедрые подарки.

И вот снова сверкающие доспехами воины идут по улице до следующего дома. Вдруг царевна просит у кого-то из публики закурить, затем откладывает фату — и мы видим лукавое смуглое лицо семнадцатилетнего парня.

Вечером толпа вокруг «Маланки» разрастается. Откуда-то появляется оркестр, и лихой «Жок» сотрясает темнющее небо.

Роман БОРИСОВ.

Фото автора

На снимке:
Поль Робсон обучается
«растительной хирургии».

Яков ПОНОМАРЕНКО,
агроном-садовод.
Фото Владимира СОЛОВЬЕВА

Елена ГОЛОВАНЬ

А ЧТО У ВАС?

Я не знаю, существует ли
хоть один
великий музыкант,
о котором
можно было бы сказать,
что он устарел.
Самая простая песня,
идущая из глубины
тысячелетий,— жива.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Есть минуты, в которые
вполне чувствуешь
недостаток земного
языка, хотел бы
высказаться какой-то
гармонией, музыкой.

А. И. ГЕРЦЕН

Людям нужны
все виды музыки—
от простого
напева свирели
до звучания огромного
симфонического
оркестра,
от незатейливой
популярной песенки
до бетховенских сонат.

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Я всегда любил музыку.
Если мне подолгу
не приходилось слушать ее,
я тосковал.

И. Е. РЕПИН

Музыка сразу переносит
меня в то душевное
состояние,
в котором находился
тот, кто писал музыку.
Я сливаюсь с ним душой
и вместе с ним
переношуся из одного
состояния в другое.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

...Чайковский открывает
в моей душе такие
интимные чувства,
вызывает во мне
такие нежные мысли,
о существовании
которых
я раньше
и не подозревал.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

Фото Александра ИОФФЕ

Елизавета ЗАХАРОВА

K

огда в 1972 году на VIII международном фестивале «Золотой Орфей» присуждались награды иностранным певцам за исполнение болгарской песни — лучшей единодушно была признана советская певица Светлана Резанова, исполнившая песню композитора Виктора Райчева «Люди, не забывайте ни на минуту». Чистое произношение, музыкальная и речевая выразительность, сильный голос принесли Светлане заслуженные лавры. Первая серебряная победа, первый международный приз и звание лауреата...

Как-то на одном из праздников песни она услышала придуманный здесь же счастливый конец легенды о Вавилонском столпотворении: боги, наказав людей разноязычью, оставили им для общения песню. Язык песни — язык огня, расплывающий лед: непонимания и отчуждения. Сколько раз потом Светлане приходилось в этом убеждаться во время зарубежных гастролей: во всех странах, где она выступала, песня находила путь к сердцам людей, соединяла их.

Конкурс, фестиваль — не только борьба, выявляющая способности каждого участника в сравнении с другими, но и учеба и опыт. Певица с поразительной быстрой меняет репертуар, перестраивает его с одного языка на другой, исполняет совсем свежие, «с пылу, с жару», еще неизвестные песни. Через несколько месяцев участвуя в международном конкурсе «Шлягер-фестиваль» в ГДР, Светлана Резанова была удостоена второй премии за исполнение уже на немецком языке песни композитора Ульриха де Веера «Каждый день хочу тебя видеть».

Чем обратила на себя внимание молодая певица? Что выделяет ее в бурном потоке эстрадной песни, где легко затащиться, не выплыть?

Она поет по-польски и по-чешски, исполняет итальянские и кубинские, немецкие и болгарские песни, но, конечно же, главное — ее богатство — советская эстрадная песня. В ее репертуаре гармонично сочетается тонкая лирика с героикой, робкое, глубоко спрятанное чувство с публицистичностью, и даже контрасты не бездной разделены, а сходятся в вершине, дополняют друг друга: новь и старина, сила и слабость, нежная женственность и суровая мужественность.

По насыщенности звука, по силе голос Резановой как бы специально создан для песен героической тематики, патриотической романтики. Многие исполняют песню Э. Колмановского на слова В. Соловчука «Мужчины», но насколько доходчивее, образнее,

О ЖОСКУТЬСЯ...

значительнее она в исполнении Светланы. Устами «лучшей половины человечества» молодая певица оттеняет истинные достоинства настоящих мужчин, дает оценку их поступкам, с материнской любовью провожает их на войну и оплакивает погибших, с нетерпением ждет возвращения живых.

К гражданской песне у Светланы особая тяга, особое отношение. Ее детство прошло в Волгограде, где память о героизме советских людей, защищавших Отчизну в годы войны, живет не только в монументах, но и в легендах, былях, воспоминаниях фронтовиков, в песнях.

Пение Светланы Резановой — сочетание естественности и почти классической строгости. В ее исполнении поражает высокая культура, основанная на лучших традициях вокального искусства. Певица одухотворяет своего героя, пользуясь арсеналами музыки, вокального искусства и неограниченной драматической фантазии. В песне Светлана гармонично соединяет то состояние, когда поется оттого, что «чувствует просится наружу», с осознанным стремлением художника войти в образ, понять его суть, изучить своего героя, создать его.

«Собирая» своего героя по деталям, она наделяет его субъективными качествами, вкладывая в него свой духовный опыт, свое видение мира, черты своего характера. Истинный художник «лепит» образы по-своему, его почек не спутаешь ни с чьим.

В каждой из песен Резановой — личная наполненность образа, личное отношение к происходящему, поэтому часто герои ее песен для многих слушателей ассоциируются с самой певицей.

Вот милая, задушевная цветочница Анюта. Эта лирическая героиня, по мнению многих любителей эстрады, больше всего отмечена «резановскими красками, ее духотворством». Песня стала «монополией» Светланы Резановой. Ее исполнение так отвечает самой природе песни, так легко и глубоко «легло на слух», что в интерпретации другой певицы не воспринимается. Письма к актрисе некоторые слушатели так и начинают: «Милая наша цветочница!»

И хотя Светлана считает, что в песне нет никаких вокальных достижений, что ничего особенного она не показала: «Просто пою, и все!» — песня из «отлетного» репертуара всегда звучит свежо и по-новому. И всякий раз Светлану обязательно просят об одном и том же: «Пожалуйста, «Цветочницу Анюту». Песня не стареет. Образ простой, ласковой девушки, созданной Резановой, перерос в символ женственности, нежности, трогательной грусти, поэтичности.

Светлана поет о любви то весело, и тогда заражает все вокруг весельем, радостным весенним чувством, то с оттенком грусти, поэтизируя ее, превращая в какой-то тайный источник света. Грусть у Светланы светлая, облагораживающая.

Рождение песни для Резановой — сотворчество певца и слушателя. Певица умеет «зарядить» песенной активностью, музыкальными биотоками любую аудиторию. На ее концертах слушатели не просто зрители — соучастники творчества. Когда поет Резанова, ей часто подпеваю из зала, ритмично «отбивают» такты. И певица поощряет зрителей: в одной из своих любимых песен — «Белом танце» Тухманова — актриса приглашает из зрительного зала на вальс партнера. В другой — едва уловимым взмахом рук приглашает петь всех вместе. Невидимые волны эмоций переливаются в зал и захватывают зрителей.

Артисты, выступающие на различных сценах, знают, как влияет смена концертных залов, площадок и даже костюмов на их игровые навыки. Каждое выступление происходит по-разному, все создается заново. Неповторима в своих выступлениях певица, неповторимы зал и слушатели. Остро ощущая неподобие каждого мгновения, певица находит в определенной обстановке единственно верное решение — вокальное и сценическое. Происходит своеобразное «укрощение» мгновения на эстраде, не позволяющее ни на минуту расслабляться. Время общения со слушателями для Светланы — ответственный экзамен, и нет разделения испытаний на более или менее важные.

— Я всегда стремлюсь к максимальному контакту с залом, — говорит Резанова. — Но проблема контакта со слушателями — одна из самых не поддающихся никакому прогнозированию и объективному изучению «терра инкогнита». Бывает, заметишь в зале два-три непроницаемых лица, пытаешься растопить лед недо-

верия, и когда кажется, что надеяться уже не на что, вдруг выясняется: усилия были не напрасными, — «сухари» растроганы песней.

К постижению тайны общения Светлана Резанова идет через предельную искренность и доброжелательность, через простоту общения. Никакой аффекции: доброе расположение и доверительность к каждому слушателю, ведь предстоит совместное творчество. Это подкупает и воодушевляет людей, вовлекает их в активное действие.

Песня для Светланы с детства сливалась с окружающим миром, с повседневной жизнью. Светлане повезло родиться в kraю, где, как писал Гоголь: «Под песни рябятся из сосновых бревен избы... Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленаются, женятся и хороются русский человек». Песня жила во всем, существовала как естественная и необходимая сторона быта, его неотъемлемая часть. Крепкий, по-волжски раскатистый голос бабушки, колхозной «председательши», величаво звучал вместе с высоким тенором деда, знатока и ценителя русских народных песен, когда, собравшись дома после работы, они затевали настоящий концерт.

Те семейные распевки знакомили Светлану с праздничной песней и колыбельной, обрядовой и гражданской. Она вместе со всеми пела «Катюшу» и «Калинку», не предполагая, что годы спустя будет петь их на международных фестивалях, где тысячи голосов подхватят полюбившиеся всем, ставшие посланниками дружбы на земле песни ее детства.

Еще не совсем осознанный путь в песню Светлана начала со школьной самодеятельности, с подражаниям любимым артистам.

Наверное, каждый певец проходит через этот период подражания, который, по сути, является периодом накопления «вокального хозяйства», начального поиска актерской индивидуальности, когда, пробуя на себе различные приемы вокала, манеры любимых артистов, начинающий певец отбирает «свое» и отсекает чуждое ему, оценивает свои творческие возможности.

Пела Светлана много и легко. Память была цепкой — услышит песню и тут же воспроизведет ее подругам. Пела, и когда училась в родном городе в театральной студии при Волгоградском драматическом театре.

Ей простили будущность драматической актрисы. И сыгранные роли — Джилл в «Мертвом хватке» Голсуорси, Маша в спектакле «Время любить», Жанна в «Проводах белых ночей» на театральных сценах Волгограда и Днепропетровска, где она работала

после окончания студии, — были для Светланы хорошей школой театрального искусства, начальными этапами систематического и напряженного актерского труда.

В театре Светлана стремилась к «песенной» роли, молодой голос жаждал простора и слушателей. Кончилось все тем, что она ушла из театра на эстраду в один из вокально-инструментальных ансамблей. И хотя, теперь уже так можно сказать, решающую роль в выборе верных ориентиров на творческом пути Светланы всегда играла интуиция таланта, на этот раз она подвела при выборе ансамбля: с первых же дней работы в нем у Резановой возникли трудности. Привыкшая к напряженному и взыскательному труду, она тяжело переживала слишком легкое отношение коллектива к работе над репертуаром, нетребовательность к исполнительской технике, зависимость ансамбля от низкого, иногда пошлого вкуса любителей плохих ансамблей, погоню за дешевой популярностью. Складывалась опасная ситуация: молодая певица могла превратиться в заурядную исполнительницу модных шлягеров. Но Светлану спасло природное чутье и здоровый вкус, помогшие певице противостоять невысоким запросам и поверхностной работе над репертуаром. Бесполезных уроков не бывает: работая со слабым ансамблем, она шла через отрицание ложных ценностей к утверждению подлинных. В ансамбле не могли показать ей, как надо петь, но она навсегда поняла, как петь не надо. И это тоже была школа.

В поисках выхода подумывала о возвращении в театр. Но счастливый случай свел Резанову с руководителем джаз-оркестра Анатолием Кроллом, который прослушал ее и пригласил в свой коллектив. В молодой певице Кролла привлекли непосредственность, простота и изящество, насыщенный голос, чувство ритма, активное отношение к исполняемому. А главное, что пленяло в Резановой, — горячность и

НА ВЕСАХ ДОСУГА: «СМОКИ» ПРОТИВ ЕСЕНИНА

Пишу я вам это письмо в отчаянии. И вот отчего. Недавно в кооперативном техникуме, где я работаю, мы проводили вечер отдыха. Пригласили в гости работников местного аэророма. Решили провести поэтическую викторину, подобрали для танцев записи современных советских лирических песен и ритмов.

Так что ж вы думаете? Гости стихи слушать не захотели, а о музыке высказались так: «Старье. Уж не могли клевые записей достать». Под «клевые» записями подразумевались западные поп-ритмы и песни на иностранном языке — все равно какие, лишь бы шумные и с лающими выкриками.

В литературной викторине мы использовали строки из стихов С. Есенина, М. Цветаевой, К. Симонова и других замечательных поэтов. Наши гости почти ни одной цитаты не узнали и посоветовали: «Откуда вы этого набрали? Вы нам Высоцкого давайте, вот его мы наизусть знаем». Я, конечно, не отрицаю таланта Владимира Высоцкого, но не знать шедевров русской и советской поэтической лирики просто стыдно. Неужели современных парней и девушек не захватывает певучесть стихов Есенина, поистине русский, широкий простор поэзии Некрасова, взлобленные цветаевские строчки? Ну почему верх берут «клевые» мелодии Запада? Порой молодые знают названия зарубежных фирм, выпускающих джинсы, лучше, чем имена наших поэтов и писателей.

Вы подумаете, наверное, что письмо это написала какая-нибудь злая на молодежь старушка. Нет, мне 23 года, а написала я горькие эти строки о своих сверстниках потому, что мне до отчаяния жалко их — ведь они обкрадывают себя духовно, много лишают свой разум и сердце.

И в этом я абсолютно солидарна с тем беспокойством, которым пронизано письмо И. Циганковой «Стыдно-то как...», опубликованное в первом выпуске Клуба: ведь ее укор относится и к моим сверстникам, бывшим на вечере.

Елена КАРЕВА,
пос. Рыбное, Рязанской обл.

неутомимость в работе, душевная озаренность, отличающие призвание от обычного профессионализма.

Определяя песню, как детство, в старину говорили не «петь» песню, а «играть песню». Светлана играет свои песни, как микроспектакли, используя различные средства: слово, звук, музыку, жест, танец. К каждой своей песне она предъявляет сверхтребования: показать яркую картину жизни, синтезируя для этого все вокальные и сценические средства. И в этом молодая актриса следует советам К. С. Станиславского — заботиться не об одном, а сразу о трех искусствах: вокальном, музыкальном, сценическом. Советы адресованы оперным певцам, но Светлана считает их необходимыми в работе любого вокалиста.

Свои песни Резанова играет многомерно, объемно, обозначая не только «первый» план, но и различные подтексты, тонкие нюансы. Это во многом ей удается благодаря природным данным и интуиции. Истинные ценности в искусстве, считает Светлана, рождаются только сердцем. Нужно полностью освободить фантазию и непосредственность, дать им творческий простор, тогда пение, как подметил Станиславский, превратится из музыкального протокола в исповедь сердца.

Необходим молодому актеру и серьезный, внимательный учитель, помогающий «внутренним» взглядом работать творчески и выскакательно. И необходимо тренаж. Скажем, такой, как у балерин, ежедневное оттачивание мастерства — вокального и сценического.

Домашние занятия вокалом, каждодневный многочасовой труд Светланы Резановой постоянно сочетает с обучением у опытных мастеров. Еще со студии молодая актриса брала уроки у различных педагогов, больше других запомнились ей уроки Евгения Августовича Кантера, опытного и талантливого педагога. Для того, чтобы получить систематические знания, усовершенствовать мастерство, Светлана поступила учиться в ГИТИС на факультет режиссеров эстрады.

После концертов, которых бывает три и четыре в день, после уроков вокала Светлана спешит в институт — она уже студентка четвертого курса. Напряженный творческий ритм. Каждодневная актерская практика.

А если выпадает отдых, то тоже чаще всего «музыкальный» или «возле музыки». В новом доме, куда года два назад переехала Светлана с мужем, музыкантом джаз-ансамбля Юрием Генбачевым, соседи уверяют, что под влиянием молодых артистов они все стали петь. Попробуй не заразись их молодостью, весельем, их песнями — кого угодно «распоют»!

Отдых, восстанавливавший расход творческой энергии, для Светланы — в поэзии. Выдалось свободное время — и зарыться в томик Пушкина, в неистощимые запасы пушкинской мудрости! Постичь тайны пушкинской щедрости, неизбывности и высоты чувств, секреты его непреходящей молодости и современности, чтобы в песнях понести их людям!

Из собственного опыта Светлана знает, что для настоящего творчества необходимы три качества: талант, труд и терпение. Последнего ей иногда не хватает — все хочется сделать поскорее. Ничего, разгоряченную голову хорошо освежает велосипед. Скорее за город, на природу! Только б ветер дул сильный, только б скорость — чтоб дух захватывало, чтоб в ушах, как наяму, зазвучали сильные, светлые мелодии, словно придуманные ветром ей в подсказку.

Как-то комсомольцы БАМа вручили Светлане за ее выступления символический ключ от города молодости, и теперь он занимает самое почетное место среди сувениров актрисы — как символ вечного поиска и горения, свойственного молодым первостроителям, первооткрывателям.

Светлана — член комсомольско-молодежной бригады ЗИЛа. Она часто бывает не только в бригаде, но и в других цехах завода, присутствует на собраниях, выступает перед рабочими с творческими отчетами. Ежегодно в день коммунистического субботника она по традиции работает с коллективом зиловцев.

Недавно Резановой присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

...Перед актрисой еще много проблем. Трудности с репертуаром: необходим постоянный процесс обновления песенного творчества. Поиск музыки... Одним словом, поиск песни, своей песни. Эстрада не любит повторений.

Один из лирических героев Светланы Резановой «живет среди песен и звезд», другой грезит песней — как за синей птицей, идет по ее следу, она влечет его высотой и тайной полета, оставляя счастливую надежду на встречу. Мелькнет голубой луч, но едва дотянешься до него, дотянешься, прикоснешься рукой, как он уже далеко, и снова нужно за ним идти да идти. Поймаешь на лету синее перо, — оно тут же растирается, растворяется в воздухе, а где-то впереди, в нестерпимых переливах света, заискрятся еще более яркие, синие-синие перья...

K

омпозитор Геннадий Гладков известен, прежде всего как создатель музыки к спектаклям и фильмам. Бременские музыканты, Дульсинея Тобосская, старик Хоттабыч — эти персонажи запоминаются вместе с теми песнями, которые сочинил для них композитор. У песен Гладкова есть одна особенность: зачастую их невозможно оторвать от сценической или экранной жизни героя, спеть отдельно на эстраде — в спектакле они будут непонятны слушателям. И так получается, что для многих из них жизнь ограничена стенами того театра, где они поются со сцены. Но ведь для композитора все же важно, чтобы его песни исполнились как можно чаще, чтобы они вышли в «большую жизнь», стали популярными...

— Меня заботит прежде всего то, чтобы песня оказалась крепко сцеплена с действием спектакля, чтобы она стала неотъемлемой частью сценического существования персонажа, для которого написана. А какую жизнь она получит вне сцены или экрана — это уж как получится. Например, песню «Проснись и пой!» из одноименного спектакля Театра сатиры стали исполнять на эстраде. Но думаю, что так случилось вовсе не потому, что она лучше других. Все дело в той функции, той задаче, которую выполняет песня в спектакле. В «Проснись и пой!» она не принадлежит никому, она передается от одного персонажа к другому, как хорошее настроение, как заряд радости и стремления к жизни. Вот поэтому она смогла сойти с подиумов Театра сатиры.

Среди моих коллег существует и другая точка зрения: пусть песня будет хороша прежде всего сама по себе, чтобы ее исполняли везде и как можно

Геннадий ГЛАДКОВ

кальное высказывание, осмысливающее драматическое действие. Я использовал эту форму в спектакле «Люди и страсти». Он представляет собой особый вид театрального представления, построенный на отрывках из немецкой драматургии (автор композиции — главный режиссер театра имени Ленсовета И. П. Владимиров). Для связи и оттенения смысла каждый из отрывков был окаймлен вокальным номером — зонгом. В зависимости от идеи и характера персонажей он принимал формы романса, арии, марша, менуэт...

Сложные по форме вокальные произведения Гладкова, написанные к спектаклю «Люди и страсти» на стихи Гейне и Гете, могли бы войти в репертуар профессионального певца. Однако актеры театра имени Ленсовета исполняют их без особого труда...

— Я всегда пишу с расчетом на определенного исполнителя, учитывая его музыкальные возможности. Для Алисы Фрейндлих, исполнительницы всех главных женских ролей в спектакле «Люди и страсти», сочинять можно было вполне свободно. Ее вокальные данные позволяют это делать. Но, одаренная прекрасным голосом, она никогда его не демонстрирует. Верно чувствуя стилистику спектакля, характер своего персонажа, она всегда поет в той tessitura, которая естественна драматическому действию. Появились в спектакле «Люди и страсти» в образе, к примеру, Марии-Антуанетты, актриса не ставит перед собой задачу показать, как она, Алиса, умеет петь, какой у нее голос. Она создает странный, жуткий образ казненной королевы, которая поет свою посмертную песню-менуэт. Звучит мертвенный голос, механически повторяющий слова куплета. Сочетание изящной мелодии менуэта и

ЖИЗНЬ ПЕ

чаше. А то, что она пишется для спектакля, — это уже второе дело. Но говорить о том, чья позиция вернее, невозможно. Это просто разные точки зрения.

Я люблю театр и поэтому без всякого внутреннего сопротивления пишу на слова, которые тесно связанны с сюжетом, заведомо зная, что никуда, ни в какую другую жизнь этой песне не вырваться. Хотя вот одна из них — «Что с тобою?» из спектакля «Проснись и пой!», обреченная своим текстом на «затворничество» в театре, вышла на эстраду, получив другие слова, написанные поэтом Луговым, и другое название — «Как в последний раз».

Но размышления о том, как складывается судьба той или иной песни помимо ее жизни в фильме или спектакле, идут сейчас уже как post factum. А во время работы главное для меня — найти ей верное место в общей образной системе произведения.

Рвется, как пестрая растерзанная птица, на приыхании и хрюпоте голос поющей Альдонсы. На ее глазах избивают возлюбленного, и просто слова невозможны. И тогда возникает песня, дающая выход страданию и боли.

Нелли вполголоса напевает, и ритм песни соглашается с замедленным ходом ее жизни — ожидания Тilly.

Музыкальные и пластические образы персонажей «Дульсинеи Тобосской» и «Тilly» образуют таким образом единое целое.

— Такое непосредственное слияние песни с действием — лишь один из приемов, связывающих музыкальный и драматический материал спектакля. Существует необходимость и в других — отстраненных от развития действия, выражавших главный обобщенный смысл происходящего. С такой целью была написана «Песня о Дон-Кихоте» к спектаклю «Дульсинея Тобосская» (пьеса А. Володина). Она звучит перед началом первого и второго акта в записи. А в конце раздается уже со сцены — ее поют сами артисты. Это как бы песня от театра — сбросив «маски», исполнители уже могут отстраненно говорить о том, что они разыгрывали. Песня о Дон-Кихоте не стилизована под обстановку и время действия, она — вне сюжета. И вполне отделима от спектакля. Ее можно самостоятельно исполнять на эстраде. Она доходчива и легко запоминается благодаря традиционному куплетному построению. А это как раз и требуется от песни, несущей общую идею спектакля.

Отстраненность от спектакля, взгляд со стороны — особому виду театральной песни — «зонгу». Введенный в драматический спектакль Бергольдом Брехтом, он традиционно используется как комментарий к событиям, как во-

зможное создает жуткое впечатление, что и требовалось в этой сцене.

Для меня неприемлемы те музыкальные спектакли, где актер выполняет две совершенно отдельные задачи: вот он играет, а вот он поет; говорит он одним голосом, нормальным, естественным, ему присущим, а выводит ноты другим — созданным на занятиях по вокалу. Песня — это та же речь персонажа, но только особо организованная, возникающая как бы на гребне эмоциональной волны всего действия. Если песня не слияется с персонажем, а музыкальная сущность с драматургической, то неминуемо возникает ощущение лжи. Переход от драматического действия вокалу ощущается как провал. Правда, современная оперетта приучила зрителя сносить этот провал как своего рода театральную условность, унаследованную от классической оперетты. Но там эта условность воспринималась в органическом единстве с условностью характеров и ситуаций, не претендующих на отображение правды жизни. А у актеров музыкальных театров очень часто возникают трудности, когда им приходится в спектакле говорить нормально, как в жизни. Сцена вызывает у них нечто вроде условного рефлекса произносить любые слова поставленным «вокальным» голосом. Для актера же драматического театра трудность заключается в том, чтобы обрести естественный голос в пении, согласующийся с тем, каким он говорит на сцене. Андрей Миронов, актер, нашедший свою, несомненно, верную манеру пения, называет ее «музыкальная декламация». Этим он ставит знак равенства между сценическим и вокальным монологом. Так, в фильме «12 стульев» он почти проговаривает свой вокальный номер, но это воспринимается не как неумение петь, а как естественное продолжение его речи, продолжение драматического действия. Вообще-то говоря, в драматическом спектакле легче снести фальшивую ноту, чем фальшиву в игре. Даже для меня, музыканта.

Композитор — это один из создателей спектакля. Как складываются его творческие взаимоотношения с другими — режиссером, драматургом, поэтом?

— Люблю работать среди равноправных единомышленников. Я не хочу давить сам, но и не хочу, чтобы надо мной давили. Работа должна проходить в гармоничном единстве и равноправии с драматургом, поэтом, режиссером. Захват «полной власти» тем или иным не приносит ни совершенства, ни полноты реализации главного замысла. В своей работе я не отшельник. Мне нужно, чтобы вокруг меня чувствовалась жизнь, ее сложный ритм и разноголосица. Хотя иногда хочется уехать, забраться куда-нибудь подальше и поработать без

телефонных звонков, бесконечного потока уходов и приходов... Но я пока не готов для одиночества.

Люблю работать с Марком Захаровым. Нас связывает с ним давняя творческая дружба. Я писал музыку к его спектаклям еще в Театре сатиры. А затем, когда он стал главным режиссером театра имени Ленинского комсомола, я работал с ним над спектаклями «Автоград XXI», «Тиль», «Хория». Этот режиссер обладает поразительным музыкальным чутьем. Не вникая в технологию композиции, он может определить точный эмоциональный строй музыки будущего спектакля. У меня с ним выработалась даже свой особый стиль работы. Во время подготовки к спектаклю мы собираемся вместе у рояля, Захаров читает определенную сцену, и тут же под текст начинается музыкальная импровизация. Это, конечно, требует глубокого созвучия режиссерского и композиторского мышления. Сначала бывает туто, но затем входит один ритм, и работа начинает идти. После этих импровизированных моментов наступает период уточнения, обработка и развития того, что родилось во время наших совместных «бдений» у рояля.

А когда я писал музыку к спектаклям театра имени Ленсовета в Ленинграде, работа там шла по-другому. Сначала мы подробно обсуждали с главным режиссером театра Владимировым общую стилистику спектакля, намечали все детали его будущего музыкального образа. Потом начался период затворнической работы. Он всегда проходит очень интенсивно еще и потому, что я стараюсь как можно быстрее выйти к людям. Обычно в одной из репетиционных комнат, где стоит фортепиано и места хватает для нескольких человек, мы вместе с режиссером и актерами опробуем каждый новый музыкальный номер, который им предстояло исполнить в готовящемся спектакле. Во время таких

кального чутья, чтобы избежать и вульгаризации и мертвящего педантизма...

Для меня стилизация не означает точного следования каким-то определенным историческим или национальным образцам. Я должен прежде всего учитывать восприятие нашего современного слушателя. У Сергея Прокофьева есть статья, в которой он рассказывает о своей работе над музыкой к «Александру Невскому». Сначала композитор решил воспользоваться подлинной музыкой XIII века — для создания музыкального образа «псовьышарей». Прокофьев обратился к католическим песнопениям, с которыми тевтонские крестоносцы могли идти в бой. Но эта музыка за истекшие семь веков оказалась настолько отошедшей от нас и чуждой в эмоциональном отношении, что уже не могла дать достаточно пищи для воображения зрителю фильма. Поэтому Прокофьев, взяв какие-то отдельные элементы хоралов, построил тему крестоносцев на резком контрасте со складом русской песни. Ползущие секвенции, коденции, не свойственные нашим песням, создают ощущение холодности, враждебности, чего-то недобрового.

Стилизация строится на введении каких-то отдельных деталей, обозначающих время, страну, тот или иной социальный слой. Это как бы грим, он может быть полный и неполный, различные маски и полумаски, соответствующие драматургическому материалу и выполняемой задаче.

Порой стилизация может принимать пародийный характер, как в мультфильме «Бременские музыканты». Там пародируется и «жестокий» цыганский романс, и современные шлягеры, и изящный менют времен французских клавесинистов, и солдатский марш.

Каждый спектакль или фильм — это особый мир,

серьезная причина такого плачевного состояния ВИА. Слишком долго у нас не признавали рок-музыку, не было ни хороших записей, ни концертов, никакой информации. Сколько лет слушали доморощенные записи, которые делали даже на рентгеновских снимках. Все это не способствовало ни воспитанию хорошего вкуса, ни верному пониманию этой музыки. Если бы вовремя произошло знакомство с лучшими ансамблями, высокопрофессиональными, со своей яркой индивидуальностью, то это дало бы толчок не к рабскому подражанию, а к творческому, серьезному отношению к дому.

Теперь нередки стали гастроли зарубежных исполнителей и ансамблей. Но «Бони М» и «Тичин» — самый средний уровень. Действительно больший событием был приезд Элтона Джона. Он и прекрасный пианист и композитор, а помимо чисто музыкальных дарований, он еще и высокого класса актер, умеющий с блеском выстраивать свои концерты.

Одной из причин неудач ВИА, кроме непрофессионализма и порой просто музыкальной необразованности, является то, что они небрежно относятся к нашей песенной классике. Вроде бы похвальное стремление — дать новую жизнь старым песням, но оно чаще всего превращается в уродование знакомых и любимых мелодий. Русская и советская музыка мало подходит к тому ритмическому штампу, в который ее пытаются втиснуть для придания якобы современного вида. У нее другие корни.

И еще один очень важный момент отсутствует в работе наших ансамблей. Это ярко выраженная творческая позиция, определенное кредо, которое объединило бы всех участников группы. Состав многих ансамблей меняется почти каждый сезон. Им не хватает творчески сильной личности, кото-

СНИ НА СЦЕНЕ И ЭКРАНЕ

— примерок — вносим неоходимые изменения. Я пишу не только для определенного персонажа, но и на определенного исполнителя, учитывая характер его голоса, его индивидуальность. Стараюсь, чтобы вокальные номера, не страдая упрощенностью, всегда были по силам тем, кому их предназначено исполнить на сцене.

Большая часть музыки Гладкова записана ансамблем «Мелодии» под управлением Гаранина. С этим коллективом у композитора давняя дружба.

— Да, я знаю всех оркестрантов уже по имени, благо что постоянство состава — одно из отличительных достоинств ансамбля. Моя привязанность к «Мелодии» объясняется не только высоким мастерством, удивительной слаженностью игры музыкантов, но и тем, что я смог найти в них своих единомышленников. Они не просто исполнители произведений, но и своего рода соучастники их создания. Они не боятся идти на сложные аранжировки, с ними легко договориться, многие из них сами композиторы и понимают необходимость долгих кропотливых поисков нужного звучания.

Я даже могу предугадывать, как кто будет из них реагировать, когда принесу им новую работу. Пианисту Фрумкину, прекрасному музыканту, обычно достается трудная партия. Бывает даже, что ему приходится играть одной рукой на рояле, а другой на клавесине. Сначала он будет ворчать, сопротивляться, а потом сделает все блестящее. Шакаров, первый трубач, будет недоволен, если не достанется сложных, высоких нот. Ему сразу станет неинтересно, и надо будет убеждать, что они, эти высокие ноты, здесь ни к чему. Стараюсь доказывать аргументированно, и недовольство проходит. А перед тромbonesистом Константином Бахолдиным пришлось однажды во время записи музыки к мультфильму поставить довольно необычную задачу — исполнить импровизацию в стиле «носорог». Но, несмотря на некоторую «литературность» объяснения, Константин меня понял, и получился довольно выразительный музыкальный момент, в котором рисованный носорог чувствовал себя вполне раскованно и естественно. Вообще оркестрантам «Мелодии» свойственна подвижность и артистичность восприятия исполняемых произведений. Им доступен почти любой стиль исполнения, так что задачи перед ними можно ставить самые разнообразные.

Стилизация — один из излюбленных приемов Гладкова, он расширяет «спектр» воздействия музыки на слушателя, вызывая в нем целый ряд различных ассоциаций. Но это к тому же и один из «коварных» приемов, требующий особого музы-

кального чутья, чтобы избежать и вульгаризации и мертвящего педантизма...

В своих работах Гладков нередко прибегает к средствам и приемам рок-музыки. Но он умеет так распределить их и «сцепментировать», что они органически входят в ткань произведения, и распознать их бывает не так легко. То, как композитор использует ритмы и гармонические ходы бит- и рок-музыки, зависит от функции, которую им отводят композитор в своем произведении. Это для него лишь современный строительный материал. Слепое подражание «рок- и бит-манерам», характерное для деятельности немалого числа вокально-инструментальных ансамблей, вызывает в нем резкое несприятие.

— В конце 60-х, начале 70-х годов я всячески поддерживал возникавшие тогда молодежные рок-группы. Я надеялся, что появятся, выбьются на свет яркие индивидуальности, которые смогут найти свой стиль, свой путь в популярной музыке.

Но получилось, что, за немногим исключением, куда можно причислить «Ариэль», «Песняров», выбывшие на эстраду ВИА не далеко ушли от второсортной рестораторской музыки: та же дешевая, безвкусная аранжировка, та же упор на децибелы звука, то же пение на дурном, «а-ля русском» языке. Они становятся прибежищем для бездарностей, наглядно и весомо демонстрируя, как можно с минимальными возможностями добиться известной популярности.

Джазовая музыка не давала таких «богатых» возможностей для процветания бездарностей. Там сразу видно, на что ты способен. Джаз требует большой музыкальной образованности, виртуозного владения инструментом. Ну, а под бит-музыку с ее несложной гармонической основой оказалось очень легко работать. А главное — аппаратура. Включил, гудит, звук идет, да еще какой — сила! — ну и все в порядке. Есть еще весьма

рая могла бы держать их вместе. Что крепило союз таких людей, как Пол Маккартни, Джон Леннон, Джордж Харрисон и Ринго Старр? Они искали свой путь, который бы дал возможность выразить свои определенные музыкальные и поэтические идеи. У них было свое творческое кредо, которое объединяло их в течение нескольких лет. А когда его сила иссякла, распался и сам ансамбль «Битлз».

Исполнителями вокальных произведений Гладкова чаще всего выступают драматические артисты. Композитор отдает им предпочтение, приглашая даже для записи пластинок и для озвучивания фильмов...

— В последнее время устоялся определенный круг исполнителей, с которыми я чаще всего работаю: Алиса Фрейндлих, Андрей Миронов, Олег Анофриев, Михаил Боярский, Лариса Долина, Леонид Серебренников... Действительно, они все актеры драматического театра и не имеют специального вокального образования. Все эти люди и в силу своей подготовки и в силу своего дарования способны создать в пении не только чисто музыкальный образ, но и драматический, передать тембр, интонации характера, душевное состояние героя. Бывает, на репетиции вдруг остановится актер с воскликом — «нет, не могу!» — хотя только что спел все нормально, и я понимаю, что его актерское чутье уловило в музыке какую-то ложь. Авторское самолюбие благородно молчит, и мы меняем это место. Актерам, с которыми я работаю, можно доверять в том, что касается правды музыкального образа. И это меня еще сильнее к ним привязывает.

Живут на сцене Альдонса и Нелли, старик Хоттабыч и Дон-Кихот, раскрываются на экране судьбы героев сказки Шварца «Обыкновенное чудо», комедии «Точка, точка, запятая...». Эти литературные герои борются за добро и счастье, страдают, любят и ненавидят, и страстная мелодия их чувств слышна нам в музыке композитора сцены и экрана — Геннадия Гладкова.

Записала Мария БОГДАНОВА.

По обе стороны дороги замелькали утонувшие в густых, начинаящих желтеть садах домики.

— А вот и Выра! — радостно воскликнул Новицкий. — Сейчас покажу дом станционного смотрителя. Несколько лет назад восстановили... Вот он. Вот! — Николай Николаевич показал Корнилову на красивый, какой-то очень уютный дом, рядом с которым стояли полосатый верстовой столб и старинный фонарь.

— Я, между прочим, подарил сюда старинные подсвечники. Восемнадцатый век. Сейчас таких и в комиссионном не купите.

Машина начала притормаживать. На перекрестке надо было сворачивать налево, к Сиверской.

— А может, заскочим в Батово? — попросил Николай Николаевич. — Тут всего километра три. Хороший мужик там живет. Борис Федорович. Кочегар на птицефабрике...

Шофер посмотрел на Корнилова.

— Нет, Николай Николаевич! — возразил Корнилов. — Дело не ждет. Мы с тобой как-нибудь на выходные сюда приедем.

— Значит, к Борису Федоровичу не поедем, — огорчился Николай Николаевич. — А хороший мужик. Помогал собирать всякую утварь для домика смотрителя. Порассказал бы нам многое. Его мать еще Владимира Набокова помнит. У него тут рядом имение было. А дядя Набокова, Рукавишников, в селе Рождественно имением владел. В шестнадцатом году умер, оставил в наследство племяннику четыре миллиона. Недолго попользоваться пришло...

Они поехали по узкой асфальтированной дороге. Слева желтело живые с большими складами соломы,

— Володя тебе подарил. Просил отдать. В пять минут собирались, не было времени забежать попрощаться.

Совсем недавно, во время позднего чаепития, мать, рассказывая Оле про то лето, вдруг сказала:

— О покойниках плохо не говорят, но Виктор Евграфович в сорок первом подло с нами поступил...

— Ты о чем, мама? — удивился Игорь Васильевич.

— Я тебе, Игорек, никогда не говорила, вы ведь с Володей и после войны дружили. Когда Баринов уезжал забирать Володю из деревни, я ведь на окопах была. Под Колпино. А его еще раньше просила — поедешь за сыном и моего забери. Нет, не забрал. Место в машине под вещи берег. Да разве их сбережешь, вещи-то! Людей сбреши не смогли.

И Виктор Евграфович и отец Корнилова погибли на фронте. Мать вырвалась за Игорем в самый последний момент — они уезжали с Сиверской последним поездом. Не посадили их до станции как-то серебряный шофер в битком набитую полуторку — остались бы они под немцем.

Уже после войны, разговаривая с людьми, которые воевали в тех местах, Игорь Васильевич узнал, что через час после их отъезда немецкие мотоциклисты примчались на станцию. Пригородный пассажирский поезд еще стоял у платформы и пассажиры штурмовали вагоны, а немцы уже ходили по домам на окраине Сиверской и в Белогорке, опознавая прятавшихся передохнувших красноармейцев по стриженым головам.

Дареный велосипед Корнилов оставил Натке. Ей уезжать было некуда. Отец воевал на фронте, мать болела.

— Верующих у вас много? — поинтересовался Николай Николаевич.

— Нет, товарищ Новицкий. Старухи только.

Некоторое время ехали молча.

Наверное, чтобы занять паузу, Мухин улыбнулся и сказал:

— Был у нас тут в соседней деревне, в Лампове, один мужик верующий. Пров Семенов. Старовер. У них там молельный дом. Так и он перестал к службе ходить. С ним такая история приключилась — Семенов в пожаре на Дружногорском заводе работает. Придет со смены, отсыпается. А в молельном доме в колокол как ударят! Быть без умелости ровно в набат. Семенов, конечно, вскочит, как шальной, и на улицу! Где горит? Так привыкнуть к ихнему колоколу и не смог. Просил баб — найдите нового старосту. Да где его нынче найдешь? Вот и стал дядя Пров атеистом.

Николай Николаевич расхохотался.

— И ушел из староверов?

— Ушел. А в Сиверскую, в православную, говорит, ездить далеко. — Мухин сдержанно улыбался, довольный, что развеселил художника. — А вот и церковь наша. — Он посерезнел, нахмурился. — Тут все и произошло.

Нахмурился и Новицкий. Когда они вышли из машины, художник сказал:

— Эх-эх-хе, товарищ начальник, до чего же вы тут довели это красивое сооружение! Ведь еще года три-четыре — и развалится храм. Конечно, не бог весть какой архитектурный памятник, но как ловко поставлен в парке. И озеро вдали блестит.

— Вы Мухина-то не расстраивайте. — Корнилов

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

СРЕДА ОБИДАЧИ

справа лежала низина и невидимая, сейчас река Оредеж, вдали — плавный зеленый холм с небольшой деревенькой.

«А когда-то эта дорога была замощена крупным булыжником, — вспомнил Корнилов, — и мы с матерью тряслись по ней в сорок первом на переполненной беженцами полуторке. А впереди поднимались клубы дыма. Там горела Сиверская».

Совсем недалеко отсюда, в маленькой деревушке Грязно, Корнилов жил на даче летом сорок первого года. Ему было тогда десять лет. События того лета врезались в память на всю жизнь. Как-то Игорю Васильевичу попалась на глаза книга о йоге. Выполненная одно из упражнений, помогающих обрести власть над своим телом, человек должен был мысленно перенести себя в такое место на лоне природы, где он чувствовал бы себя беспредельно раскованным и счастливым. Прочитав эти строки, Корнилов задумался: куда, в какой райский уголок мог бы перенестись он, если бы вдруг последовал учению индийских стокиков? И не придумал ничего лучшего, кроме небольшой зеленой поляны на берегу тихой реки Оредеж. Неяркое, в какой-то легкой облачной пелене солнце. Пахнет сосновой, недавно скрошенной, подсыхающей травой, водорослями. Монотонно бубнит маленький ручей, впадающий в реку. Время от времени лениво всплеснет рыба. И как тихий, убаюкивающий фон ко всему этому миру звуков — ровный, неумолчный шум мельничной плотины, скрытой за речной излучиной. Они только что вылезли из воды и лежат на горячем песке: Корнилов, Вовка Баринов и Натка Голубева. Игорь на вершине блаженства — впервые он переплыл реку, наравил белых, только-только начавших распускаться кувшинок и принес Наташе. Вовка Баринов чуть-чуть обижен. Он тоже влюблен в маленькую деревенскую кокетку Натку, но плавать еще не научился и выполнить ее просьбу не смог. Теперь у него вся надежда на белую магию своего новеньского, сверкающего никелем велосипеда, единственного на всю деревню. Натке этот велосипед предоставляется по первому требованию.

Ровно через две недели за Вовкой и его бабушкой приедет на легковой автомашине отец и увезет в Ленинград. Велосипед прикатит Корнилову тетка Мария, у которой снимали дачу Бариновы, и скажет:

Летом сорок пятого Корнилов снова приехал в Грязно. Деревня выглядела заброшенной, несколько домов сгорело. Сгорел и дом Голубевых. Ни Наташи, ни ее матери Корнилов не нашел. Их, как и многих других жителей, немцы угнали на запад.

Через несколько лет он встретил Натку Голубеву на областной комсомольской конференции. Они поженились, когда Корнилов закончил юрфак, и лето провели в Грязно, купаясь в обмелевшем Оредеже, загорая на красивой поляне с чудным названием Дункин угол.

«Как все это было давно», — с грустью думал Игорь Васильевич. Столько воды утекло в холодном Оредеже, а память хранит эти дни, да, именно дни — не годы, не месяцы. Эти счастливые теплые дни. И еще он подумал, что сколько раз бывал в тех местах, а ни от кого из местных не слышал о тех, кто обитал здесь до революции.

С Наташей они прожили только пять лет. Она погибла от руки бандита, когда Игорь Васильевич работал в поселке Рыбакское инспектором уголовного розыска...

Участковый инспектор Мухин ожидал их при въезде в деревню.

— Знакомьтесь, старший лейтенант, — сказал Корнилов, когда Мухин сел в машину рядом с Николаем Николаевичем. — Художник Новицкий, лауреат Государственной премии. К вам, в Орлино, наверное, не часто такие знаменитости заглядывают?

Мухин пожал протянутую художнику руку и смущился, не зная, что ответить подполковнику.

— Он у нас большой специалист по древнерусской живописи, — продолжал Игорь Васильевич. — А вот сейчас в сомнении. Говорят, не может в Орлино церкви старинных икон быть.

— Так ведь я, товарищ подполковник, с чужих слов. Может, и врут люди.

— Ну-ну! Зачем же так — не могут врать все люди разом.

— Вот по этой уличке, — сказал Мухин шоферу, когда машина подъехала к перекрестку. — Там дорога, правда, неважная. Никак сельсовет не раскачивается. — Похоже было, что Мухин остро переживал за плохую дорогу. — Грузовики в распутьи все разбухали, а летом времени не нашлось, чтобы подправить.

вздохнул полной грудью, подставив лицо ласковому осеннему солнцу. — Лучше потребите товарищей из Общества по охране памятников.

— Если бы у них одна эта церковь была! Объектов много, а денег... — Новицкий сделал красноречивый жест.

— Ладно. Давайте делом займемся, — сказал подполковник. — Кто нам церковь откроет?

— Сторож совхозный. Баланин. Да вот и он, — участковый инспектор показал на согнутого недугом старика, стоявшего в сторонке, под раскидистой липой.

— Прохор Савельич! — крикнул он.

Старик не спеша подошел, поздоровался. Глянул снизу вверх на Корнилова. Подполковник отметил, что глаза у старика были совсем молодые, синие, не выцветшие. «Оттого, что он все время вниз, в землю смотрит, что ли?» — подумал подполковник.

— Чем могу? — спросил Баланин. — Храм отворить?

— Открой, дядя Прохор, пожалуйста, — попросил Мухин. — Товарищ подполковник из Ленинграда приехал, с милицией. А товарищ Новицкий — художник.

Прохор Савельич скосился на Новицкого. Губы его расплылись в улыбке.

— Знаем, знаем, — сказал он. — У меня дома две картины ваших висят, Николай Николаевич. Репродукции. — Он быстро открыл амбарный замок, растворил дверь.

— Две картинки? — обрадовался Новицкий. — Вот не ожидал. Польщен, знаете ли. А какие? — он остановился на пороге церкви и заинтересованно смотрел на старика.

— «Лужская осень» и «Веранда». — Прохор Савельич посторонился, пропуская в церковь Корнилова и участкового инспектора. — «Веранда», знаете, там, где рябина на столе.

— Рябина на веранде! — растроганно сказал Новицкий. — Я ее больше всех люблю. Вы меня, Прохор Савельич, к себе не пригласите? Так захотелось посмотреть, как она, моя рябина, в деревенском доме выглядит. Подлинник-то Русский музей купил, да что-то давно не выставляли.

— Рад буду, заходите. И дочке подарок. Она у меня в Суриковское мечтает поступить.

— Отчего же в Суриковское? — удивился Новицкий. — У нас свой институт есть, Репинский. Не хуже.

— Николай Николаевич! — позвал Корнилов. — Ты

в Орлино зачем приехал? Свое самолюбие потешить или уголовному розыску помочь?

— Идите, идите,—тихо сказал старик.—Начальник у вас, сразу вижу, человек серьезный. Мы с вами, если время будет, заглянем ко мне. Тут рядом, за парком. Молочком деревенским угощу. Он зажег свет, а сам остался у порога.

— Ну, что скажешь, Николай Николаевич?—спросил Корнилов, когда художник остановился у иконостаса.

— Руки-ноги обломал бы хозяину, который погубил эту красоту,—тихо сказал Новицкий, хмуро разглядывая потемневшие, облезшие от дождей и плесени иконы, давно облупившуюся позолоту разрушенного временем и непогодой иконостаса.—Спору нет—иконостас-то постарше церкви. Это я вам сразу могу сказать. Без экспертов. Конечно, не пятнадцатый век и не шестнадцатый... Да что же гадать. Надо смотреть внимательно, кое-что снять, на свет божий вынести.

— Мне еще отец рассказывал,—подал голос Баландин,—в Селище в прошлом веке, в тот год, когда Пушкин погиб, церковь сгорела: А иконы мужики вынесли. Успели. Церковь в Селище восстанавливать не стали. Иконы церковный староста хоронил—Илья Степанов Кисочкин. Отец так говорил. А когда этот храм построили—Кисочкины иконы сюда передали.

— Вот и мне мать так же рассказывала,—вставил участковый уполномоченный.

— Да-а,—вздохнул Новицкий.—Дела и случаи. Какой-нибудь ящик мне, что ли... Хочу вот верхнюю достать.

Мухин взял ящик из большой кучи, поставил перед иконостасом. Новицкий оглянулся на сторожа. Тот кивнул.

Пока художник вынимал икону, Мухин показал Корнилову на то место, где лежал на полу брезент.

— Здесь, товарищ подполковник, мы и нашли его. Мелом обрисовали...

— Подождите, Владимир Филиппович,—остановил Корнилов.—Сейчас художник возьмет икону, пойдет на солнечко. А у нас с вами свои дела.

Новицкий, услышав это, сказал:

— Не доверяете мне свои секреты.—Сказал, казалось, шутливо, но Игорь Васильевич уловил в его голосе нотки обиды.

— Да что ты, Николай Николаевич, какие тайны?!

Мы только пошепчемся со старшим лейтенантом немного. Пока ты занят. Я тебе потом все доложу.

Когда Новицкий ушел, участковый осторожно поднял брезент. Меловой силуэт был нарисован не слишком умело. Человек скорее походил на птицу, широко раскинувшую крылья, и от этого казался более зловещим. Около маленького эллипса, изображавшего голову, все еще темнело большое пятно.

Подполковник, задрав голову, долго всматривался в зияющую дыру разрушенного купола. Голубое небо было подернуто, словно изморозью, неподвижной пленкой перистых облаков.

— Слезать тут нелегко,—сказал Мухин.
— Не пробовали?
— Нет.

Они вышли из церкви в парк. Новицкий со сторожем сидели поодаль от церкви на бревнах. Художник сосредоточенно колдовал над иконой. Увидев Корнилова, он крикнул:

— Игорь Васильевич, мы вам не нужны? А то удалимся на пару часиков.

— Удаляйтесь,—махнул рукой подполковник.—Только не дольше. Где вас искать?

Новицкий посмотрел на сторожа. Тот сказал:
— Ко мне заглянем. Филиппич-то знает. Тут рядом с парком, у прогона.

Корнилов с Мухиным обошли вокруг церкви.

— Вот и лестница,—показал Мухин.—От скотного двора он ее принес.

— А где этот скотный двор?
— За парком. Не то чтобы далеко, а с километр будет.

Корнилов нагнулся, попробовал поднять лестницу. Она была тяжелой. «Интересно,—подумал он,—как же этот парень тащил ее один?» Он поднял лестницу за середину. Лестница была длинная, и подполковник с трудом удерживал ее, слегка балансируя. Бросив лестницу, он сказал участковому:

— Может, я такой слабосильный...
Старший лейтенант подошел, тоже поднял.

— Тяжеловата. От скотного двора ее на весу не принесешь. Волочил, наверное.

— Вот то-то и оно. Искали след?

Мухин виновато развел руками.

— Пошли, — сказал Корнилов. — Показывайте дорогу.

Они внимательно, шаг за шагом, осмотрели весь путь—от скотного двора до церкви. Нигде не было даже намека на то, что здесь волочили лестницу. Только у самого скотного двора, на земле, выпотаптанной коровами и еще не просохшей после дождей, была заметна слабая бороздка. Словно бы человек не справился со своей ношей и несколько метров волочил ее.

— Силен, на ваш взгляд, был погибший?—спросил Корнилов.

— Да нет, товарищ подполковник. Жидковат.

Они вернулись к церкви.

— Ну ладно, допустим, принести лестницу у него пороху хватило. А поднять вверх?—Подполковник внимательно разглядывал стену.—Смотрите, на штукартурке царапин не видно.

— Двое было?

Корнилов покал плечами.

— Не будем гадать. Давайте-ка заберемся наверх.

Они подняли лестницу, прислонили к стене. Но было сразу видно, что до купола она не достает.

— Придется поднимать повыше,—сказал Корнилов. Они осторожно, метр за метром подавали лестницу вверх. Когда, по прикидке подполковника, с последней перекладины уже можно было бы перелезть на купол, лестница стояла к стене под острым углом, почти вертикально. «Неосторожное движение,—подумал Игорь Васильевич,—и можно опрокинуться».

— Ты, Владимир Филиппович, держи лестницу покрепче. Неровен час, уронишь начальство.

За работой, незаметно, он перешел с участковым на «ты». Когда подполковник полез вверх, лестница слегка вибрировала под ногами. «Ночью, наверное, не так боязно,—подумал он.—Не видно, что под ногами».

С последней перекладины можно было, подтянувшись за изогнутую железяку каркаса, перебраться на кирпичную основу купола. Корнилов, придерживаясь за лестницу, неловко снял пиджак и, крикнув Мухину:—Лови, Владимир Филиппович,—кинул вниз. Распластавшись, словно ковер-самолет, пиджак упал прямо на подставленную участковым руку.

Наверху, на просыхших мхом, травой и крошечными березками кирпичах, валялась еще не развернутая веревочная лестница, одним концом привязанная к железному пруту разрушенного купола. Корнилов

внимательно осмотрел узел и осторожно, не развязывая, снял его с прута. На внутреннем краю купола большой кусок мягкого, словно бархат, зелено-рыжего мха был содран, обнажив слой земли.

Когда Корнилов спал на землю и протянул старшему лейтенанту лестницу, Мухин покраснел как рак.

— Мож там, наверху,—сказал подполковник, не обращая внимания на смущение участкового,— как на болоте. Ноги у Барабанщика, наверное, скользнула. Вы когда церковь осматривали, не нашли кусок мха?

— Нашел, товарищ подполковник,—краска медленно сходила с его загорелого лица.—Подумал, что с ящиками занесли.

— У вас что, клюку на болоте в ящики собирают?—пошутил Игорь Васильевич и тут же пожалел. Участковый совсем расстроился.

— Не огорчайся, Владимир Филиппович, ты свое дело сделал. А за чужие огражи не переживай. Это ваши гатчинские сыщики, наверное, высоты боятся! Или поленились?—Он отряхнул брюки, надел пиджак. Крикнул водителю, читавшему в машине:—Саша, никто на связь не выходил?

Тот мотнул головой.

— Давай мы с тобой, товарищ участковый, посидим на бревнышках, умом пораскинем. Похоже, все-таки один человек здесь орудовал.

— А как же машина?—спросил Мухин, усаживаясь рядом с подполковником.—Сама за два километра уехала?

— Ты рассказывал мне, что девчушка со своим кавалером эту машину у церкви видела?

Участковый кивнул.

— Ну а тот, кто на машине приехал, он что, слепой? Он ведь тоже ребят видел. И решил от греха подальше машину спрятать. Зачем ей тут маячить, когда он станет по лестнице лазить? Это раз. А два—когда я по лестнице лез, то царапины на стене все-таки увидел. Это снизу мы их разглядеть не смогли. Значит, парень поднял и прислонил лестницу к стене, как полегче было, невысоко, а потом двигал ее вверх. Ну и третье—самое важное... Я мог бы и раньше об этом подумать, но на месте всегда начинаешь лучше соображать, реальность все себе представляешь. Самое главное—пистолет. Пистолет у Барабанщика в кармане остался. Знал о нем сообщник, если был такой? Конечно, знал. Вместе ведь на дело собирались. Так что же, знал и нам оставил? Пистолет-то—первая улика! Из него человека убили. И сообщник уходит, про него позабыв? Так не бывает.

— Я, товарищ подполковник, рассуждал так: один из них вниз обвалился, на оклик не отзывается, вытащить его невозможно, второй и сдрейфил. Сгоряча сел в машину, а когда отъехал, то сообразил, что с ней не сегодня-завтра попадется. И бросил.

— А ключи-то от машины в кармане у Барабанщика нашли,—улыбнулся Корнилов.—Про это ты забыл, товарищ Мухин? С веревочной лестницей-то ему ничего не стоило вниз спуститься. Проверить, жив ли сообщник, оружие забрать. И уехать. На машине. Ибросил бы он ее где-нибудь подальше. Чего ему на ночь глядя пешком топать, в электричках мелькать. Мог бы даже доехать на машине до города—и концы в воду. А еще лучше—поставить ее около хозяйствского дома и права из «бардачка» забрать. Вот уж тогда мы вряд ли узнали бы, кто тут у вас разబился.

— Слишком уж умный преступник у вас, товарищ подполковник, получается,—сказал Мухин.

Корнилов расхохотался:

— Это ты верно подметил, Владимир Филиппович. Но уж такая у меня привычка. За дураков я их никогда не считаю. Правда, и без курьезов не обходится. Искали мы как-то одного рецидивиста, только освободившегося. Сидим, рассуждаем с ребятами в управлении и так и эдак: как бы он повел себя в одном случае, в другом. Домысливаем за него. А он, пока от нас в лесу скрывался, использовал в одном большом деле справку, которую ему в колонии выдали. Можешь себе представить? Все в этой справке—фамилия, имя, отчество, по какой статье осужден...

Они долго смеялись, а потом Корнилов сказал серьезно:

— Но вообще-то, Владимир Филиппович, преступника никогда нельзя в дураках числити. В два счета прочиташься.

Вернувшись Новицкий и Прохор Савельевич. Корнилов спросил у сторожа:

— В последнее время никто к вашей церкви не проявлял интереса?

— Бывало. Нынче прямо поветрие какое-то. По домам шастают, у старух иконы торгуют. Тыфу, проклятые!—Он зло сплюнул.—И ко мне наведывались. Покойника-то я не припомню. Не видал. А разные другие заходили. «Открой, Савельич, храм, дай поглядеть, нет ли чего интересного».

— Показывали?

— Если серьезные люди—показывал. Чего не показать? А шантрапе—от ворот поворот. Эти все на рубли норовят мерить.

— А из серьезных что за люди приходили?

— Из города приезжали. Художник один со студентами. Лигачев фамилия.

— Юрий Никитич!—сказал Новицкий.—Знаю, знаю. В Репинском институте руководит мастерской портрета. Хороший художник.

— Обстоятельный гражданин,—подтвердил сторож.—Я им все показал. Один учёный еще был, запамятовал фамилию. В позапрошлом году раза два Михаил Игнатьевич захаживал. Дачник Орлинский. Теперь большой начальник по строительству стал. Не приезжает боле. А раньше у Маруси Анчушкиной избы снимал несколько лет подряд.

— Михаил Игнатьевич?—насторожился подполковник. Михаил Игнатьевич—это имя ему было знакомо.—А фамилия его не помните?

Баланин мотнул головой:

— Нет. Прямо напасть какая-то! Нету памяти у меня на фамилии. Имена всю жизнь помню, а фамилия для меня ровно пустой звук.

— Застанем мы эту Марусю, если сейчас подъедем?

— Ее в любое время застанешь. Вроде меня калека. Хромоножка. Весь день на огороде торчит. Фамилия Марусиного дачника была Новорусский.

— Интересный дед Прохор Савельич,—рассказывал Новицкий, когда они возвращались в Ленинград.—На вид-то совсем простяга, а умница. Льва Николаевича Толстого всего прочитал. И ведь с чего начал? Со статей. Я, Игорь Васильевич, честно признаюсь, больше двух страниц толстовских богоискательств прочесть не могу. А старик одолел. Потом и за прозу взялся. Он сам-то верующий. И решил проверить—в чем у Льва Николаевича разлад с верой вышел...

Корнилов вполуха слушал Новицкого, а сам думал о Новорусском. Что это? Простое совпадение? В клиентах у Барабанщика состоял, «Волгу» имеет и личную и служебную, к Прохору Савельичу в церковь наведывался иконками поинтересоваться. Правда, два года назад. Ну и что? Он вполне мог «хаусмайору» рассказать об этих иконках. Не специально наводить, а так, между прочим. Помянул как-нибудь в разговоре, а «хаусмайор» намотал себе на ус. Потом бы Аристарху Антоновичу в тридорога сбагрил. «Это все мелочи,—останавливал себя подполковник.—Настоящий преступник никогда часто не мелькает, не засвечивается. Да и человек все-таки заметный—начальник треста. Что у него общего с этим жулем? Общее-то, пожалуй, есть,— доставала общий, темная личность, спекулянт. Коготок увяз...»

— У него дома в шкафу довоенное собрание сочинений Толстого стоит, все девяносто томов. Представляешь?—Николай Николаевич осекся и с укором сказал:—Да ты никак спиши, милиционер? А я распишусь...

— Не сплю, Николай Николаевич,—улыбнулся Корнилов.—Слушаю тебя внимательно.

— Слушаешь!—недовольно проворчал Новицкий.—Я тебе про такого интересного стариана рассказываю, а ты... Спит, окаянный. Ну о чём я сейчас говорил?

— Про Толстого.

— Про какого Толстого? Про Льва, Алексея Николаевича или Алексея Константиновича?

— Про Константиновича,—схитрил Корнилов.

— Ладно, судя все ясно: зуб золотой, салоги «Джимми»,—два года! Продолжай спать.

— Это откуда ты про салоги «Джимми» знаешь?

— Тебе не понять! Ты никогда шпаной не был.

— А ты был?

— Был. Василеостровским шпаненком.

Встречаясь друг с другом, они любили вот так попикироваться, подразнить друг друга, скрывая за этим грубоносым поддразниванием искреннюю теплоту отношений.

— Честно говоря, я Алексея Константиновича больше всех из Толстых люблю,—сказал Новицкий.—Понимаю, Лев Николаевич—титан, глыба, но чувству не прикажешь... Алексею же Константиновичу я одного только простить не могу—как это он написал про Россию: «Страна у нас богата, порядку только нет?»

— Что, разве неправильно?

— В том-то и дело, что неправильно! Ведь не об этом порядке в летописи шла речь!—серьезно сказал Новицкий.—Когда князь Гостомысл умер, порядка в наследовании не было. Сыновей у него не было! Вот и обратились к славянским князьям с острова Рюген, которые были женаты на Гостомысловых дочках: приходите княжить, страна у нас богатая, а наследовать престол некому. А вы, дескать, Гостомыслу родня, раз на его дочерях женаты. Интересно?

— Интересно,—согласился подполковник.—Это ты сам придумал или прочитал где?

— Прочитал. Ты что ж думаешь, я только холсты мажу да гостей принимаю?

— Ты, кстати, этюды собираешь писать,—спросил Корнилов.

— Я портрет Баланина набросал. Пастелью. Характерный дед. Я к нему на неделю скоро приеду.

«Эх,—подумал Игорь Васильевич,—счастливый человек. Понравилось ему у старика—приедет на неделю. Рыбу половит, этюдами займется. Да и грибы, наверное, пошли. А мне утром к девяти, а когда домой—никто не знает». Потом подумал о Новорусском: «Жаль, что я не видел его. Трудно рассуждать о действиях человека, ни разу не посмотрев ему в глаза. Как только это сделать потактичнее?»

— Игорь Васильевич, а как зовут этого гореколлекционера икон?—спросил вдруг Новицкий.

— Аристарх Антонович Платонов.

— Аристарх, Аристарх...—задумчиво повторил Новицкий.—Редкое имя. И красивое. Я знаю несколько серьезных коллекционеров, но про Аристарха не слыхал. И что, у него хорошая коллекция?

— Иконами вся квартира увешана, а хорошая или нет—какой я ценитель.

— Это ты брось! Каждый человек с мало-мальски развитым художественным вкусом отличит подделку от произведения искусства.

— И милиционер?—хитро усмехнулся Игорь Васильевич, но художник не заметил его усмешки и сказал серьезно:

— В вашем министерстве даже студия художественная есть. Я года три назад на выставке побывал—очень неплохие работы видел. Молодцы милиционеры.—Он задумался на мгновение и тут же, словно вспомнив о давно мучившем его вопросе, спросил:—Послушай, Игорь Васильевич, а как же так получается,—этот Аристарх, ценитель прекрасного—и вдруг в чужой дом залез?

— Об этом тебя бы следовало спросить.

— Нет, правда. Кажется, взаимоисключающие начала—тяга к прекрасному и безнравственные поступки!?

— Если бы знать, на чем основана эта тяга к прекрасному,—задумчиво сказал подполковник.—А то ведь и так бывает—один гонится за модой, другой решает, что так удобнее свои капиталы пристрастить, третий вообще «коллекционирует» все, что плохо лежит. А еще скажу я тебе, Николай Николаевич,—ты только не осуждай меня за примитивизм—эстетическое развитие не может восполнить проблемы в нравственном воспитании. А у нас часто пытаются одно другим подменить. Художественная самодеятельность, кружки по интересам... Каких только студий для молодежи не организуют и считают, что этого достаточно, чтобы выросли хорошие, честные люди. Нет, дорогой товарищ художник. Этого мало. Помнишь автомобильное дело? Один из участников шайки был мастер спорта. А девица... Как ее звали?—Он на секунду задумался.—Лаврова! Помогала фальшивые документы готовить. В свободное же время пела в ансамбле.

— Это же капля в море! Единицы!

— Я и не говорю, что таких людей много. Но есть! Несколько лет назад обокрали музыкальный магазин в пригороде. Так ворами оказались подростки из самодеятельного джаза при Доме культуры.—Корнилов покосился на Николая Николаевича и спросил:—Что молчишь? Не нравится тебе моя доморощенная теория? Ну вот. И начальству моему не нравится. Говорят, что я недооцениваю роль эстетического воспитания в формировании коммунистической нравственности. А откуда возьмется эта нравственность, если парня дома не воспитали? С самого раннего детства. Если он в школе слышит одно, а дома другое. А еще хуже—когда слышит одно, а видит другое. Отец ему говорит: воровать нельзя,—а сам по вечерам собирает цветной телевизор из ворованных деталей.—Он в сердцах хлопнул кулаком по колену.—Ладно! Разговорился я.

— Да уж, редкий случай,—засмеялся Новицкий.—Из тебя обычно слова клещами не вытянешь. Значит, по-твоему, этого Аристарха в детстве плохо воспитывали?

— Все сложнее, все сложнее,—ответил Корнилов, отрешенно глядываясь в раскинувшееся вдоль дороги поле с голубой каймою леса на горизонте. Два трактора перепахивали землю. В огороде у одинокого домика девочка в красном платье жгла картофельную ботву. Неожиданно подполковник повернулся к Новицкому.

— Знаешь, мне о человеке много говорят детали. Не слова, не характеристики. Не лицо, хотя я считаю, что в теории Ломброзо много верного. А вот незначительная деталь может вдруг открыть самое скованное в человеке. Самое характерное, самое глубинное, особенно если человек в это время наедине сам с собой. Возьмем того же Платонова. Мне наш инспектор рассказал: когда Аристарх залез в дом к Барабанщиковой, снял со стены и положил в «дипломат» иконы, то огляделся, открыл бар, выпил стакан коньяку. Лежал в баре блок сигарет американских. Он и этот блок тоже к себе в портфель положил. Есть за этим характер?

— Да уж,—покачал головой Новицкий.—Большой эстет товарищ Аристарх.

Остальную дорогу до города они ехали молча, не проронив ни слова.

У «хаусмайора» Барабанщикова была обширная клиентура. Уже два дня сотрудники Корнилова занимались телефонными разговорами, а список все разрастался и разрастался. В нем красовались фамилии нескольких актеров, поэта-сатирика, директора Дворца культуры, инженеров. В поле зрения милиции попали бармен из интуристовской гостиницы и заведующий секцией большой аптеки. С ними предстоял еще особый разговор — подполковник считал, что именно через этих людей Олег Анатольевич доставлял для своих клиентов импортные сигареты, джинсы и дефицитные лекарства. Многие из подопечных «хаусмайора» имели автомашины, несколько человек — «Волги». По разрешению прокуратуры осторожно, чтобы не обидеть владельцев, инспекция ГАИ проверила отпечатки протекторов этих «Волг». Ни один не совпал с парголовскими. Да и никто из владельцев этих автомашин не вызывал особых подозрений. Проверку провели только за тем, чтобы, по выражению Семена Бугаева, «закрыть тему», не беспокоить людей еще раз. Но до сих пор сотрудники уголовного розыска не могли напасть на след владельца «Волги» — мастера из безвестного ателье. Кроме Новорусского, никто из клиентов «хаусмайора» больше о нем не упоминал. Мать и сестра Барабанщикова, приехавшие из деревни на похороны, о делах Олега Анатольевича вообще понятия не имели и друзей его не знали.

Корнилов попросил сотрудников обзвонить клиентов Олега Анатольевича и попытаться выяснить, не прибегал ли кто-либо из них к помощи покойного при шитье костюмов или починке телевизоров. Правда, это была та область бытовых услуг, где люди вполне могли обойтись без посредничества услужливых ловкачей.

— Предупреждаю. В общении с этими людьми у вас одно оружие — вежливость, — напутствовал подполковник инспекторов, строго глядя на Семена Бугаева. Новорусский таки позвонил Селиванову и пожаловался на то, что капитан якобы разговаривал с ним грубо. Правда, когда Селиванов предложил ему написать жалобу, управляющий трестом отказался. И даже пробормотал нечто маловразумительное о молодости «Бугаева» и нежелании портить ему карьеру. Корнилов в разговоре с Селивановым взял Семена под защиту, но сейчас, на совещании, посчитал нужным — для профилактики — сказать: — Насколько ничего не добьешься. Человек замкнется, ощущает. Или испугается так, что все забудет.

— Такого, как Новорусский, если не испугаешь, так ничего не добьешься, — совсем тихо, себе под нос, пробормотал Бугаев, но подполковник все-таки услышал и с укоризной покачал головой.

— По части такта и вежливости вы, капитан, самое слабое звено в аппарате уголовного розыска.

— Да вежливым я был, товарищ подполковник. Аж самому противно. — В голосе Семена слышалась обида.

— Ладно, ладно, Бугаев, — примирительно поднял ладонь Игорь Васильевич. — Я знаю, что за рамки вы не выходили, но прошу быть еще осторожнее.

«Если бы я не намекнул этому управляющему о моральной ответственности, никогда бы и не узнал о мастере из ателье», — подумал Бугаев и попросил:

— Только пускай звонит Новорусскому кто-нибудь другой.

— Вы будете звонить, — отрезал подполковник.

— Товарищ Бугаев, у меня только и забот, что заниматься воспоминаниями о вашем Барабанщиковой, — сердито сказал Новорусский, выслушав вопрос капитана. — Проблему считаю исчерпанной. — И повесил трубку.

«Наверное, намылили ему в Госстрое шею за то, что плохо строит», — со злорадством подумал Семен.

Не дало результатов повторное обращение сотрудников к осталым клиентам. Правда, жена актера Соловьевика сообщила Володе Лебедеву, что «хаусмайор» помог ей сшить каракулевую шубу в склонной мастерской на Московском проспекте. Даже называла мастера — Павла Аркадьевича Гиревого. Когда Лебедев приехал в ателье, то оказалось, что Гиревый год назад ушел на пенсию.

— Вы не скажете, — спросил Лебедев у заведующей ателье, маленькой пухлой, словно моток шерсти, женщины, — у Павла Аркадьевича есть личная автомашин?

— Личная автомашин? — заведующая ателье так удивилась, словно лейтенант спрашивал о персональном самолете. — Помилуйте, Гиревому восемьдесят лет. Он и на пенсию ушел потому, что трясишка его одолела.

— И никогда не было? — на всякий случай поинтересовался Лебедев.

— И не было. У него восемь внуков. А вы говорите — «Волга».

Продолжение следует.

Максим ГЕТТУЕВ

Радость

Подобен я прозрачному сосуду,
Что радостью наполнен до краев.
Мне слышится сегодня отовсюду
Ее веселый, беспокойный зов.
Она, приди на смешу огорченьям,
Целя искусно сердце от невзгод,
Как сок, созревший в дереве весеннем,
Во мне сегодня бродит и поет.
Вдоль старых стен и притолоки, мимо
Заваленного книгами стола
По комнате моей неудержимо
Она, как зайчик солнечный, прошла.
И, словно неразгаданная сила,
Которой власть безмерная дана,
Меня заворожила,
Закружила
И всемогущим сделала она.
Как лес высокий на заре багряной,

С себя стряхнувший сон и забытье,
Проснулся я.
Куда вокруг ни гляну —
Я вижу радость, вижу лишь ее.
Она — как эта маленькая птица,
Что крыльями трепещет на лету.
Она — дубок, что молодо ветвится
И зrimо набирает высоту.
Она — плывущее к зениту солнце,
И звонкий смех на близком берегу,
И облака, что на небе пасется,
Как беленый барашек на пугу.
Она — в саду раскрывшаяся нежно
Пахучая лиловая сирень.
Она — моя мечта,
Моя надежда,
С которой начинаю новый день.

Отчий дом

В десяти шагах от брода,
На отлогом взгорье — дом,
В незапамятные годы
Ладно срубленный отцом.
Незатейливый, неброский,
Под стражою вырезной.
Пахнут струганные доски
До сих пор смолой лесной.
Все вокруг давно знакомо,
Но нигде ни одного
Не найти мне в жизни дома
Краше дома моего.
Отворил калитку ветер,
Над трубой вьется дым.
Этот дом —
Один на свете —
Называется родным.
Сад пылает белым цветом,
Вдаль уходит колея.
Время, время...
В доме этом

Начиналась жизнь моя.
Здесь — быть может, в час заката,
Может быть, в рассветный час —
Голос матери когда-то
Я услышал первый раз.
Здесь, где все мне было ново,
Я, к той нови приобщен,
Первое промолвил слово
И увидел первый сон.
Здесь, у низкого порога,
Где осел дверной косяк,
Началась моя дорога —
Начинался мой первый шаг.
За лощиной, возле дома,
Серебристая река.
А вокруг —
До окоса —
Степь, светла и широка.
Словно панцирь, черепица
Защищает Отчий кров
От грозы, что в полночь злится.

От пронзительных ветров.
Крепко сложенные стены
С давних дней до сей поры
Так же неприкосновенны
Для мороза и жары.
И, как встарь, в любую стужу,
В непогоду,
В стылый мрак
Отогреть готов мне душу
Пламенеющий очаг.
Всякий час —
В печали горькой
Или в радости хмельной —
Старый дом на мыштом взгорке
Возникает предо мной.
Я навек оттуда —
Родом,
Верой, сердцем и лицом —
От встающего над бродом
Дома, сбитого отцом!

Музыка

Избавлен я от суеты сторонней,
Свободен я от будничных хлопот.
Доверчивая, из моих ладоней
Легко взмывает птица в небосвод.
И облака над рощею весенней
Плыют куда-то, за собой мания,
И падают расплывчатые тени
На волны зреющего ячменя.
Играет на губах моих улыбка,
Теплеет взгляд.
И это потому,
Что, вскинувшись вверх, играет скрипка
И дарит радость сердцу моему.

Встает заря, уходит мрак безлунный,
В долине просыпается река.
И тонкие, невидимые струны
Перебирает чуткая рука.

И блики на деревьях заплясали,
И распахнулась голубая даль.
И это потому,
Что в людном зале
О красоте земной поет рояль.
И про себя ты день встающий славишь,
И пред тобой бескрайний путь простерт,
Когда в душе твой,
Слетая с клавиш,
С аккордом сочетается аккорд.

О музыка!
Наполнен мир тобою —
И гулкий полдень и ночная тишина.
Ты утешаешь, поднимашь к бою
И гимном солнечным в груди звушишь.
Все в музыке — и счастье и страданье,
Порыв ее то нежен, то суров.
Пронизаны просторы мирозданья
Движением бессонных голосов.
Есть музыка робого накала,
Когда зовут на добрые дела
Литавры грома,
Арфы краснотала
И радужных холмов колокола.
Есть музыка особого замеса,
Когда сливаются в единый зов
Органы водопадов,
Зурны леса
И флейты зеленеющих лугов.
Из века в век,
С восхода до восхода
Как человек, ликуя и скорбя,
Стремится в стройной музыке природа
Найти себя и выразить себя.

Рисунок Валерия Смирнова

Перевел с балкарского
Яков СЕРПИН.

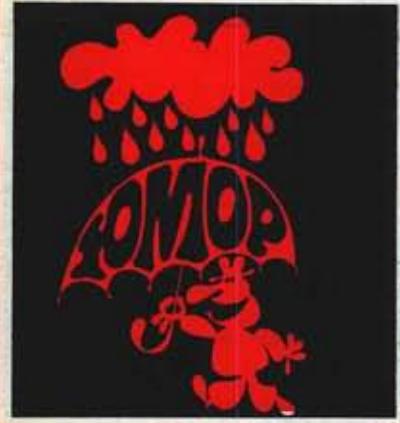

Рисунок Мариной СЕДОВОЙ

Рисунок Владимира КАЗАНЕВСКОГО

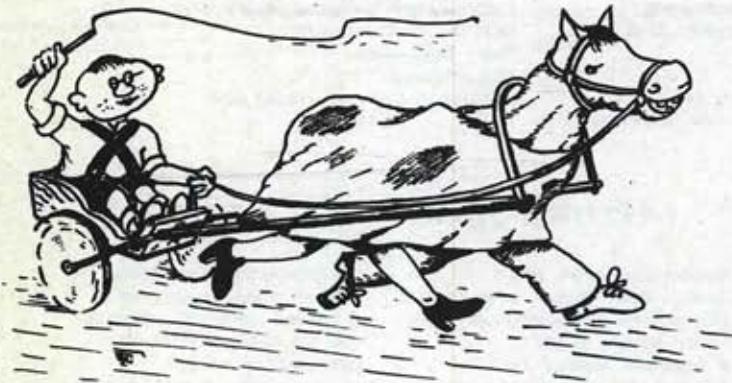
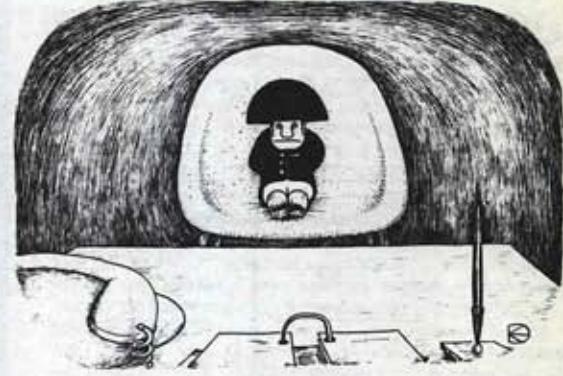

Рисунок Евгения ГРИГОРЬЕВА

Рисунок Льва ГУЛИНА и Александра СОЙФЕРА

ШАХМАТЬ ШАХМАТЫ

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

(Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2, 5 и 6 журнала).

СЕДЬМОЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в четыре хода (2 балла).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (3 балла).

Ход белых. Какова будет ваша оценка шансов сторон в этом эндшпиле? (3 балла).

IV

1. e3 e5 2. e4 Kf6 3. Kc6 Cb4 4. a3 C:c3 5. dc. Что за дебют разыграли соперники? (1 балл).

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

**«ОСКАР»
В СЕДЬМОЙ РАЗ!**

К числу наиболее престижных наград в мире шахматного искусства относится «Оскар». Этот приз ежегодно присуждается Международной ассоциации журналистов, пишущих на шахматную тему. За выдающиеся успехи в состязаниях 1980 года приз «Оскар» — элегантная фигура девушки с зонтиком на постаменте с гербом города Барселоны — был недавно вручен москвичу Анатолию Карпову. Нынешний чемпион мира удостаивается этого почетного трофея уже в седьмой (!) раз.

Хочется отметить, что в группу ведущих гроссмейстеров, набравших «борьбы» за премию «Оскар-80» — большую сумму очков, вошли еще два молодых советских шахматиста — чемпион мира среди юношеской бакинец Гарри Каспаров и чемпион СССР Александр Белявский из Львова.

Хочется отметить, что в группу ведущих гроссмейстеров, набравших «борьбы» за премию «Оскар-80» — большую сумму очков, вошли еще два молодых советских шахматиста — чемпион мира среди юношеской бакинец Гарри Каспаров и чемпион СССР Александр Белявский из Львова.

Перед вами позиция, сложившаяся после 44-го хода черных во встрече А. Карпова (у него были белые фигуры) с гроссмейстером Владиславом Гортом в матче СССР — Чехословакия на последней Всемирной шахматной олимпиаде в столице Мальты Валлетте. Ферзево-слоновое окончание, несмотря на лицину пешку белых, достаточно сложно. Тем сильнее впечатляет характерная для чемпиона мира виртуозная техника реализации минимального превосходства.

45. Cg3—f4 Cf8—c5 46. Cf4—e3! d5—d4 47. Ce3—g5!

Маневрируют белые весьма изобретательно. Предыдущим ходом

они не побоялись предложить партнеру вариант со сдвоением пешек по центральной вертикали, а сейчас отклоняют продолжение, связанное с разменом ферзей, потому что в случае 47. C:d4 Fd5! 48. Cc3 F:d2 49. C:d2 C:f2 у партнера появился бы реальные надежды «отшвартоваться» в ничейной гавани».

47. ...Fa2—d5 48. Cg5—f6 Cc5—f8 49. Ce2—d3 Cf8—g7 50. Fd2—f4! Kpg8—h7 51. f2—f3 b6—b5 52. Kph2—g3 Fd5—d7 53. Cf6:g7 Kph7:g7 54. Ff4—f6+ Kpg7—g8.

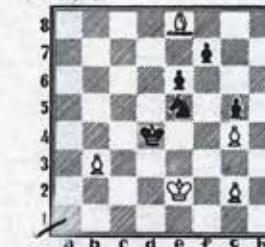
«Под занавес» атаки следует стремительный марш крайней пешки и тактические удары слоном, в результате чего положение неприятельского короля вскоре становится безвыходным.

55. h3—h4! Fd7—e8 56. h4—h5

Ceb—c4 57. h5—h6! Fe8—f8 58.

Cd3:g6 Ff8:h6 59. Cg6:f7+ Kpg8—h7 60. Ff6—f5+ Kph7—h8

61. Ff5—c8+, и черные сложили «оружие» перед лицом неотразимого матта.

Здесь отображен легкофигурный эндшпиль, к которому после 73-го хода белых пришли А. Белявский и румынский гроссмейстер Флорин Георгиу на международном турнире в Бадене (Австрия).

А. Белявскому, игравшему черными, удается выиграть пешку, а затем четкими действиями создать пару связанных проходных.

73. ...Kpd4—c3! 74. Krc6—e3 Ke5:g4+ 75. Krc3—f3 f7—f5! 76. Kpf3—e2 Kg4—f6 77. Ce8—g6 f5—f4 78. g2—g3 e6—e5! 79. g3:f4 g5:f4 80. Cg6—f7 e5—e4!

Пешечный дуэт черных, поддержаный конем и королем, неудержимо продвигается в ферзи. По-

лытки партнера устоять успеха не возвели.

81. Cf7—g6 f4—f3+ 82. Krc2—f2 Kf6—g4+ 83. Kpf2—e1 Krc3—d3 84. Cg6—e8 f3—f2+ 85. Kpe1—f1 e4—e3 86. Ce8—b5+ Kpd3—d2 87. b3—b4 Kg4—h2+ 88. Kpf1—g2 e3—e2!, и белые пошли на капитуляцию.

Ситуация, которую вы видите на этой диаграмме, возникла после 13-го хода черных в поединке Г. Каспарова (он играл белыми) с венгерским гроссмейстером Иштваном Чомом на международном турнире в Баку.

Энергичным и смелым штурмом, без всякой боязни ослабить тылы вокруг собственного короля, белые сдавливают инициативой на своем правом фланге.

14. g3—g4! Cf5—e4 15. Ke2—g3 Ce4:g2 16. Kpg1:g2 Kd7—f8 17. g4—g5 Kf6—d7 18. h3—h4 Kd7—e5?

Парадоксально, но факт: обычно весьма выгодная централизация коня в данном конкретном случае оборачивается немалыми неприятностями. Посредством хода 18. ...Cfb6 с дальнейшим захватом ладьей открытой вертикали на ферзевом фланге черные еще могли упорно сопротивляться.

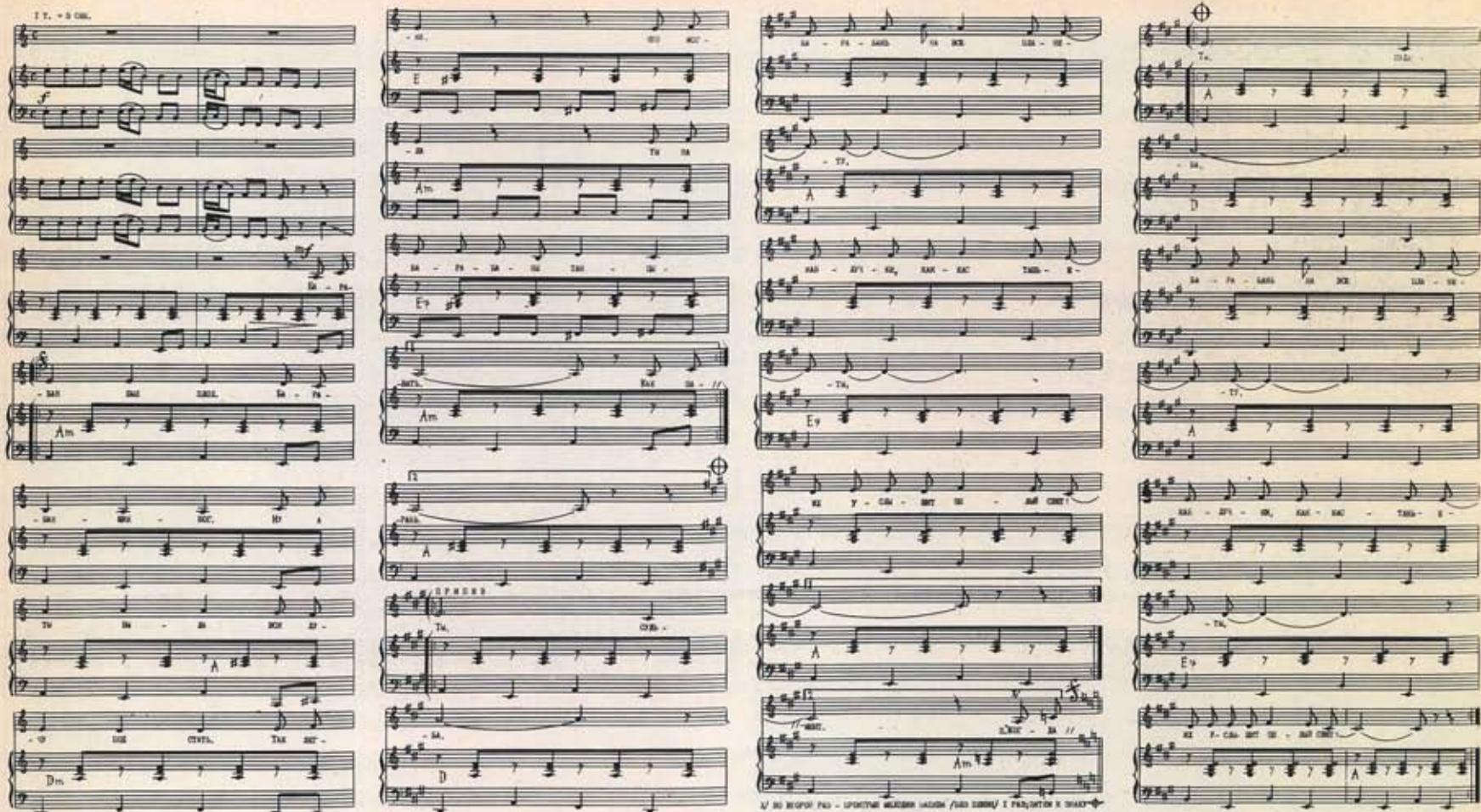
19. h4—h5! f7—f6 20. Kc3—e4 f6:g5 21. Cc1:g5 Fd8—b6 22. h5—h6! Ke5—f6 23. h6:g7 Kf6—d7 24. Ke4—f6+ Kd7:f6 25. Cg5:f6 Fb6—g6 26. Lf1—h1 Cc5—b6 27. Fd1—f3 Kf7—e5?

Судьбу сражения молниеносно решает красавая, хотя и несложная комбинация с жертвой ферзя и ладьи.

25. Kg3—f5! Ke5—f7 26. Lh1:h7!, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.02.81. Подписано к печати 05.03.81. А 05049. Формат 70×108^{1/2}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 764. Заказ № 284. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва. А-137. улица «Правды». 24.

Музыка Раймонда ПАУЛСА
Стихи Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

БАРАБАН

Барабан был плох. Барабанщик — бог.
Ну, а ты была вся луча под стать.
Так легка, что могла
Ты на барабане танцевать.

Ты, судьба,
Хоть ты далека отсюда,
Но со мной осталось чудо.
Словно аккомпанемент.

Как запляшешь ты, всюду звон такой.
Под тобой поет барабан большой.
Барабань, барабань,
Только каблучком его ты не порань.

Когда ты уйдешь, барабанит дождь.
Барабанит грусть, и погода дрянь.
Барабань, барабань,
Ты куда ушла в такую рань?

ПРИПЕВ:

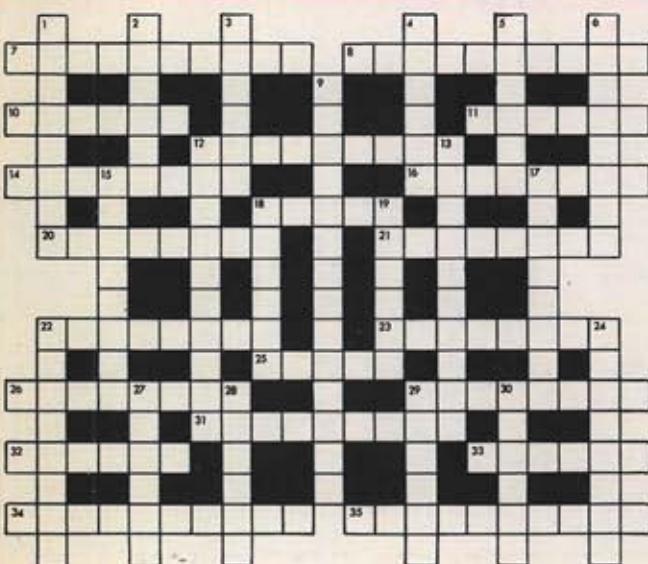
Ты, судьба,
Барабань на всю планету,
Каблучки, как кастаньеты,
Их услышит целый свет!

А когда концерт, барабанщик — бог.
Вспоминает он пару звонких ног.
Барабань, барабань,
Даже если сердце пополам.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

Составил С. МАЛАХОВСКИЙ,
Томск

По горизонтали:

7. Книгохранилище. 8. Рассказ М. Горького. 10. Медная руда. 11. Специалист по подготовке спортсменов. 12. Форма для отливки металла. 14. Роман Г. М. Маркова. 16. Итальянский ученый, выдвинувший молекулярную гипотезу строения вещества. 18. Автор поэмы «Буденний». 20. Один из первых стахановцев на транспорте, Герой Социалистического Труда. 21. Геодезический инструмент. 22. Многолетний злак, растущий по берегам водоемов. 23. Академик, физик, трижды Герой Социалистического Труда. 25. Город в Амурской области. 26. Помещение для выращивания растений в искусственно регулируемых условиях. 29. Передовая работница, новатор. 31. Певчая птица. 32. Один из героев романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 33. Польский народный танец. 34. Основная железнодорожная линия. 35. Работы по орошению, осушению земель.

По вертикали:

1. Метеоролог, дающий прогнозы погоды. 2. Соединительная деталь трубопровода. 3. Песня М. Г. Фрадкина. 4. Песня С. И. Танеева. 5. Город в Ровенской области. 6. Твердое вещество, упавшее из космоса на Землю. 9. Поэт, лауреат премии Ленинского комсомола. 12. Советский космонавт. 13. Широкое шоссе. 15. Город в Московской области. 17. Организм, возникший в определенном месте, но вследствие миграции обитающий в иной местности. 18. Точка зрения, с которой воспринимается то или иное явление: понятие. 19. Деталь машины в виде полого цилиндра. 22. Пьеса народного писателя Белоруссии А. Е. Макаенка. 24. Латышский советский поэт. 27. Порт на Черном море. 28. Мелкозернистая горная порода, используемая для абразивных изделий. 29. Приток Амазонки. 30. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Иоланта».

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

4. Андромеда. 5. Кошара. 7. Мадрас. 9. Луара. 12. «Утес». 14. Товстоногов. 15. Айва. 17. Одесса. 19. «Тронка». 21. «Владимирка». 22. Коноплянка. 24. Барсук. 26. Азamat. 28. Инта. 29. Автомотриса. 30. Тавр. 31. Киоск. 32. Иматра. 34. Арника. 36. Глиссандо.

По вертикали:

1. «Маша». 2. Шостакович. 3. Санд. 5. Красно. 6. Аляска. 7. Мамонт. 8. Салака. 10. Достоинство. 11. Волоколамск. 13. Талалихин. 16. Великанов. 18. Джиди. 20. Колба. 23. Лесополоса. 24. Бланки. 25. Кнопка. 26. Африка. 27. Тети-ва. 33. Тигр. 35. Неон.

МЕЛОДИИ МСТЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Мстера красива во все времена года. Село удивительно живописно весной и ранним летом, когда цветут вишни и яблони. Сколько в природе красок! И каждый раз это неожиданный праздник, не оставляющий равнодушными ни кисть художника, ни

фирменными вышивками «мстерская белая гладь» и «владимирский красный шов».

Тонкость письма, лиризм, постоянный поиск своего колорита позволили Вячеславу Муратову в последние годы стать одним из ведущих худож-

МСТЕРСКИЙ ХУДОЖНИК БЕРЕТ В «СОАВТОРЫ» НЕ ТОЛЬКО НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, НО И СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА. «СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ» ПРОДОЛЖАЕТ СВОЮ ЖИЗНЬ В ЛАКОВЫХ МИНИАТЮРАХ МАСТЕРА.

«СВИДАНИЕ».
«УХОДИЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ НА ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ».

перо поэта. Не случайно мстерская земля так богата народными талантами, ярко выражившими красоту родного края в поэтической строке и песнях, в вышивке, чеканке, а чуть позднее — в лаковой миниатюре и изделиях ювелиров, которые развили и продолжили традиции и славу местных художников и мастеров русской ткани.

Неповторимый колорит Мстера стал источником творчества и молодого художника фабрики «Пролетарское искусство», лауреата премии Ленинского комсомола Вячеслава Муратова. В своих произведениях он часто берет в «соавторы» русские народные песни, такие, как «По улице мостовой», «Хуторок», «Что ты жадно глядишь на дорогу», «Живет моя отрада в высоком терему»...

Увлеченность песней не случайна. Народную песню любят в Мстере, любят ее и в молодой семье Муратовых. Здесь тон задает жена Нина — рукодельница фабрики имени Н. К. Крупской, знаменитой своими

никами Мстера, постоянным участником республиканских, всесоюзных и международных выставок. Лучшие его работы приобретены несколькими музеями страны.

Особое место в творчестве молодого художника занимает комсомоль-

ская тема. Истоки ее также идут от песен «Уходили комсомольцы на гражданскую войну», «Конармейская тачанка»... К этой теме Вячеслав подходит с большой ответственностью. Долго вынашивает замысел, ищет композиционное и цветовое решение произведений. И только после этого герои гражданской войны и первые комсомольцы продолжают свою славную жизнь в лаковых миниатюрах Вячеслава.

Успех Муратова не случаен. Еще будучи учащимся местного художественного училища, тщательно и терпеливо изучал он традиции мстерской живописи, методы и манеру письма основоположников «русских лаков». Да и сейчас его часто можно увидеть у музейных стендов фабрики, где выставлены пластины и шкатулки таких замечательных мастеров, как А. Брагин, Е. Юрин, И. Фомичев, А. Крылов... И когда смотришь на работы Вячеслава Муратова, то невольно думаешь — эстафета старых мастеров лаковой живописи передана в надежные руки.

Николай ЛАЛАКИН

